HD713
.G68

Ю. В. Готье.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ
ВЪ РОССІИ.

Сергіевъ Посадъ.
ТИПОГРАФІЯ И. И. ИВАНОВА.
1915.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HD713
.G68

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
DEC 09 1991			
DEC 18 '9			
JUN 03 1993			
JUN 03 '93			

Form No. 513, Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/ocherkistorizeml00gote_0

Karton

Многоуважаемому Ивану Федоровичу Рыбакову Отъ автора

Ю. В. Готье.

HD713.
.G68
MC

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ РОССІИ.

231

№ 62.

Сергіевъ Посадъ.

ТИПОГРАФІЯ И. И. ИВАНОВА.

1915.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ составился изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ. Онъ предназначается главнымъ образомъ для слушателей автора и самое появленіе его объясняется тѣмъ, что въ нашей литературѣ не существуетъ спеціальныхъ пособій для ознакомленія съ общимъ ходомъ исторіи русскаго землевладѣнія. Въ его настоящемъ видѣ очеркъ носитъ нѣсколько двойственный характеръ; съ одной стороны хотѣлось отмѣтить лишь главныя явленія, дабы не затемнять общей схемы историческаго процесса; съ другой приходилось, имѣя въ виду ближайшую цѣль очерка, вносить нѣкоторыя излишнія подробности.

Книга заключаетъ обзоръ исторіи землевладѣнія только въ областяхъ имперіи, населенныхъ русскимъ народомъ; исключеніе составляютъ лишь два послѣднихъ §§ 68 и 69, гдѣ читатель найдетъ краткій очеркъ земельнаго строя балтійскаго края; это объясняется во первыхъ тѣмъ, что балтійскій край уже болѣе двухъ столѣтій входитъ въ составъ русскаго государства, а во вторыхъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что крестьянская реформа, произведенная тамъ въ 1816—1819 гг., имѣетъ извѣстное значеніе и для исторіи крестьянской реформы Императора Александра II.

ГЛАВА I.

Общія понятія о землевладѣніи въ его историческомъ развитіи.

§ 1. Подъ исторіей землевладѣнія подразумѣвается исторія отношеній человѣка къ пользованію и обладанію поверхностью земли, на которой протекаетъ жизнь человѣчества и которая производитъ хозяйственныя блага, необходимыя для человѣческаго существованія. Владѣніе землею по характеру объекта владѣнія, существенно отличается отъ обладанія другими предметами или вещами. Земля недвижима, ея площадь не можетъ быть увеличена произвольно по волѣ человѣка, земля существенно необходима человѣку какъ источникъ хозяйственныхъ благъ; наконецъ, права на владѣніе землею отдѣльныхъ лицъ сочетаются съ такими же правами общественныхъ союзовъ, въ особенности самаго крупнаго изъ такихъ союзовъ—государства. „Движимая вещь по существу своему и въ большей части случаевъ, есть произведеніе личнаго труда и личной силы. Напротивъ того, недвижимость и по преимуществу земля, непосредственное твореніе Божіе, содержа въ себѣ общій источникъ производительной силы, сама по себѣ не является предметомъ обладанія человѣческаго“. „Исключительное личное обладаніе землею, чтобы уподобиться обладанію движимой вещью, нуждается въ опредѣленіи, въ обособленіи“. „Человѣкъ долженъ еще сѣсть на землю, овладѣть извѣстною ея частью, для того чтобы земля стала его собственностью“ [1]). „Для большинства частныхъ людей земля является главнымъ основаніемъ благосостоянія и кредита и понятно, почему за недвижимымъ имуществомъ сохранился особый правовой характеръ“ [2]).

Наблюденія соціологовъ надъ жизнью народовъ земного шара, установили съ полной очевидностью единообразіе процесса эволюціи отношенія человѣка къ обладанію землею во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Первобытный человѣкъ не зналъ права собственности на

---

[1]) Побѣдоносцевъ. Курсъ гражданскаго права, часть I, т. II, § 80.

[2]) Кассо. Поземельное право. § 3.

землю, не зналъ онъ и постояннаго владѣнія занятымъ имъ участкомъ. Обиліе пустыхъ, никѣмъ не занятыхъ пространствъ, малочисленность людей, характеръ промысловъ, которыми первобытный человѣкъ добывалъ себѣ пропитаніе—охота, рыбная ловля—не привязывали его къ одному опредѣленному мѣсту; поэтому первобытному человѣку было свойственно только представленіе о временномъ исключительномъ пользованіи занятымъ имъ участкомъ земли, продолжавшемся до тѣхъ поръ, пока такой участокъ былъ ему нуженъ. Подобное представленіе о временномъ обладаніи даннымъ участкомъ земли не чуждо и животному міру.

Переходъ отъ звѣроловства къ скотоводству какъ главному занятію, не влечетъ за собою большихъ измѣненій въ порядкѣ и условіяхъ владѣнія землею; скотоводство неразрывно связано съ кочеваніемъ, при которомъ характеръ владѣнія землею остается по необходимости временнымъ. Только переходъ къ осѣдло́му быту, соединенному съ земледѣліемъ, которое становится основнымъ средствомъ къ жизни, влечетъ за собою коренныя измѣненія въ области владѣнія землею: изъ временнаго оно становится постояннымъ. Постоянный трудъ надъ землею пріучаетъ къ мысли о томъ, что земля есть собственность того, кто ее обрабатываетъ. Древнѣйшій видъ постояннаго землевладѣнія—землевладѣніе коллективное. Люди живутъ группами, объединяемыми памятью объ общемъ происхожденіи и общими вѣрованіями. Такая группа можетъ быть родомъ, т. е. разросшейся семьей, дѣйствительно происходящей отъ одного общаго основателя, соединеніемъ нѣсколькихъ родовъ, которыхъ связали общіе интересы, обломкомъ рода, отколовшимся отъ первоначальнаго ядра, или же, наконецъ, искусственнымъ соединеніемъ, гдѣ рядомъ съ родичами живутъ новыя лица, чужеродцы, принятые по договору и принявшіе родовой культъ. Подобная группа живетъ вмѣстѣ и сообща владѣетъ необходимыми для нея землями; отдѣльнымъ семьямъ даются земледѣльческіе участки, но право распоряженія всей землей, право передѣла участковъ принадлежатъ родовымъ или выборнымъ старшинамъ группы; лѣсъ, пастбища, сѣнокосы находятся въ общемъ пользованіи. Съ переходомъ къ болѣе сложному государственному быту въ порядкѣ владѣнія землею наблюдаются новыя измѣненія; важнѣйшія изъ нихъ заключаются въ происхожденіи и развитіи индивидуальной земельной собственности. Происхожденіе этой послѣдней не всегда одинаково, но всегда связано съ появленіемъ сильныхъ людей, устанавливающихъ свою власть надъ первоначально свободными группами равноправныхъ людей. Старшинамъ отводятся лучшіе и бо́льшіе по размѣрамъ участки земли, закрѣпляемые постепенно въ ихъ собственность; подъ вліяніемъ внѣшней опасности въ цѣляхъ обороны, а иногда и нападенія, нѣсколько перво-

начальныхъ группъ соединяются въ союзъ съ вождями во главѣ; вожди также получаютъ бо́льшіе участки земель, а пріобрѣтая значительную долю военной добычи, они сажаютъ военноплѣнныхъ, обращенныхъ въ рабство, на принадлежащую имъ землю, освояя ее окончательно, считая ее своею собственностью; при завоеваніи одного племени другимъ, завоеватели отбираютъ часть земли у покоренныхъ, распредѣляютъ ее между собою и сами становятся привилегированнымъ слоемъ среди порабощеннаго ими племени. Въ странѣ появляются купцы, начинаетъ развиваться торговля; первобытный купецъ торгуетъ всякимъ товаромъ, какой у него подъ рукою, а когда можно, легко превращается въ разбойника; накопленное богатство служитъ для пріобрѣтенія вліянія среди соплеменниковъ и сосѣдей и для освоенія земельныхъ участковъ; на присвоенныхъ земляхъ осаживаются захваченные и скупленные въ набѣгахъ и торговыхъ экспедиціяхъ рабы. Взаимныя отношенія древнѣйшаго коллективнаго и позднѣйшаго индивидуальнаго землевладѣнія развиваются опредѣленнымъ образомъ: послѣднее подчиняетъ себѣ и мало по малу разрушаетъ первое. Сила политическая и экономическая на сторонѣ представителей перваго; завоеваніе и экономическое порабощеніе продолжаютъ свое дѣло: экономическая несостоятельность членовъ древнихъ общинъ заставляетъ ихъ идти въ кабалу богатымъ земельнымъ собственникамъ; государи, пользуясь своею властью, раздаютъ свободныя общины людямъ, состоящимъ на ихъ личной службѣ. Этому способствуетъ состояніе народнаго хозяйства, находящагося въ натуральной стадіи и характеризуемаго ничтожнымъ денежнымъ оборотомъ. Мало по малу территоріи вольныхъ общинъ переходятъ въ собственность государей, знатныхъ людей, богатыхъ купцовъ, причемъ обѣ послѣднія категоріи постепенно сливаются въ одно цѣлое; видное мѣсто среди привилегированныхъ владѣльцевъ занимаетъ обыкновенно церковь; древнія общины перестаютъ быть собственниками занятыхъ ими территорій и сохраняютъ за собою только право владѣнія ими, сопряженное съ несеніемъ часто многочисленныхъ повинностей въ пользу собственниковъ.

Древнѣйшіе представители индивидуальнаго землевладѣнія владѣли землею на правѣ полной собственности; по мѣрѣ того какъ развивается государственный организмъ и осложняются его функціи, надобность въ слугахъ, преимущественно военныхъ, растетъ; государство, раздавая имъ земли въ обезпеченіе, раздаетъ ихъ уже не на правахъ собственности, а во временное владѣніе, пока продолжается ихъ служба; въ такомъ случаѣ государство сохраняетъ право собственности на землю, право владѣнія принадлежитъ служилому человѣку, а за закабаленными потомками прежнихъ коллективныхъ владѣльцевъ остается болѣе или менѣе стѣсненная возможность пользованія землею. Такъ какъ, однако,

земли, раздаваемыя въ условное владѣніе, служатъ обезпеченіемъ для слугъ государства, а для послѣдняго выгодно, чтобы слуги всегда имѣли надлежащее обезпеченіе и чтобы земли, съ которыхъ они служатъ, были бы въ непрерывной эксплуатаціи, такъ какъ съ другой стороны самимъ владѣльцамъ также выгодно, чтобы такая эксплуатація продолжалась непрерывно, то земли, владѣемыя сначала условно, съ теченіемъ времени переходятъ въ постоянное владѣніе служилыхъ людей и, наконецъ, становятся ихъ полной собственностью.

Въ этой стадіи своего развитія землевладѣніе, обыкновенно, представляетъ такую картину: право собственности на землю принадлежитъ только государству, различнымъ разрядамъ его слугъ, являющимся членами привилегированныхъ сословій, наконецъ, церкви; самое право владѣть землею какъ собственностью, есть одна изъ привилегій, отличающихъ высшія сословія отъ всего остального населенія, имѣющаго возможность только пользоваться и воздѣлывать землю, принадлежащую другимъ, и въ лучшихъ случаяхъ владѣть ею на самыхъ ограниченныхъ правахъ. Земля закрѣпощена привилегированнымъ сословіямъ, подобно тому какъ обычно въ это время закрѣпощенъ имъ трудъ земледѣльца, а очень часто и личность послѣдняго.

По мѣрѣ того, какъ расширяется общественная и политическая свобода и развивается капиталистическое хозяйство, происходитъ раскрѣпощеніе земли и земледѣльца изъ подъ власти привилегированныхъ группъ. Въ государствахъ новѣйшаго времени право собственности на землю принадлежитъ всѣмъ безъ изъятія; право купли продажи не стѣсняется никакими ограничительными законами, или же стѣсняется только въ исключительныхъ случаяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ преобладать собственность индивидуальная; собственность коллективная сохраняется далеко не вездѣ, являясь при этомъ чаще всего пережиткомъ прежняго времени. Такова общая схема эволюціи землевладѣнія въ міровой исторіи. Эволюція землевладѣнія въ Россіи происходила по такому же пути, конечно съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ частныхъ особенностей, свойственныхъ каждому мѣстному историческому процессу.

Литература: *Блюменфельдъ.* Къ вопросу о землевладѣніи въ древней Россіи. Од. 1884. *Его же.* О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи. Од. 1884. *Ковалевскій М. М.* Соціологія, вып. II. Спб. 1910. *Его же.* Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Спб. 1895.—*Н. Н. Харузинъ*, Этнографія, вып. III, М. 1903.—*Зиберъ.* Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883.—*Побѣдоносцевъ.* Курсъ гражданскаго права, часть I, т. II, отд. 5, глава I-ая.—*Дювернуа.* Чтенія по гражданскому праву, т. I, вып. 2, § 38, 43. *E. de Laveleye.* De la propriété et de ses formes primitives.—*Ch. Letourneau,* L'évolution de la propriété.—*P. Lacombe.* L'appropriation du sol.—*K. Lamprecht.* Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter.—

Его же. Geschichte des Grundbesitzes (въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (тамъ же наиболѣе подробный указатель литературы на нѣмецкомъ языкѣ).—*K. Inama-Sternegg* Ausbildung der grossen Grundherrschaften (въ Schmollers Staat-und Sozialwissenschaftliche Forschungen I, 1).—*Его же.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte.—*Hanssen.* Agrarhistorische Abhandlungen.—*Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. L'alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne.

ГЛАВА II.

Земельный строй Кіевской Руси.

§ 2. Происхожденіе Кіевскаго государства.

Первое русское государство возникло въ IX вѣкѣ среди славянскихъ племенъ, обитавшихъ вдоль пути „изъ Варягъ въ Греки", соединявшаго Балтійское и Черное море посредствомъ рѣкъ бассейна Волхова и Невы съ одной стороны, Днѣпра съ другой. Развитіе торговыхъ сношеній, поддерживаемое сначала съ юга греками и еще болѣе хазарами, поселившимися въ VIII вѣкѣ въ прикаспійскихъ степяхъ, уже успѣло создать среди славянскихъ племенъ, непосредственно прилегавшихъ къ Днѣпровско-Волховскому пути, формы быта, существенно отличавшіяся отъ родового быта, которымъ продолжали жить племена болѣе отдаленныя отъ этого пути — Древляне, Вятичи и др. Вдоль великаго рѣчного пути появились сначала временные торговые центры; позднѣе они превратились въ древнѣйшіе русскіе города, основанія которыхъ не помнитъ наша исторія: такъ возникли Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Новгородъ. Торговый городъ въ лицѣ крупныхъ купеческихъ фамилій становился на мѣсто прежнихъ родовладыкъ и подчинялъ себѣ окрестную, часто довольно значительную территорію, признававшую власть городскихъ старѣйшинъ или, по древнѣйшей терминологіи, „градскихъ старцевъ". Торговля, которую вели города, была тѣсно связана съ военными экспедиціями для пріобрѣтенія товаровъ; сами купцы часто нуждались въ защитѣ отъ нападеній. Для этой цѣли были особенно пригодны шайки скандинавскихъ викинговъ, которые стали появляться на пути „изъ Варягъ въ Греки" съ начала IX вѣка. Но скандинавы, или какъ у насъ ихъ называли „Варяги", нанимаясь на службу къ городскимъ старѣйшинамъ русскихъ городовъ, легко и охотно превращались во властителей тамъ, гдѣ туземное населеніе оказывалось слишкомъ слабымъ, чтобы дать имъ отпоръ. Одна изъ такихъ шаекъ съ Рюрикомъ во главѣ подчинила себѣ Новгородъ около половины IX вѣка; преемники Рюрика къ началу слѣдующаго столѣтія объединили въ своихъ рукахъ весь великій рѣчной путь до южнорусскихъ

степей, населенныхъ кочевниками, и перенесли свою столицу въ главный городъ южной части этого пути—Кіевъ. Съ этихъ поръ начинается непрерывное трехвѣковое существованіе Кіевскаго государства, находившагося въ обладаніи постепенно разроставшагося рода Варяжскихъ князей.

§ 3. Земельный строй Кіевскаго государства X—XIII в.в.

Въ моментъ образованія Кіевскаго государства родовой бытъ былъ еще живымъ явленіемъ среди славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ новаго государства; однако, въ родовомъ строѣ можно было уже замѣтить черты упадка, которыя съ теченіемъ времени развивались все далѣе и далѣе; это хорошо видно изъ земельныхъ отношеній X—XIII столѣтій.

Основную массу населенія въ то время составляли свободные люди (ед. число „людинъ“) или смерды, жившіе общинами, союзами, носившими названіе *вервей*. По Русской Правдѣ вервь есть прежде всего округъ, имѣющій опредѣленную территорію; жители этого округа связаны круговой порукой въ уплатѣ *виры*—штрафа за убитаго, павшаго отъ руки члена верви, или же тѣло котораго найдено въ границахъ верви. Естественнѣе всего предположить, что солидарность жителей верви въ такомъ вопросѣ какъ уплата виры, опиралась на первоначальныя родовыя связи и можетъ быть возведена къ тому времени, когда весь родъ былъ отвѣтственнымъ за убійство, совершенное однимъ изъ его членовъ. Подтвержденіе древнѣйшаго значенія верви какъ союза кровныхъ родственниковъ подтверждается аналогіей изъ быта западныхъ славянъ. Отъ времени около 1400 года до насъ сохранился статутъ далматинской общины Полицы. Въ немъ вервь изображается какъ семейный союзъ древняго происхожденія („почелъ одъ искони“), члены котораго владѣютъ землею верви на общемъ правѣ и называются „братьями вервными“.

Однако, русская вервь времени появленія Русской Правды, т. е. XI—XII вѣка уже не была чистымъ родственнымъ союзомъ; уже въ эту эпоху она вѣроятно была только пережиткомъ родового строя; она сохраняла свои древнія внѣшнія формы, но была земельнымъ, судебнымъ и можетъ быть тяглымъ союзомъ, членами котораго наряду съ родичами были и чужеродцы. Кто считался собственникомъ вервной земли? Возможно, что собственницей ее считалась сама вервь, какъ преемница чисто-родовой общины, когда-то осѣвшей здѣсь; однако, заключая отъ явленій болѣе позднихъ къ болѣе раннимъ, можно предположить, что уже тогда верховнымъ собственникомъ вервной земли считался князь. На территоріи верви могло находиться одно или нѣсколько селъ; въ послѣднемъ случаѣ сказывался отмѣчаемый нѣкоторыми

источниками характеръ древне-русской колонизаціи въ разбродъ, по одиночкѣ или мелкими группами; владѣнія отдѣльныхъ селъ, а внутри ихъ владѣнія отдѣльныхъ дворовъ, носили уже ясные слѣды отграниченія. Русская правда знаетъ *межу ролейную, межу дворную;* пользуясь наблюденіемъ надъ болѣе поздними явленіями, господствовавшими въ юго-западной Руси въ XIV—XVI столѣтіяхъ, можно думать, что каждый дворъ владѣлъ опредѣленнымъ количествомъ земли, состоявшей изъ дворовой усадьбы, пахоты и сѣнокоса; позднѣе такіе участки носили названіе *„дворищъ“* или *„печищъ“* (см. ниже § 6). Участки не были въ одной межѣ, но бывали разбросаны пополосно въ перемежку съ долями сосѣднихъ участковъ. Обиліе свободной никѣмъ еще не занятой земли давало возможность увеличивать пашню посредствомъ вольнаго захвата. Въ общемъ неразмежеванномъ владѣніи оставались выгоны и лѣса, за исключеніемъ впрочемъ *бортныхъ ухожьевъ* и *ловищъ*, имѣвшихъ первостепенное значеніе при тогдашнемъ состояніи звѣроловства и промысловой охоты; та же Русская Правда караетъ за нарушеніе бортной межи, за порчу *„знаменнаго“* дуба, отмѣченнаго пчеловодомъ, за поврежденіе охотничьихъ орудій или кражу собаки съ ловища.

Села свободныхъ смердовъ или „людиновъ“ были самымъ древнимъ видомъ селеній на Руси, но очень рано, рядомъ съ ними появилась индивидуальная земельная собственность, повлекшая за собою возникновеніе частновладѣльческихъ селеній. Въ нашей странѣ древнѣйшими частными землевладѣльцами должны были быть, во первыхъ, древнѣйшіе племенные князья, которые въ силу своего господства надъ племенемъ освоивали землю, нужную для веденія болѣе сложнаго княжескаго хозяйства; во вторыхъ,—въ древнѣйшихъ русскихъ городахъ, расположенныхъ по рѣчнымъ путямъ,—богатые купцы, старцы градскіе, владѣвшіе *„огнищемъ“* т. е. рабами, и вслѣдствіе этого носившіе также названіе *„огнищанъ“;* опираясь на свою экономическую силу они захватывали участки свободной земли и заводили тамъ хозяйство при помощи рабскаго труда. Съ образованіемъ Кіевскаго государства видными представителями индивидуальнаго землевладѣнія становятся князья Рюрикова рода; раздача князьями земель своимъ сподвижникамъ сдѣлалась источникомъ земельной собственности княжихъ мужей-дружинниковъ, а съ принятіемъ христіанства быстро пріобрѣтаетъ значеніе землевладѣніе церквей и монастырей. На страницахъ нашихъ лѣтописей разбросано много извѣстій о земляхъ бояръ, церкви и князей. „Тіуна боярскаго“ знаетъ Русская Правда; князь Изяславъ даритъ Кіево-Печерскому монастырю всю гору, въ которой устроилъ себѣ пещеру св. Антоній. Въ XII вѣкѣ извѣстенъ въ Кіевской землѣ митрополичій городъ Синелица; немного позднѣе Успенскій соборъ новой столицы

сѣверной Руси, Владиміра на Клязьмѣ, является собственникомъ города Гороховца съ его волостью. Въ концѣ XI вѣка Кіево-Печерскій монастырь получилъ отъ князя Ярополка Изяславича цѣлыхъ три волости, а полвѣка спустя еще пять селъ отъ его дочери. Но лучшее представленіе о крупныхъ частновладѣльческихъ имѣніяхъ даетъ разсказъ лѣтописи о разграбленіи въ 1146 году селъ Черниговскихъ князей Святослава и Игоря Ольговичей ихъ врагами, князьями другой Черниговской вѣтви, Изяславомъ и Владиміромъ Давыдовичами и Волынскимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ. Послѣдніе, одержавъ побѣду, „пошли и стали въ Мельтековѣ селѣ, а оттуда послали захватить стада Игоря и Святослава по рѣкѣ Рахнѣ въ лѣсу—кобылъ стадныхъ 3.000, а коней 1.000; разсылая по селамъ, жгли дворы и хлѣбные запасы. Но по наущенію діавола и этого имъ было мало; они пошли на Игорево сельцо, гдѣ тотъ устроилъ себѣ дворецъ; тамъ было множество всякаго добра въ амбарахъ, вина и медовъ въ погребахъ, а тяжелаго товара, желѣза и мѣди было такое множество, что они не могли и вывезти его. Приказано было все это класть на возы, а потомъ велѣли зажечь дворецъ Игоря и церковь и гумно, на которомъ было 900 стоговъ“. Въ Путивлѣ союзники „раздѣлили на 4 части дворецъ Святослава Ольговича, скотные дворы и амбары и всякіе припасы, а въ погребахъ было 500 берковцевъ меду и вина 80 корчагъ; раздѣлили все княжеское имѣніе, въ томъ числѣ 700 человѣкъ рабовъ“. Въ противоположность селамъ свободныхъ смердовъ населеніе селъ боярскихъ, монастырскихъ и княжескихъ, точно также какъ населеніе селъ древнѣйшихъ огнищанъ, было по преимуществу несвободнымъ, холопскимъ и вело хозяйство не для себя, а для владѣльца. Такое село—это хозяйственное предпріятіе, во главѣ котораго стоитъ обычно управляющій владѣльца, „тіунъ“, распоряжающійся трудомъ холоповъ; что касается рабовъ, то Русская Правда знаетъ нѣсколько способовъ превращенія свободнаго человѣка въ раба; самой-же частой причиной потери свободы былъ плѣнъ.

Особенности общественнаго и хозяйственнаго строя Кіевской Руси—дороговизна капитала, незащищенность мелкаго сельскаго хозяина отъ покушеній сильнаго сосѣда, отъ княжескихъ усобицъ, отъ опустошительныхъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ,—сильно вліяли на взаимныя отношенія обоихъ видовъ древне-русской земельной собственности. Владѣльческое село было сильнѣе, оно легче могло противостоять экономическимъ и политическимъ невзгодамъ, которыми такъ богата исторія Руси XI и XII вѣковъ, потому что у богатаго владѣльца было болѣе средствъ защитить себя отъ набѣга и оправиться послѣ разоренья. Наоборотъ, селенія свободныхъ смердовъ, древніе вервные союзы, опустошаемые и враждовавшими князьями и искавшими добычи

половцами, рано стали приходить въ упадокъ. Ихъ населеніе, не имѣя достаточно силы, чтобы бороться съ постоянными разореніями, становилось въ зависимость отъ богатыхъ владѣльцевъ—князей, бояръ и монастырей.

Русская Правда знаетъ уже особый классъ людей, свободныхъ по рожденію, но примкнувшихъ вслѣдствіе тяжелыхъ экономическихъ условій къ болѣе сильнымъ людямъ и оттого въ значительной степени утерявшихъ свою свободу. Это—*ролейные закупы* или *наймиты*. Чтобы поправить свое хозяйство, чтобы получить кусокъ хлѣба послѣ набѣга враговъ, смердъ искалъ помощи въ княжескомъ или боярскомъ селѣ, тамъ бралъ онъ ссуду и пока не выплачивалъ ее, онъ оставался въ личной зависимости отъ кредитора. Такимъ образомъ самозакладъ служилъ обезпеченіемъ долга. Надо думать, что переходъ въ закупы не влекъ за собою непремѣнно переселенія изъ своего села на землю князя или боярина; но даже оставаясь въ своемъ дворѣ, смердъ переставалъ быть прежнимъ вольнымъ земледѣльцемъ: селеніе, жители котораго превращались въ закуповъ, мѣняло свой характеръ и становилось поселкомъ батраковъ, попадавшихъ вмѣстѣ со своей землей въ руки крупнаго землевладѣльца. Правда, законъ старался оградить личность закупа отъ чрезмѣрныхъ притязаній хозяина, но зависимость его отъ послѣдняго была все же очень тѣсной, а всякая попытка уйти, не разсчитавшись, влекла за собою обращеніе въ холопы.

Такъ исчезали въ древней Руси села свободныхъ смердовъ, уступая свое мѣсто и свое значеніе крупнымъ владѣльческимъ имѣніямъ, населеннымъ холопами и полусвободными закупами. Разумѣется, процессъ этотъ не могъ идти равномѣрно по всей территоріи Кіевскаго государства. Постепенное исчезновеніе вервныхъ союзовъ съ ихъ свободными селами было однимъ изъ признаковъ экономическаго упадка и запустѣнія Поднѣпровья, которое долгое время было центромъ древнерусской жизни. Населеніе переходило на земли частныхъ владѣльцевъ; тѣ кто избѣгалъ этой участи отправлялись искать счастья въ другихъ краяхъ, находя пріютъ на Волыни, въ Галичѣ и во вновь колонизуемомъ Суздальскомъ княжествѣ. Дальнѣйшій упадокъ Кіевщины въ XIII столѣтіи привелъ къ полному запустѣнію края, при которомъ погибли и когда-то процвѣтавшія частновладѣльческія имѣнія. Со времени татарскаго нашествія историческая жизнь въ бывшихъ княжествахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Переяславскомъ замерла на нѣсколько столѣтій. Въ мѣстностяхъ болѣе безопасныхъ отъ набѣговъ кочевниковъ и княжескихъ усобицъ, какими были западно-русскія области, а также Новгородскій край, описанный выше процессъ развивался постепенно и дальнѣйшія фазы его можно наблюдать въ связи съ исторіей западно-русскихъ земель, вошедшихъ въ XIV столѣтіи въ составъ Литовско-

русскаго государства равно какъ въ связи съ исторіей Новгородской общины.

Литература: *Ключевскій.* Курсъ русской исторіи, I, лекція XVI. *Рожковъ.* Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія, ч. I, гл. III. *Его же.* Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи. (Жизнь, 1900, № 9 и Соціологическіе очерки, т. I). *Его же.* Городъ и деревня въ русской исторіи Спб. 1902, 1913. *Блюменфельдъ.* О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи. Од. 1884; *его же:* Къ вопросу о землевладѣніи въ древней Россіи. Од. 1884. *М. Н. Покровскій.* Отраженіе экономическаго быта въ Русской Правдѣ въ сборникѣ „Русская Исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени", вып. I. (Библ. для самообразованія, т. XIII). *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Исторія русскаго народнаго хозяйства, т. I, гл. XI. *Грушевскій,* Исторія Украины—Руси, т. III, гл. III. Сводка мнѣній о закупахъ въ статьѣ Яковкина „Закупы Русской Правды, (Ж. М. Нар. Просв. 1913, № 4 и 5). *Леонтовичъ.* О значеніи верви по Русской Правдѣ и по Полицкому статуту. (Ж. Мин. Нар. Просв., 1867 г., часть 134).

ГЛАВА III.

Земельный строй западной Руси въ XIII—XVI столѣтіяхъ.

§ 4. Политическія судьбы западной Руси до ея соединенія съ Московскимъ государствомъ и имперіей.

Въ эпоху окончательнаго паденія русскихъ земель средняго поднѣпровья Кіевъ входилъ въ составъ владѣній Галицко-Волынскаго князя Даніила Романовича. Галицко-Волынское княжество до начала XIV столѣтія оставалось наиболѣе сильнымъ политическимъ организмомъ, сохранившимся въ западно русскихъ земляхъ какъ наслѣдіе предшествующей эпохи, однако потомство Даніила Романовича угасло въ первой половинѣ XIV вѣка и владѣнія Галицко-Волынскихъ князей послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы раскололись на двѣ части. Галичъ въ 1340 году вошелъ въ составъ Польши, Волынь присоединилась къ незадолго передъ тѣмъ образовавшемуся, но уже успѣвшему стать очень сильнымъ великому княжеству Литовскому.

Литовскія племена, обитавшія въ юго-восточномъ углу Балтійскаго моря по нижнему теченію Вислы, Нѣмана и Западной Двины оставались до половины XIII столѣтія разрозненными и давали знать о своемъ существованіи сосѣдямъ только безпрестанными на нихъ набѣгами. Водвореніе на низовьяхъ Вислы и Двины нѣмцевъ, стремившихся поработить языческую Литву, заставило литовскія племена сплотиться для дружнаго отпора врагамъ. Уже къ половинѣ XIII вѣка Литва успѣваетъ объединиться подъ властью своего перваго крупнаго князя Миндовга, въ составъ владѣній котораго входятъ и русскіе города и земли—Гродно, Новгородокъ, Волковыскъ, Слонимъ, нѣсколько позднѣе Полоцкъ. Послѣ нѣкоторой заминки во второй половинѣ XIII столѣтія начинается дальнѣйшее возвышеніе Литвы, не прекращающееся въ теченіе всего XIV вѣка. Постепенно въ составъ новаго государства входитъ все болѣе и болѣе широкій кругъ русскихъ земель. При Гедиминѣ († 1340 г.) признаютъ его власть земли Турово-Пинская, Витебская и Волынская; при его сынѣ Ольгердѣ († 1378 г.) къ Литвѣ присоединились сами или были присоединены Кіевъ, часть Подоліи и большая часть прежнихъ

земель Черниговскихъ князей; въ началѣ XV столѣтія власть Литовскихъ государей распространяется на Смоленскъ.

Перечисленныя сейчасъ земли присоединялись къ Литвѣ на самыхъ различныхъ условіяхъ: — завоеваніемъ, какъ напримѣръ Полоцкъ и Кіевъ, княжескими браками, (Витебскъ), добровольнымъ подчиненіемъ мѣстныхъ князей, вступавшихъ въ вассальныя отношенія къ великимъ князьямъ Литовскимъ (Черниговская и Смоленская земли). Обстоятельства эти лишали новое государство внутренняго единства, сообщая ему характеръ федераціи земель, среди которыхъ земли русскія занимали первое мѣсто, какъ по территоріи, такъ и по культурному уровню своихъ жителей; русскій языкъ сталъ офиціальнымъ языкомъ новаго государства, которое въ XIV столѣтіи можно съ полнымъ правомъ назвать Литовско-русскимъ. Въ 1386 г. великій князь Литовскій Ягайло заключилъ договоръ объ уніи Литовскаго великаго княжества съ Польшей; съ этого времени Литовско-Русское государство въ политическомъ отношеніи соединилось со своимъ западнымъ сосѣдомъ; польскій языкъ и культура стали мало по малу занимать мѣсто языка и культуры русскихъ; католическая вѣра, ставшая вѣрой господствующихъ классовъ, способствовала этому процессу. Усиленіе польско-католическаго вліянія привело въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка къ отдѣленію отъ Литовскаго государства Чернигово-Сѣверскихъ земель, которыя присоединились къ Московскому государству; одновременно отошелъ къ Москвѣ и Смоленскъ. Въ слѣдующемъ XVII столѣтіи названныя земли вновь перешли на время—Смоленскъ къ Литвѣ, Сѣверскія земли къ Польшѣ. Въ 1667 году состоялось окончательное присоединеніе ихъ къ Московскому государству.

Въ 1569 году соединеніе великаго Литовскаго княжества съ Польшей было окончательно закрѣплено Люблинской уніей, которая сопровождалась также переходомъ южно-русскихъ земель изъ состава Литвы въ составъ королевства Польскаго: это были Волынь, Подолія, воеводское Кіевское; ту же участь имѣла и западная окраина Литвы, носившая названіе Подляшья. Этотъ фактъ нарушилъ дотолѣ совмѣстное существованіе западно-русскихъ земель въ составѣ великаго княжества Литовскаго; различна и ихъ дальнѣйшая судьба; земли, оставшіяся за Литвой не разъ служили въ XVII столѣтіи театромъ Московско-Польскихъ войнъ; въ XVIII столѣтіи онѣ перешли къ имперіи по раздѣламъ Польши; южно-русскія земли, перешедшія въ 1569 году къ Польшѣ, вскорѣ повели упорную борьбу съ польскимъ правительствомъ за свою національную самобытность, слѣдствіемъ чего были казачьи возстанія и наконецъ временный переходъ къ Москвѣ всей Малороссіи въ 1654 г.; переходъ этотъ, однако, не былъ окончательнымъ: за Москвой закрѣплены были при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ только Кіевъ и лѣвобе-

режная украйна; правый берегъ достался имперіи въ XVIII вѣкѣ по второму и третьему раздѣламъ Польши.

§ 5. Землевладѣніе привиллегированныхъ классовъ.

Мы мало знаемъ подробностей о развитіи частнаго землевладѣнія въ Галицкой землѣ до ея присоединенія къ Польшѣ; однако, еще въ XII столѣтіи въ соціально-политической жизни этой окраинной земли становится замѣтнымъ фактъ, бросающій нѣкоторый свѣтъ и на землевладѣльческія отношенія. Галицкіе князья XII вѣка не участвовали въ общемъ княжескомъ владѣніи всею русской землей; они не передвигались изъ своего удѣла, оставалась съ ними вмѣстѣ и ихъ дружина; Галицкіе бояре, старшіе княжескіе дружинники, уже въ XII вѣкѣ обладали большимъ вліяніемъ на дѣла края и сильно стѣсняли дѣятельность князей; аналогіи этому явленію мы не встрѣчаемъ въ другихъ русскихъ областяхъ. Надо думать, что политическое вліяніе Галицкихъ бояръ основывалось на ихъ матеріальномъ могуществѣ; такъ какъ незамѣтно, чтобы бояре Галицкіе вели торговлю, то источникъ ихъ силы могъ заключаться только въ обширныхъ имѣніяхъ, *въ землѣ*, которая составляла одинъ изъ немногихъ распространенныхъ тогда видовъ капитала.

Многія изъ явленій земельнаго строя, которыя съ трудомъ поддаются изученію примѣнительно къ Руси Кіевской, дѣлаются гораздо яснѣе въ эпоху образованія и процвѣтанія Литовско-русскаго государства. Литовско-русскій великій князь есть прежде всего военная сила; для большей части земель, составлявшихъ его государство, онъ былъ завоевателемъ; быть можетъ, вслѣдствіе этого въ Литовско-русскомъ государствѣ великій князь не только самъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ (казенныя земли,—*господарскія имѣнія*,—обезпечивали своими доходами содержаніе великокняжескаго дворца), но признавался верховнымъ собственникомъ всей земли въ странѣ. Его право верховной собственности выражалось въ безконтрольномъ распоряженіи землями свободными, пустыми, а также землями выморочными.

Исключеніе изъ общаго правила составляли только земельныя владѣнія нѣкоторыхъ крупныхъ сподвижниковъ князя „*пановъ*“, преимущественно расположенныя въ собственной Литвѣ. Великій князь жаловалъ такія земли „*со всѣмъ правомъ и панствомъ*“ и тѣмъ поступался своимъ правомъ верховной собственности въ пользу лица, пожалованнаго землею. Военный характеръ Литовско-русскаго государства, которому въ XIV столѣтіи приходилось вести борьбу на 4 фронта—противъ нѣмецкаго Ордена, Польши, татаръ и сохранившей свою самостоятельность сѣверо-восточной Руси,—заставлялъ государей какъ можно болѣе увеличивать свои военныя силы; прежніе типы военныхъ организацій—

земскія ополченія и дружины уже перестали удовлетворять условіямъ времени", и вотъ вырабатывается новый типъ военной силы: великіе князья создаютъ многочисленный классъ людей, обязанныхъ нести личную военную службу; въ Литовской Руси подобные служилые люди носили различныя названія—*бояръ, земянъ и слугъ;* позднѣе самымъ распространеннымъ названіемъ для этого класса является заимствованное изъ Польши названіе „*шляхта*"; недостатокъ денежныхъ средствъ заставлялъ давать служилымъ людямъ въ качествѣ жалованья землю во временное условное владѣніе, прекращавшееся вмѣстѣ съ окончаніемъ службы; въ Литовской Руси такія земли назывались *помѣстьями, данинами, выслугами.* Въ духовной грамотѣ внука Ольгерда, князя Андрея Владиміровича находимъ такое распоряженіе: „что есть подавалъ имѣніе бояромъ своимъ, а кто восхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити и они служатъ съ тѣхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ, а кто не восхочетъ, и азъ тѣ имѣнія далъ женѣ своей и дѣтямъ своимъ". Уже въ XV вѣкѣ помѣстныя земли жаловались въ награду за службу ихъ владѣльцамъ въ вотчину, *въ вѣчность; „вѣчистое"* владѣніе уже пріобрѣтало характеръ полной собственности и земля возвращалась великому князю только, когда она становилась выморочной.

Представленіе о князѣ, какъ о верховномъ собственникѣ всей земли, имѣло еще одно послѣдствіе, которое необходимо отмѣтить. Даже владѣніе вотчиной, т. е. право полной собственности на землю, не избавляло отъ обязанности нести личную службу князю; служба съ вотчинъ была распространеннымъ явленіемъ уже въ XIV столѣтіи.

Подводя итогъ изложенному выше, можно сказать, что территорія Литовско-русскаго государства въ XIV—XV столѣтіяхъ, въ отношеніи землевладѣнія распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: господарскія имѣнія составляли быть можетъ самую крупную вотчину въ странѣ; часто очень значительными бывали вотчины, пожалованныя съ правомъ и панствомъ; не менѣе значительными были земли монастырей и церквей—православныхъ въ земляхъ собственно русскихъ, а послѣ уніи 1386 г. и католическихъ въ собственной Литвѣ. Правовое положеніе монастырей было схоже съ положеніемъ земель панскихъ. Остальная часть территоріи состояла изъ помѣстій или данинъ, изъ вотчинъ безъ права и панства и, наконецъ, изъ нѣкотораго количества свободныхъ крестьянскихъ земель, сосредоточенныхъ главнымъ образомъ на сѣверо-востокѣ въ Витебскомъ и Смоленскомъ княжествахъ и на югѣ въ Полѣсьѣ; жители этихъ земель, оставаясь крестьянами, частью служили личную службу государю подобно шляхтѣ, частью уплачивали ему дань.

Въ отношеніяхъ Литовскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ великому князю, другъ къ другу и наконецъ къ людямъ, жившимъ на ихъ

земляхъ, есть много чертъ, напоминающихъ западно европейскій *феодализмъ*. Владѣльцы вотчинъ, пожалованныхъ „со всѣмъ правомъ и панствомъ", кромѣ права полной собственности на землю, получали и другія права; ихъ земли обладали такъ называемомъ *иммунитетомъ*, т. е. владѣльцу принадлежало уступленное ему государемъ право судить населеніе своихъ земель и собирать съ нихъ доходы; наконецъ, владѣльцы предводительствовали населеніемъ своихъ земель во время войны, причемъ количество выводимыхъ въ походъ ратниковъ было соразмѣрено съ количествомъ земли и населенія. Самые богатые были паны Кезгайлы, выставлявшіе 768 коней, и паны Радивилы, выставлявшіе 621 коня. Такими же приблизительно правами, какъ крупные Литовскіе паны, обладали также и русскіе удѣльные князья, признавшіе власть великаго князя Литовскаго и удержавшіе до конца XV вѣка свои наслѣдственныя земли, расположенныя по восточной окраинѣ Литовско-русской державы. Князья Острожскіе, богатѣйшіе изъ западнорусскихъ Рюриковичей, выводили 421 коня, князья Слуцкіе—433, князья Мстиславскіе—152 коня.

Не всѣ свободные люди, принадлежавшіе къ военно-служилому классу, несли службу непосредственно князю; на земляхъ крупныхъ пановъ и русскихъ удѣльныхъ князей жили также *бояре* и *земяне* или, какъ ихъ стали называть въ XV столѣтіи, *шляхта;* получая земли не отъ великаго князя, а отъ частнаго владѣльца, они этимъ самымъ вступали на службу къ послѣднему, поручали себя ему, становились его „*людьми*"; они шли на войну подъ его предводительствомъ, должны были признавать его судъ, помогать ему въ извѣстныхъ случаяхъ. Они пользовались гарантіей неотъемлемости земель, пожалованныхъ имъ, „*въ вѣчность*", т. е. принадлежавшихъ имъ на правахъ вотчинъ, другія земли отдавались „*до живота*" или „*до воли панской*"; ихъ приходилось покидать, если покидалась служба пану. Наконецъ статутъ 1529 года знаетъ уже и пожалованіе земель на *ленномъ* правѣ, при которомъ наслѣдовали только мужскіе потомки владѣльца. Нѣкоторые изъ такихъ панскихъ и княжескихъ слугъ были настолько богатыми и крупными землевладѣльцами, что въ свою очередь отдавали часть своихъ земель во владѣніе шляхтѣ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ владѣли землями сами. Такъ устанавливалась іерархія отношеній, основанная на службѣ и на владѣніи землею и напоминавшая вассальныя отношенія феодальной Европы. Много чертъ, напоминающихъ положеніе западно-европейскихъ вилланов, находимъ мы и въ положеніи прямыхъ потомковъ древнихъ людиновъ или смердовъ—податнаго сельскаго населенія западной Руси XIV, XV и XVI столѣтій.

§ 6. Крестьянство и крестьянское землевладѣніе.

Появленіе новыхъ политическихъ соединеній въ предѣлахъ Литвы и древне-русскихъ земель Полоцкой, Турово-Пинской, Волынской и Галицкой застаетъ свободныхъ сельскихъ обывателей—*мужей*, *смердовъ* или *людей*, какъ ихъ продолжали называть при литовскихъ великихъ князьяхъ, живущими по тяглымъ волостнымъ общинамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ областяхъ, изстари занятыхъ русскимъ народомъ, такія волостныя общины могли составлять пережитокъ древнихъ родовыхъ союзовъ-вервей. На это указываетъ существованіе волостныхъ вѣчей, волостного суда, волостныхъ выборныхъ властей и право самой волости вѣдать разметъ или разрубъ податей, которыя падали на волость. Въ мѣстностяхъ, вновь колонизованныхъ, волостныя общины организовались по образцу древнихъ вервей, хотя въ основѣ новыхъ волостей лежало уже не родство первыхъ заимщиковъ, а ихъ общая колонизаціонная работа. Однако, западная волость—вервь XIV—XV вѣковъ во многомъ уже отличалась отъ верви эпохи Русской Правды. О волости Литовско-русской мы можемъ опредѣленно сказать, что она уже не была кровнымъ союзомъ: даже тамъ, гдѣ родъ былъ когда то основателемъ волостной общины, онъ уже давно принялъ въ свою среду чужеродцевъ, которые общимъ трудомъ надъ землею пріобрѣли одинаковыя права съ первоначальными родичами. Измѣнилось и отношеніе волостной общины къ землѣ; теперь великій князь—господарь, завоеватель, военный вождь литовскихъ и русскихъ земель, вездѣ и всегда считался собственникомъ волостной земли; за волостной общиной оставались только нѣкоторыя права по распоряженію волостной землею: распредѣленіе пустыхъ земель, допущеніе или недопущеніе пришельцевъ въ волостную среду и т. п. Устойчивѣе всего волостная община сохранялась среди уже упомянутыхъ выше свободныхъ крестьянъ земель Витебской и Смоленской и Волынскаго Полѣсья.

Волостная община состояла обычно изъ нѣсколькихъ населенныхъ пунктовъ, чаще всего носившихъ древнее названіе *селъ*. Село состояло изъ одного или нѣсколькихъ крестьянскихъ участковъ; какъ и волостная община, сельскіе участки могли быть пережитками древности и представлять собою остатки первоначальной собственности уже разрушеннаго рода. Въ мѣстностяхъ, колонизованныхъ позднѣе, они могли образоваться вольнымъ трудовымъ захватомъ семьи или артели колонистовъ; во всякомъ случаѣ кровное родство уже далеко не лежало въ основѣ каждаго такого крестьянскаго участка. Подобные участки не имѣли общаго названія для всей западной Руси: въ собственной Литвѣ съ прилегающими къ нимъ русскими областями они назывались *землями* (земля Петковщина, земля Горностаевщина); *дворищами* —

на Волыни, въ Полѣсьѣ, въ землѣ Галицкой; въ Смоленской землѣ—*селищами*, въ Подляшьѣ—*жеребьями*. Писцовая книга Пинскаго староства половины XVI столѣтія содержитъ много описаній подобныхъ земель или дворищъ: дворище обычно состояло изъ множества лоскутовъ,—отъ 20 до 50 и больше,—пахатной земли, къ которымъ прибавлялись неразмежеванныя доли сѣнокосовъ и лѣсовъ, находившихся въ общемъ владѣніи всѣхъ хозяевъ даннаго села; и по размѣрамъ своимъ дворище было очень разнообразно: въ Пинскомъ староствѣ оно колебалось въ предѣлахъ отъ 5 до 95 десятинъ, чаще всего въ среднемъ занимая около 20 десятинъ.

Судьба дворища имѣла нѣкоторыя черты сходства съ судьбой волостной общины. Первоначально будучи достояніемъ одной семьи или одной артели, связанной общимъ трудомъ, дворище дробилось при наслѣдованіи сообразно долямъ первыхъ заимщиковъ или долямъ наслѣдниковъ главы семьи, разработавшей и освоившей дворище; такая доля могла отчуждаться посредствомъ купли-продажи, вслѣдствіе чего дворище, безъ того раздробленное топографически, дробилось еще на большее число лоскутовъ, принадлежавшихъ различнымъ владѣльцамъ—*сябрамъ*. Наряду съ продажей участка встрѣчалась часто отдача крестьянской земли въ наемъ изъ части урожая: подобные случаи наблюдались чаще всего тогда, когда владѣльцы участка не были въ силахъ съ нимъ справиться; такіе съемщики носили названіе *потужниковъ*, *дольниковъ*, *половинниковъ*.

Дворище или доля его, находившаяся во владѣніи отдѣльнаго жителя села, тянуло къ отдѣльному сельскому двору и, такимъ образомъ, распаденіе дворища естественнымъ образомъ должно было приводить къ установленію подворно-участковаго владѣнія. Права смердовъ на занимаемые ими участки опредѣлялись первоначальнымъ трудовымъ захватомъ и переходили по наслѣдству: крестьяне, владѣвшіе землею, перешедшею къ нимъ отъ предыдущихъ поколѣній, назывались *отчичами*. Однако права отчичей на землю ограничивались съ разныхъ сторонъ; ихъ ограничивала прежде всего волостная община; впрочемъ, какъ уже указано выше, земельныя права самой волости въ Литовско-русскомъ государствѣ были уже незначительны. Гораздо болѣе значенія имѣли права господаря-великаго князя и права частныхъ землевладѣльцевъ. Великій князь, во первыхъ, являлся непосредственнымъ собственникомъ многочисленныхъ господарскихъ имѣній, во вторыхъ, онъ былъ верховнымъ собственникомъ тѣхъ земель, которыя онъ раздавалъ въ *вотчины* и *помѣстья-данины* своимъ служилымъ людямъ. Тяглые крестьяне, жившіе въ господарскихъ имѣніяхъ, дѣлились на *непохожихъ*—невольныхъ и *похожихъ*—свободныхъ. Первыми назывались крестьяне-отчичи, жившіе изъ поколѣнія въ поколѣніе на своихъ

земельныхъ участкахъ и въ силу обычая терявшіе право покидать эти участки; они соотвѣтствовали *старожильцамъ* сѣверо-восточной Руси. Привилей 1447 года, устанавливавшій, что господарь не будетъ принимать въ свои села непохожихъ крестьянъ изъ имѣній пановъ, князей и служилой шляхты, и требовавшій того же отъ землевладѣльцевъ въ отношеніи господарскихъ крестьянъ, не вводилъ новыхъ порядковъ, а только санкціонировалъ уже давно сложившіяся отношенія. Непохожіе крестьяне, самовольно оставившіе свои участки, считались бѣглыми; непохожій крестьянинъ могъ освободиться отъ прикрѣпленія, продавъ или сдавъ свой крестьянскій участокъ другому вольному похожему человѣку, который заступалъ его мѣсто.

Освободившись такимъ образомъ, непохожій крестьянинъ вступалъ въ многочисленную и очень разнообразную по своему составу группу *вольныхъ похожихъ* людей. Послѣдніе могли потерять свою свободу не только указаннымъ выше способомъ; они садились на земли господаря на пустые, вновь колонизуемые участки и такимъ путемъ могли потерять свое право перехода. За пользованіе землею крестьяне несли въ пользу господаря барщинную повинность или платили оброкъ. Положеніе крестьянъ на земляхъ пановъ, удѣльныхъ князей, а также мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ было почти такимъ же какъ и на земляхъ господаря. Чѣмъ дальше текло время, тѣмъ больше становилось непохожихъ крестьянъ, тѣмъ тяжелѣе становились ихъ повинности; можно во всякомъ случаѣ утверждать, что уже въ XIV столѣтіи въ большей части территоріи Литовско-русскаго государства установился крестьянскій строй, близко напоминавшій крѣпостное право Московской Руси въ XVI—XVII вѣкахъ.

Кромѣ селъ въ имѣніяхъ великаго князя и въ имѣніяхъ крупныхъ пановъ существовали еще *мѣста*, т. е. города или посады, населенные *мѣщанами*. Хотя мѣста имѣли главнымъ образомъ значеніе центровъ экономическихъ, однако повинности мѣщанъ первоначально были близко схожи съ повинностями сельскихъ жителей; только постепенно, по мѣрѣ роста польскаго вліянія, городское населеніе получало такъ называемое *Магдебургское право*, т. е. самоуправленіе по нѣмецкимъ образцамъ.

Съ XIII—XIV в. особенностью Литовско-русскихъ городовъ сдѣлалось многочисленное еврейское населеніе, первоначально пользовавшееся привилегированнымъ положеніемъ; между прочимъ, по грамотамъ великаго князя Витовта евреи получили право брать въ залогъ недвижимыя имущества съ правомъ владѣнія ими, въ случаѣ просрочки платежа, впредь до выкупа. Въ XV и XVI столѣтіяхъ встрѣчается не мало указаній на евреевъ землевладѣльцевъ. Въ 1460-хъ, напримѣръ, годахъ въ Брестской волости великимъ княземъ были пожалованы

еврею Левону Шаломину три земельныхъ участка, изъ нихъ одинъ даже населенный. Въ XVI вѣкѣ еврей Михель изъ Бреста пріобрѣтаетъ отъ своего брата Авраама Езофовича Брестское войтовство съ принадлежащими къ нему землями. Въ 1532 году Гродненскіе евреи Хацко Исаковичъ съ братомъ получили отъ короля подтвердительную грамоту, на земли пріобрѣтенныя ими отъ Гродненскихъ мѣщанъ и евреевъ. Не будучи особенно распространеннымъ, еврейское землевладѣніе было явленіемъ, не выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ.

§ 7. Земельная реформа XVI вѣка и ея послѣдствія.

Постоянное вліяніе Польши, наступившее съ конца XIV вѣка и упрочившееся въ XVI вѣкѣ, надломило военно-патріархальный строй Литовско-русскаго государства и внесло иныя начала въ организацію земельныхъ отношеній. Въ Польшѣ XVI вѣка уже успѣло развиться крупное землевладѣльческое хозяйство съ значительными экономическими запашками. Основы земельной организаціи, получившей при этомъ господство, были заимствованы въ Польшѣ изъ Германіи. Еще въ XIII столѣтіи въ западныхъ областяхъ Польши развилась колонизація свободныхъ земель, на которыхъ селились пришельцы изъ земель нѣмецкихъ. Садясь на новыя земли, они получали земельное устройство и юридическое положеніе, сходное съ тѣмъ, какое имѣли въ оставленной родинѣ; позднѣе по образцу иностранныхъ колонистовъ на такомъ же нѣмецкомъ правѣ стали осаживать и польскихъ крестьянъ во внутреннихъ и восточныхъ областяхъ Польши. Земельное устройство селенія на нѣмецкомъ правѣ происходило такимъ образомъ. Подъ будущее селеніе собственникомъ земли отводился участокъ земли по возможности правильной геометрической формы; по числу ожидаемыхъ колонистовъ участокъ разбивался на равные участки, называвшіеся *ланами* или *уволоками*, состоявшими приблизительно изъ 30 *морговъ* (около 20 десятинъ) каждый. Въ противоположность черезполосицѣ и неразмежеванности, составлявшихъ особенность древне-славянскаго земельнаго порядка, право нѣмецкое требовало, чтобы каждый подворный участокъ-ланъ былъ расположенъ въ одной межѣ, имѣлъ бы правильныя очертанія (обычно прямоугольная полоса, тянувшаяся отъ одной границы селенія до другой) и былъ бы отмежеванъ отъ сосѣднихъ участковъ. Крестьянскіе дворы, которымъ принадлежали отдѣльныя уволоки, были обычно расположены въ срединѣ уволокъ въ одну линію и составляли селеніе; нѣсколько уволокъ отмежевывались для общаго выгона. Крестьяне, поселившіеся въ такомъ селеніи считались постоянными и наслѣдственными арендаторами занятыхъ ими участковъ;

по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ льготы, они начинали уплачивать собственнику земли опредѣленныя денежныя повинности, носившія названія *чинша* (по нѣмецки zins отъ латинскаго census); они были также обязаны отбывать въ пользу собственника земли нѣсколько барщинныхъ дней. Совершенно аналогично возникали и устраивались поселенія городского характера. Заводя на своихъ земляхъ поселенія на нѣмецкомъ правѣ, польскіе крупные землевладѣльцы получали и крупные доходы и возможность развить свое собственное хозяйство; послѣдствіемъ было превращеніе глухого и мало населеннаго края, какимъ была средневѣковая Польша, въ страну, отпускавшую хлѣбъ въ западную Европу.

Выгоды земельнаго и сельскохозяйственнаго устройства на нѣмецкомъ правѣ были слишкомъ ощутительны, чтобы не вызвать подражанія и у Литовскихъ великихъ князей, собственниковъ обширныхъ владѣній, и у Литовско-русскаго служилаго класса, уже давно успѣвшаго получить всѣ права польской шляхты.

Реформы въ землевладѣльческихъ отношеніяхъ, нарушившіе вѣковой земельный строй Литовско-русскаго государства, начались въ половинѣ XVI вѣка размежеваніемъ крестьянскихъ земель въ имѣніяхъ господарскихъ. Сигизмундъ Августъ вскорѣ по вступленіи на престолъ предпринялъ повсемѣстное измѣреніе и описаніе Литовскихъ господарскихъ имѣній, съ округленіемъ ихъ границъ и уничтоженіемъ чрезполосности посредствомъ полюбовнаго или даже принудительнаго размежеванія между отдѣльными группами лицъ, пользовавшихся участками земли въ великокняжескихъ имѣніяхъ,—т. е. между отдѣльными дворищами. Эта земельная реформа носитъ названіе *волочной помѣры*, она изложена въ особой *„уставѣ на волоки“* и въ сущности заключалась въ установленіи въ Литовскихъ господарскихъ имѣніяхъ порядковъ, господствовавшихъ въ польскихъ городахъ и селахъ, сидѣвшихъ на нѣмецкомъ правѣ.

Вся воздѣлываемая земля была раздѣлена на такія же *волоки* или *уволоки* какъ въ Польшѣ. Волока была единицей обложенія и вмѣстѣ среднимъ надѣломъ земли для одного крестьянскаго хозяйства.

Волока дѣлилась на 30—33 морга и разбивались на 3 поля. Крестьянскіе дворы, соединенные въ часто многодворное село должны были располагаться на среднемъ полѣ. При этомъ волочная устава твердо проводила мысль, что собственникомъ земли, занятой крестьянами, является самъ великій князь. За наслѣдственное пользованіе землею крестьяне должны были платить, какъ и въ Польшѣ, чиншъ. Въ городахъ и мѣстечкахъ, расположенныхъ на господарскихъ земляхъ, введеніе волочной уставы и замѣна прежнихъ повинностей единообразной платой чинша произошли довольно спокойно, но для деревни

такая реформа была фактически цѣлой революціей, такъ какъ размежеваніе разбивало вѣками установившійся земельный строй. Размежеваніе вызывало недовольство, попытки остаться при старомъ строѣ: „Боже избави, чтобъ мы то допустили, чтобъ распредѣлять землю по волокамъ и позволили въ реестры вписывать свое племя“, говорили крестьяне, усиленно ходатайствовавшіе, чтобы ихъ оставили при прежнихъ порядкахъ. Тѣмъ не менѣе размежеваніе было осуществлено и открыло путь къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Сначала въ королевскихъ имѣніяхъ, потомъ и на земляхъ крупныхъ собственниковъ стала вводиться *волочная помѣра и устава*, а съ нею и барщинное хозяйство. Крестьянинъ какъ господарскій, такъ и сидѣвшій на частной землѣ, постепенно терялъ свой характеръ наслѣдственнаго чиншевика и превращался въ безправнаго крѣпостного, почти раба, сидѣвшаго на волокѣ или на части волоки и за пользованіе землею кромѣ денежной платы отбывавшаго еще множество натуральныхъ повинностей. Устойчивѣе чиншевое устройство держалось въ городахъ да еще среди мелкой шляхты господарскихъ и панскихъ имѣній, которыя изъ прежнихъ вассаловъ превратились постепенно въ простыхъ чиншевиковъ.

Впрочемъ волочная помѣра и устава, а съ нею вмѣстѣ и дальнѣйшее закрѣпощеніе крестьянства осуществилось не сразу и не одинаково для различныхъ областей западной Руси. Въ полной мѣрѣ волочная помѣра была проведена въ собственно Литвѣ и въ прилегавшихъ къ ней Русскихъ областяхъ. Нѣсколько позднѣе, во второй половинѣ XVI вѣка были сдѣланы попытки провести ее и въ восточной окраинѣ великаго княжества. Однако здѣсь попытки имѣли компромиссный характеръ. Волочная помѣра была введена только на сравнительно незначительныхъ по своему протяженію городскихъ земляхъ; на земляхъ сельскихъ производилось лишь частичное межеваніе земель съ цѣлью округленія владѣній и уничтоженія черезполосицы; основныя черты крестьянскаго строя въ земляхъ порубежныхъ съ Московскимъ государствомъ затронуты не были. Различіе въ проведеніи земельной реформы на западѣ и на востокѣ Литовскаго великаго княжества имѣло существенныя послѣдствія для крестьянскаго землевладѣнія въ обѣихъ областяхъ; въ западной части Литвы (нын. губерніи Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская и западная половина Витебской) волочная помѣра, сломивъ дворище, не измѣнила дальнѣйшаго хода исторія крестьянскаго землевладѣнія: уже при существованіи и дробленіи дворища намѣчались черты подворно-участковаго крестьянскаго владѣніи; волока, какъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, такъ и при своемъ позднѣйшемъ дробленіи, была именно подворнымъ участкомъ; волочная помѣра закрѣпила, такимъ образомъ, подворное владѣніе,

которое для тѣхъ же мѣстностей было признано и общерусской реформой 19 февраля 1861 года. Въ восточной окраинѣ Литвы (нынѣшнія губерніи Могилевская и восточная половина Витебской) волостная община была сильнѣе, а элементы подворнаго строенія развивались слабѣе; то обстоятельство, что земельная реформа Сигизмунда Августа и его преемниковъ не затронула восточныхъ окраинъ, отозвалось и на дальнѣйшихъ судьбахъ тамошняго крестьянскаго строя; и позднѣе подворное владѣніе развивалось здѣсь слабо, что и позволило въ 1861 году подвести Могилевскую и восточную часть Витебской губерніи подъ дѣйствіе общаго положенія, выработаннаго для мѣстностей, гдѣ преобладала восточно-русская поземельная община.

Въ южно-русскихъ земляхъ, отошедшихъ по Люблинской уніи въ составъ Польскаго королевства, волочная помѣра и устава вводилась въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій съ большой энергіей и при упорномъ сопротивленіи мѣстнаго крестьянства. Казачьи возстанія и особенно полное разореніе правобережной украйны во время войнъ второй половины XVII вѣка совершенно нарушили землевладѣльческій строй этого края. Можно сказать, что земельная исторія Малороссіи вообще, а въ частности Малороссіи правобережной, началась въ XVII столѣтіи сначала, въ то же самое время какъ она началась для восточно-малорусскихъ поселеній, основанныхъ во владѣніяхъ Московскихъ государей и получившихъ названіе Украйны Слободской (см. ниже §§ 45—48).

Литература: *Любавскій.* Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи. М. 1910. *Его же.* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго статута. М. 1892. *Леонтовичъ:* Крестьяне юго-западной Руси. К. 1863. *Его же:* Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русск. государствѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1896, №№ 2, 3, 4, 7, 10, 12; *его же:* Панскій дворъ въ Л.-Р. государствѣ (Варш. У. Изв. 1895, V); *его же:* Сельскіе промышленники въ Л.-Р. государствѣ (Варш. У. Изв. 1897, IV, VII); *его же:* Сельскіе ремесленники въ Л.-Р. государствѣ (Варш. У. Изв. 1898, II, III). *Владимірскій-Будановъ:* Помѣстья Л.-Р. государства (Чтенія Общ. Нест. Лѣтописца, кн. III); *его же:* Населеніе ю.-з. Россіи отъ половины XII до половины XIV столѣтія (Архивъ ю.-з. Россіи, т. VII, ч. 1 и 2); *его же:* Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Л.-Р. государствѣ (Кіевскій сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. К. 1892). *Лучицкій:* Займанщина и формы заимочнаго землевладѣнія въ Малороссіи (Юрид. Вѣстникъ, 1890, № 3). *Довнаръ-Запольскій:* Государственное хозяйство при Ягеллонахъ, К. 1901; *его же:* Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства, К. 1905. *Ефименко:* Дворищное землевладѣніе въ южной Руси; *ея же:* Литовско-русскіе данники и ихъ дани (обѣ статьи въ сборникѣ „Южная Русь“ СПБ. 1905). *Новицкій:* Очерки исторіи крестьянскаго сословія въ ю.-з. Руси (Арх. ю.-з. Россіи, т. VI, ч. I). *Иванишевъ:* О древнихъ сельскихъ общинахъ

въ ю.-з. Россіи. (Сочиненія. К. 1867). *Бершадскій:* Литовскіе евреи. СПБ. 1883. *Линниченко:* Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв. М. 1894. *Грушевскій:* Барское староство. К. 1902. (Отдѣльно и въ Арх. ю.-з. Руси, т. VIII, ч. 1 и 2. *Его же:* Исторія Украины-Руси, т.т. IV—VII). *Рожковъ:* Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. II, вып. II. гл. II. М. 1905. *Рембовскій:* Исторія и значеніе чиншевого владѣнія въ западномъ краѣ. СПБ. 1886. *Кутшеба:* Очеркъ исторіи общеественно-государственнаго строя Польши. *Jablonowski:* A. Pisma, vols I—IV. Warszawa 1910—1911. *Baranowski:* Z dzejów feudalizmu na Podliasiu (Przegląd hictoryczny, 1907, zeszyt 3). Устава на волоки издана пр. И. И. Лаппо въ XXX т. Р. Ист. Библіотеки. II. 1913.

ГЛАВА IV.

Земельный строй Новгорода и Пскова до начала XVI вѣка.

§ 8. Особенности исторіи Новгорода и Пскова.

Весь сѣверъ древней Руси занимали владѣнія вольныхъ городовъ Новгорода и его младшаго брата Пскова. До половины XIV столѣтія Псковъ считался пригородомъ Новгорода и былъ ему подчиненъ въ политическомъ отношеніи; когда онъ пріобрѣлъ себѣ самостоятельность, его внутренній строй уже успѣлъ вполнѣ сложиться по аналогіи съ Новгородомъ; поэтому, пріурочивая изложеніе къ Новгороду, намъ придется ниже указывать только на нѣкоторыя особенности общественнаго и земельнаго строя Пскова.

Основной особенностью природныхъ условій Новгородской области былъ недостатокъ плодородной почвы, очень рано заставившій жителей обратиться къ торговлѣ, которая и стала главнымъ занятіемъ жителей Новгорода, его пригородовъ и мѣстностей, лежавшихъ вдоль рѣчныхъ путей; уже къ XIII столѣтію Новгородъ сдѣлался почти единственнымъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ сѣверной полосы Руси съ западной Европой. Успѣшному развитію торговой дѣятельности новгородцевъ способствовало то внутреннее спокойствіе, какимъ новгородская земля пользовалась сравнительно съ южно-русскими землями. Въ Новгородѣ не образовалось особой княжеской линіи, подобно тому, какъ это было на Волыни, въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ; сначала великіе князья Кіевскіе старались держать Новгородъ въ своихъ рукахъ и обыкновенно посылали туда княжить своего старшаго сына; позднѣе, въ XII вѣкѣ, при частой смѣнѣ князей въ Кіевѣ, такъ же часто мѣнялся князь и въ Новгородѣ, причемъ не Новгородъ искалъ князя, а князья заискивали въ Новгородцахъ въ надеждѣ найти поддержку для своихъ плановъ. Усобицы разыгрывались далеко на югѣ; а въ Новгородѣ политическія партіи выбирали князей между различными князьями, старавшимися привлечь Новгородъ къ себѣ и своему дѣлу, заключали съ ними договоры и диктовали имъ свои условія.

Такъ мало по малу создавалась Новгородская вольность и княжеская власть въ Новгородѣ постепенно сводилась почти на нѣтъ. Такое направленіе Новгородской исторіи не могло не отозваться и на земельномъ строѣ Новгородской земли. Паденіе княжеской власти не позволило развиться въ Новгородѣ идеѣ о князѣ, какъ о верховномъ собственникѣ всей земли; идея эта не была чужда русскому югу; она пустила глубокіе корни въ Литовско-Русскомъ государствѣ съ его князьями-завоевателями и военными вождями; въ Новгородѣ не было почвы для ея развитія и потому, быть можетъ, въ Новгородѣ крѣпко развивается противоположное представленіе о томъ, что каждый свободный человѣкъ можетъ владѣть землею на правѣ полной собственности. Развитіе торговли, повидимому, рано уничтожило остатки родовой организаціи, которыя еще существовали на югѣ и въ западной Руси. Ясныхъ слѣдовъ вервей—родовыхъ союзовъ въ Новгородѣ незамѣтно. Торговля выработала и особый типъ аристократіи; въ Новгородѣ не было бояръ-дружинниковъ. Ихъ мѣсто заняли разбогатѣвшіе купцы, потомки древнихъ „градскихъ старцевъ“; на излишекъ своихъ капиталовъ, остававшійся свободнымъ отъ торговыхъ оборотовъ, они пріобрѣтали земли; держа въ своихъ рукахъ и управленіе страной и всю торговлю, они въ то же время были и крупнѣйшими землевладѣльцами.

§ 9. Своеземцы.

Всякій свободный житель Новгородской земли имѣлъ право пріобрѣтать землю въ собственность: онъ сидѣлъ на своей землѣ; онъ наслѣдовалъ эту землю и распоряжался ею. Какъ собственникъ земли онъ назывался *своеземецъ* или сокращенно *земецъ*. Среди своеземцевъ можно было найти купцовъ, посадскихъ людей, ремесленниковъ, крестьянъ. Городскіе участки принадлежали Новгородцамъ также какъ своеземцамъ, на правахъ полной собственности. По существу дѣла такими же землевладѣльцами-собственниками были и бояре, и монастыри, и церкви; можно считать, что своеземцы были широкимъ классомъ, который внизу начинался крестьянами собственниками и восходилъ до лицъ, могшихъ жить доходами со своихъ земель, не прикладывая къ нимъ своего личнаго труда.

Уже изъ только что сказаннаго видно, что владѣнія своеземцевъ могли быть очень различны по своимъ размѣрамъ. Владѣнія бояръ часто были громадными; такъ во второй половинѣ XV вѣка бояринъ Захаръ Овиновъ въ одномъ мѣстѣ, въ окрестностяхъ Боровичей, владѣлъ 49 деревнями съ запашкой отъ 500 до 700 десятинъ. Владѣнія сына его, Ивана Овинова, расположенныя въ Деревской и Водской пятинахъ, состояли изъ села и 132 деревень, а его запашка превы-

шала 1500 десятинъ. Такія же обширныя земли принадлежали боярамъ и въ позднѣе захваченныхъ и колонизованныхъ новгородцами земляхъ напр. въ Двинской землѣ или Заволочьѣ; такъ въ 1315 году трое чудскихъ старостъ поступились боярину Своеземцеву всею волостью Вагой за 2000 бѣлокъ и 10 рублей; по рѣкѣ Сумѣ, впадающей въ Бѣлое море, знаменитой посадницѣ Маро́ѣ Борецкой принадлежало 19 деревень. Есть нѣкоторые намеки на то, что землевладѣніе новгородскихъ бояръ было соединеніемъ земельнаго имущества съ земельнымъ господствомъ, и что слѣдовательно новгородскіе бояре, подобно литовско-русскимъ панамъ и боярамъ удѣльной Руси обладали нѣкоторыми феодальными правами. Когда Иванъ III подчинилъ Новгородъ, были „распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди“; это показываетъ, что у Новгородскаго боярства были свои вольные слуги. Однако, въ какой степени развился феодализмъ въ Новгородѣ, нельзя въ точности рѣшить вслѣдствіе скудости источниковъ.

И не бояре могли владѣть большими участками земли: купецъ Шалимовъ въ концѣ XV вѣка въ трехъ погостахъ Деревской пятины владѣлъ селомъ и 48 деревнями съ запашкой свыше 500 десятинъ. Однако, обычно владѣнія своеземца не-боярина были менѣе значительны; Степанъ Кузьминъ Гавриловъ, своеземецъ Водской пятины, владѣлъ до 100 десятинъ пахотной земли, не считая огородовъ, луговъ, выгона и лѣса; Иванъ Орефинъ имѣлъ до 12 деревень и до 150 десятинъ запашки; наряду съ этимъ встрѣчаются своеземцы, владѣвшіе 2—3 десятинами и сами обрабатывавшіе землю: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мелкими помѣщиками, во второмъ—съ крестьянами собственниками. О среднихъ размѣрахъ своеземческихъ владѣній можно судить по тому, что около 1500 года въ уѣздахъ Ладожскомъ, Орѣховскомъ и Новгородскомъ значилось около 400 своеземцевъ, на земляхъ которыхъ обрабатывалось свыше 7000 десятинъ земли: на каждаго своеземца приходилось, слѣдовательно, среднимъ числомъ по 18 десятинъ пашни. Съ земли шла нѣкоторая подать въ пользу государства; единицею обложенія была *обжа*, приравниваемая къ однолошадному крестьянскому хозяйству. Хотя происхожденіе и характеръ крупнаго и мелкаго землевладѣнія въ Новгородской землѣ были нѣсколько иными, чѣмъ въ Руси Кіевской, однако ихъ взаимное отношеніе напоминаетъ то, которое существовало на югѣ Руси въ XI—XIII столѣтіяхъ. Хозяйство, какъ у бояръ, такъ и у мелкихъ своеземцевъ велось одинаково: часть земли обрабатывалась самими владѣльцами, а громадное большинство ея сдавалось въ наемъ безземельнымъ крестьянамъ. Но крупные землевладѣльцы, располагая богатыми средствами, естественно могли давать больше льготъ крестьянамъ; этимъ они привлекали крестьянъ къ себѣ и подрывали благосостояніе мелкихъ своеземцевъ. Къ концу

существованія Новгородской вольности сталъ замѣчаться упадокъ послѣднихъ, выражавшійся въ томъ, что въ ближайшихъ къ Новгороду погостахъ мелкихъ своеземцевъ оставалось очень небольшое число.

Со своеземцами мы выше сравнивали и духовныя учрежденія; святыней всей Новгородской земли была церковь Св. Софіи въ Новгородѣ; ея земли,—вотчина св. Софіи,—занимали едва ли не первое мѣсто между всѣми земельными собственниками; во Псковѣ св. Софіи соотвѣтствовалъ храмъ св. Троицы, также владѣвшій большими землями. Безчисленные храмы и монастыри Новгородской земли пріобрѣтали землю частью посредствомъ вкладовъ т. е. пожертвованій частныхъ лицъ, частью посредствомъ разчистки и колонизаціи никѣмъ не занятыхъ пустыхъ пространствъ; оба процесса свойственны не одной Новгородской землѣ, но всему русскому сѣверу и будутъ разсмотрѣны, поэтому, ниже въ связи съ монастырскимъ землевладѣніемъ Московской Руси (см. ниже §§ 15 и 29).

Подчиненіе Новгорода Москвѣ повлекло за собою большія измѣненія въ составѣ земельныхъ собственниковъ Новгородскаго края. Вскорѣ послѣ 1478 года Иванъ III отобралъ часть владѣній св. Софіи; одновременно въ нѣсколько пріемовъ онъ „свелъ“ т. е. переселилъ изъ Новгорода бо́льшую часть новгородскихъ-бояръ и тѣхъ изъ болѣе мелкихъ своеземцевъ, которые представлялись Московскому правительству неблагонадежными въ политическомъ отношеніи. Сведенные Новгородцы были размѣщены во внутреннихъ областяхъ государства, а на ихъ земляхъ, отобранныхъ „на государя“, были поселены новые землевладѣльцы, переведенные изъ Московскихъ владѣній. Ихъ дальнѣйшая исторія, равно какъ и исторія уцѣлѣвшихъ на прежнихъ мѣстахъ своеземцевъ, неразрывно связана съ исторіей служилыхъ людей Московскаго государства.

§ 10. Съемщики земель.

Не всѣ деревенскіе жители Новгородской земли сидѣли на своихъ собственныхъ земляхъ; было много такихъ, которые снимали на различныхъ условіяхъ земли своеземцевъ; смотря по условіямъ договора, они носили самыя различныя названія. Наиболѣе распространеннымъ названіемъ для простолюдина, не владѣвшаго землею, было названіе *„смерды“* или *„черные люди“*. Во Псковѣ они обычно назывались *„изорниками“*. Смерды занимались мелкой торговлей, промыслами или же хлѣбопашествомъ; въ первомъ случаѣ они снимали участки земли подъ дворы или жили въ наемныхъ помѣщеніяхъ въ городахъ или болѣе мелкихъ поселеніяхъ городского характера, называвшихся *рядками;* за пользованіе дворовымъ мѣстомъ они платили особую де-

нежную подать владѣльцу—*поземъ* и потому иногда назывались *поземщиками*. Во второмъ случаѣ они брали въ аренду у своеземца участокъ земли, на которомъ обязывались устроить дворъ, ставить хоромы, распахивать поля, расчищать покосы; такой участокъ земли обычно назывался *деревней*. За пользованіе землей землевладѣльцу уплачивался доходъ, по бо́льшей части состоявшій изъ взносовъ натурой. Нерѣдко при основаніи деревни съемщикъ бралъ у землевладѣльца ссуду *„покруту“*; перейти на другой участокъ съемщикъ могъ только исполнивъ всѣ свои обязательства по отношенію къ собственнику земли; срокомъ перехода было Филиппово заговѣнье. Насколько можно судить, взаимныя отношенія новгородскихъ смердовъ—съемщиковъ земли и собственниковъ этой послѣдней слагались въ пользу вторыхъ; въ договорахъ князей съ Новгородомъ, относящихся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ Новгородской вольности, встрѣчается между прочимъ постановленіе, запрещающее князю судить смерда безъ его хозяина; въ XV столѣтіи хозяевамъ принадлежало обязанность ставить своихъ крестьянъ на судъ: такъ еще до сліянія съ Москвою устанавливалось въ Новгородской землѣ состояніе, напоминавшее позднѣйшую крѣпостную неволю. Земля бралась крестьянами въ аренду и на другихъ еще условіяхъ; снимая участокъ, нѣкоторые безземельные крестьяне брали обязательство обрабатывать его изъ четвертаго или третьяго снопа, а еще чаще исполу; подобные съемщики получили особое названіе—*половниковъ*. Возможно, однако, что половники были наемными рабочими изъ безземельныхъ крестьянъ; часть урожая, на которую они имѣли право, была въ такомъ случаѣ ихъ наемной платой. Положеніе половниковъ было, повидимому, болѣе тяжелое, чѣмъ положеніе остальныхъ безземельныхъ крестьянъ и власть хозяина-землевладѣльца надъ ними давала себя чувствовать еще раньше, нежели надъ остальными видами безземельныхъ жителей Новгородской земли.

§ 11. Формы владѣнія землею.

Какъ своеземцы, такъ и смерды-арендаторы, изорники, половники и т. п. селились въ одиночку или по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Однодворное селеніе не рѣдкость въ Новгородской землѣ: если въ немъ жилъ самъ своеземецъ, то оно чаще всего называлось *селомъ;* если оно возникало на арендованной землѣ, оно обычно называлось *деревней*. Новгородская земля была по преимуществу земля колонизуемая; медленно подвигаясь къ сѣверо-востоку, новгородцы занимали новыя мѣстности и открывали ихъ и для торговли и для земледѣльческой культуры, то работая въ одиночку, то устраивая деревни цѣлыми товариществами. Въ послѣднемъ случаѣ по выборѣ участка земли, годнаго

для основанія деревни, отмежевывались мѣста подъ дворы, разверстывалась земля для пахоты, причемъ наблюдалось, чтобы каждому товарищу, *складнику* или *сябру*, какъ ихъ называли, досталось бы одинаковое количество земли различнаго качества: для достиженія этого участки пахоты отмежевывались не въ одномъ мѣстѣ, а по полосамъ въ различныхъ мѣстахъ, годныхъ для обработки; точно также поступали съ травой въ сѣнокосныхъ мѣстахъ; выгоны и лѣса находились въ общемъ неразмежеванномъ владѣніи. Границъ всей деревни проводить обыкновенно не приходилось, такъ какъ обиліе пустого пространства позволяло распространяться *„куда топоръ, коса и соха ходили“*. Такимъ образомъ выходило, что каждый подворный складническій участокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лоскутовъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ всего владѣнія, принадлежащаго деревнѣ. Такіе участки, полученные на свою долю первоначальными основателями селенія, иногда носили въ Новгородской землѣ названіе *„печищъ“*. Они переходили по наслѣдству, дробясь по числу наличныхъ наслѣдниковъ, отчуждались въ цѣломъ или въ части посредствомъ купли продажи, служили предметомъ мѣны. Деревня однодворная пріобрѣтала такой же видъ крестьянскаго товарищества во второмъ поколѣніи владѣльцевъ, когда мѣсто одного основателя занимали его сыновья. По прошествіи нѣсколькихъ поколѣній доли складниковъ уже совершенно теряли признаки равенства и *долевая* или *складническая деревня* представляла соединеніе нѣсколькихъ подворныхъ участковъ, возникшихъ путемъ дробленія изъ первоначальныхъ участковъ-печищъ; участки состояли изъ лоскутовъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Складники иногда передѣляли свои угодія, но ихъ *передѣлы* или *дѣлы*, какъ говорили чаще, отнюдь не имѣли уравнительнаго характера: угодія переверстывались изъ соображеній хозяйственныхъ, но доли складниковъ оставались безъ измѣненія. Такимъ образомъ выходило, что древнѣйшее новгородское селеніе, безразлично своеземческое или возникшее на арендованной землѣ, имѣло очень много чертъ сходства съ западно-русской деревней до земельныхъ реформъ XVI вѣка, и долевое или складническое землевладѣніе русскаго сѣвера мало чѣмъ отличалось по существу отъ дворищнаго землевладѣнія Руси Литовской: только въ Руси Новгородской еще гораздо яснѣе его связь съ общимъ трудомъ товарищей колонистовъ, чѣмъ въ Западной Руси, гдѣ въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ мѣстностяхъ представляется возможнымъ возводить дворище къ обломкамъ древняго родового строя.

Литература: *Сергѣевичъ*: Древности русскаго права, т. III. Землевладѣніе, 1-ое изд. Спб. 1903. *Ключевскій:* Курсъ русской исторіи, т. II, лекціи XXIII и XXIV. *Его же*, Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря. (Первый сборникъ статей. Опыты и изслѣдованія).

Его же: Разборъ изслѣдованія Чечулина „города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“. (Третій сборникъ статей и отчетъ о 33 присужденіи премій гр. Уварова). *Никитскій:* Исторія экономическаго быта великаго Новгорода. М. 1893. *Его же:* Очеркъ внутренней исторіи Пскова. Спб. 1873. *Костомаровъ:* Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада, т. II. *Ефименко:* Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ (въ сборникѣ „Изслѣдованія народной жизни“. М. 1884). *Богословскій:* Земское самоуправленіе на сѣверѣ, т. I. М. 1909, т. II, М. 1913. *Островская:* Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вѣкахъ. Спб. 1913. *Помяловскій:* Очерки изъ исторіи Новгорода въ первое время Московскаго владычества. (Ж. М. Н. Пр. 1904 г.). *Рожковъ:* Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія, ч. II, вып. I, гл. II. Спб. 1905. *Ильинскій:* Городское поселеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ (Историческое Обозрѣніе, т. IX). *Грековъ:* Новгородскій домъ св. Софіи. Спб. 1914.

ГЛАВА V.

Земельный строй удѣльной Руси до конца XV вѣка.

§ 12. Колонизація Суздальской земли.

Особенностью ранней исторіи области Оки и верхней Волги было то, что ея заселеніе произошло на глазахъ исторіи. Хотя Ростово-Суздальскій край упоминается въ качествѣ удѣла младшихъ князей еще въ половинѣ XI вѣка, однако тамошнее немногочисленное населеніе состояло главнымъ образомъ изъ финскихъ племенъ, среди которыхъ рѣдкими островками попадались пришельцы славяне. Перемѣны наступили въ XII столѣтіи, когда жители Кіевской Руси, въ поискахъ спокойствія и безопасности стали переселяться на сѣверъ. На переселеніе жителей юга въ Ростовско-Суздальскую землю указываютъ многія явленія. До половины XII вѣка не существовало прямого пути между Кіевомъ и Суздальщиной; въ далекій удѣлъ ѣздили кружнымъ путемъ черезъ Смоленскъ и верхнюю Волгу; только послѣ того, какъ замирена была земля Вятичей, прямоѣзжая дорога между южными и сѣверными областями открылась, и въ 40-хъ годахъ XII столѣтія Юрій Суздальскій водилъ свои полки на югъ уже этимъ путемъ. Сквозь землю Вятичей, надо думать, потянулись съ юга и переселенцы; возможно, что часть ихъ селилась и среди Вятичей, но сильная волна колонизаціоннаго потока докатилась и до междурѣчія Оки и верхней Волги. На это указываетъ почти одновременное возникновеніе очень многихъ городовъ этого края около средины XII вѣка. Въ 1134 году энергичный колонизаторъ своей земли, князь Юрій Владиміровичъ, строитъ на Волгѣ г. Кснятинъ (нынѣ село Тверск. губ.); въ 1147 году впервые упоминается Москва, маленькій городокъ на рубежѣ Суздальскихъ и Черниговскихъ волостей; въ 1152 г. Юрій строитъ городъ Юрьевъ „на Полѣ“, назвавъ его въ свою честь; въ 1154 г. въ честь своего младшаго сына Дмитрія-Всеволода онъ основываетъ городъ Дмитровъ на рѣкѣ Яхромѣ; въ 1155 г. неподалеку отъ Владиміра князь Андрей Юрьевичъ закладываетъ городокъ Боголюбовъ. Мы знаемъ навѣрное,

что въ 1174 году г. Тверь уже существовалъ въ видѣ довольно значительнаго поселенія. Въ тѣ же годы возникаютъ города Кострома, Городецъ Радиловъ (нынѣ с. Городецъ на Волгѣ, Нижегор. г.), Стародубъ Кляземскій, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ на Протвѣ, Переяславль-Залѣсскій и другіе. Первыми насельниками новыхъ городовъ были южные колонисты; это доказывается нѣкоторыми топографическими названіями новаго края. Извѣстна психологическая черта, которая заставляетъ переселенцевъ давать основываемымъ имъ селеніямъ названія мѣстностей покинутой родины. Въ Суздальщинѣ появилось не мало городовъ, селеній и рѣкъ съ именами, заимствованными изъ южной Руси. Городъ Звенигородъ изстари существовалъ подъ Кіевомъ (нынѣ г. Звенигородка Кіев. г.); другой Звенигородъ возникъ на верховьяхъ Москвы; по имени Кіевскаго пригорода — Вышгорода названъ былъ Вышгородъ на р. Протвѣ; соотвѣтственно южному Галичу появился Галичъ въ землѣ Мерянъ. По имени Переяславля южнаго были названы цѣлыхъ два города—Переяславль Рязанскій (нынѣ г. Рязань) и Переяславль Залѣсскій и какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднихъ двухъ можно и донынѣ найти рѣчку Трубежъ; подъ Кіевомъ протекала рѣка Ирпень—соименная ей рѣка появляется и въ окрестностяхъ Владиміра. Извѣстно, наконецъ, по позднѣйшимъ актамъ и село Кіево въ Московскомъ уѣздѣ, существующее до сего времени.

Въ заселеніи Суздальскаго края можно подмѣтить нѣкоторую послѣдовательность. Сначала были плотно заняты мѣста, гдѣ уже и ранѣе существовало славянское населеніе: край близъ Владиміра и Суздаля, уже въ то время извѣстный подъ именемъ „Поля“ или „Ополья“; вслѣдъ за тѣмъ стали заселяться лѣсистыя мѣстности нынѣшней Московской губерніи, а съ другой стороны русское населеніе постепенно спускалось по Волгѣ и по нижнему теченію Оки; здѣсь процессъ завершился въ 20-хъ годахъ XIII столѣтія основаніемъ Нижняго Новгорода. Наконецъ, русское населеніе подвигалось мало по малу на сѣверовостокъ за Волгу; эта послѣдняя колонизаціонная волна, продолжавшаяся непрерывно втеченіе XIII, XIV и XV столѣтій, сливалась въ бассейнѣ Ледовитаго океана съ такой же колонизаціонной волной, шедшей изъ Новгорода.

Описанный выше процессъ колонизаціи Суздальской земли имѣлъ очень важныя историческія послѣдствія: онъ создалъ новый русскій край, настоящую Новороссію XII столѣтія, которая на нѣкоторое время сдѣлалась самой могущественной изъ всѣхъ русскихъ земель того времени. Политическій порядокъ и гражданскій укладъ Суздальской Руси имѣли нѣкоторыя особенности, вытекавшія изъ условій ея колонизаціи. Князья появились въ этой области до колонизаціоннаго потока XII вѣка; они приняли колонистовъ у себя, руководили ими и размѣщали ихъ,

какъ гостепріимные и дальновидные хозяева-вотчинники; о князѣ Юріи говорятъ даже, что онъ собиралъ колонистовъ въ свое княжество и давалъ имъ „не малую ссуду“. Князьями вотчинниками были и ближайшіе преемники Юрія—не менѣе энергичные князья колонизаторы Андрей и Всеволодъ (1157—1212). Изложенныя обстоятельства пріучили поселенцевъ съ самаго начала смотрѣть на князя какъ на хозяина, собственника занимаемой ими земли; но въ Суздальской землѣ представленіе о князѣ, какъ о верховномъ собственникѣ всей земли княженія, вытекало не изъ понятія о князѣ завоевателѣ и военномъ вождѣ, какъ въ Руси Литовской, а изъ представленія о князѣ какъ о вотчинникѣ и хозяинѣ. И сами князья усвоили себѣ тотъ же взглядъ на свое княженіе какъ на вотчину, принадлежащую имъ на правѣ собственности. Взглядъ этотъ проводилъ въ своей политикѣ Андрей Боголюбскій, чѣмъ вызывалъ порицаніе современниковъ; его держался Всеволодъ Большое Гнѣздо, когда вздумалъ передать свой великокняжескій столъ второму сыну, минуя старшаго. Совершенно также смотрѣли на свою власть потомки только что названныхъ князей, князья XIV столѣтія—Московскіе и другіе: въ своихъ духовныхъ грамотахъ они распоряжаются своимъ земельнымъ достояніемъ, какъ частною собственностью, дѣля свое княжество поровну между женой и сыновьями на ряду съ драгоцѣнною утварью и одеждою: въ ихъ понятіяхъ земельное господство и неразрывная съ нимъ государственная власть совершенно слиты съ владѣніемъ землею на правѣ частнаго лица.

Одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ въ исторіи княжеской власти удѣльной эпохи было нерѣдко наблюдавшееся ея измельчаніе и раздробленіе; иногда князь приближался къ мелкому собственнику настолько, что очень трудно отдать себѣ отчетъ съ кѣмъ имѣешь дѣло. „Къ числу Ярославскихъ удѣловъ принадлежало княжество Заозерское (на сѣверо-восточномъ берегу Кубанскаго озера). Въ началѣ XV вѣка этимъ княжествомъ владѣлъ удѣльный князь Димитрій Васильевичъ, резиденція котораго состояла изъ одинокаго княжескаго двора недалеко отъ впаденія рѣки Кубены въ озеро. Близъ княжеской усадьбы стояла церковь во имя Димитрія Солунскаго, а поодаль раскинуто было село Чирково, которое служило приходомъ къ этой церкви. Вотъ и вся резиденція удѣльнаго державца начала XV вѣка“ [1]). Передъ нами не столько государь, сколько частный землевладѣлецъ вотчинникъ. Такъ и условія заселенія Суздальскаго края и эволюція княжеской власти въ сѣверо-восточной удѣльной Руси сообщили этой послѣдней вотчинный характеръ.

---

[1]) Ключевскій. Курсъ русской исторіи, I, стр. 438.

§ 13. Крестьянское землевладѣніе.

Переселенцы приносили съ собою тотъ укладъ жизни, который господствовалъ въ мѣстностяхъ ими оставленныхъ; соотвѣтственно селамъ, группировавшимся въ верви, смерды приходя на сѣверъ основывали на княжескихъ, иначе *черныхъ* или же *тяглыхъ*, т. е. обложенныхъ податями, земляхъ новыя села и новыя общины. Однако сѣверныя села или группы селъ, составлявшія одну общину, существенно отличались отъ южныхъ селъ и вервей; въ первоначальной основѣ послѣднихъ лежало древнее родовое начало, хотя можетъ быть и разрушенное къ XII-ому вѣку; жителей поселеній всего русскаго сѣвера и Суздальщины и Новгородскаго края связывалъ общій колонизаторскій трудъ и общія отношенія къ князю: внѣшнія формы были схожи, но содержаніе (подобно волостямъ Литовско-Русскаго государства) было нѣсколько иное. Измѣняется мало по малу и названіе сельскихъ жителей: термины „люди“, „смерды“ уступаютъ мѣсто термину *крестьянинъ*, который впервые встрѣчается въ грамотѣ митрополита Кипріана, данной въ 1391 г.

Устройство Суздальскихъ поселеній XII — XIII вѣка должно было напоминать устройство поселеній Новгородскихъ своеземцевъ. Селенія основывались колонистами въ одиночку или же товариществами на началахъ складничества; доли *складниковъ* или *сябровъ* переходили по наслѣдству, дробились, ихъ мѣняли, продавали и т. д., точь въ точь какъ у Новгородскихъ своеземцевъ; самыя формы землевладѣнія были совершенно схожи съ тѣмъ, что мы видѣли въ Новгородской землѣ; это было то же самое долевое землевладѣніе, которое распространено было и на Новгородскомъ сѣверѣ и на западѣ въ Литвѣ и которое мы въ правѣ признать господствующей формой крестьянскаго землевладѣнія въ древней Руси. Поселенцы объединены были и общими отношеніями къ князю хозяину, собственнику занятой ими земли; каждый обязанъ вносить князю подати, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ являться на службу лично. Для отбыванія повинностей и для уплаты податей жители смежныхъ мѣстностей, составлявшихъ одну волость, соединялись въ общины, всѣ члены которыхъ были связаны круговою порукою, существовавшей и между жителями южныхъ вервей. Тяглая община сложившаяся въ сѣверо-восточной удѣльной Руси является однимъ изъ самыхъ древнихъ видовъ русской сельской общины, доступныхъ историческому наблюденію. Во главѣ общины-волости стояли ея выборные представители, носившіе названіе *старостъ*, *сотниковъ*, *сотскихъ*, *головъ*, дѣйствовавшіе по полномочію волостного міра, съ „мірского совѣту“, осуществляемаго волостнымъ или *мірскимъ сходомъ*, пережиткомъ вѣча. Старосты вмѣстѣ съ міромъ завѣдовали

раскладкой или разметомъ податей; старостамъ принадлежалъ и сборъ податей и доставка ихъ въ казну князя. Волостной тяглой общинѣ принадлежали нѣкоторыя судебныя права: староста съ добрыми людьми вѣдалъ низшій судъ; очень часто волость была и общиной церковною; она составляла одинъ приходъ, причемъ церковь строилась чаще всего на *„погостѣ“*—центральномъ пунктѣ волостной территоріи. При господствѣ долевого землевладѣнія община не имѣла большого значенія. Ея поземельныя права простирались на всю территорію, на которую простиралась ея власть, но не были сколько нибудь формулированы; волость не вмѣшивалась въ земельныя права отдѣльныхъ своихъ членовъ, но владѣніе участкомъ волостной земли обусловливало обязанности и права волощанина. Волостная община имѣла также право призывать новыхъ членовъ на освобождавшіяся почему либо земельныя доли. Такимъ образомъ волость-община представляла собою нѣсколько смутную землевладѣльческую инстанцію между волощаниномъ складникомъ, пользовавшимся землею на правахъ постояннаго владѣнія, и княземъ, имѣвшимъ никѣмъ не оспариваемое право верховнаго распоряженія всей волостною землею, которая считалась *„княжой“*, *„а нашего“* т. е. *крестьянскаго „владѣнія“*. Князья дѣйствительно распоряжались черною волостною землею, передавая ее въ частное владѣніе различнымъ лицамъ; вслѣдствіе этого общинные союзы слабѣли, уступая мѣсто крупнымъ частнымъ землевладѣльцамъ; потомки колонистовъ XII вѣка, населившихъ княжескую землю, знали уже не одного только князя, какъ верховнаго собственника земли, но имъ приходилось вступать въ сложныя отношенія и къ частнымъ владѣльцамъ.

§ 14. Землевладѣніе привиллегированныхъ классовъ.

Князья отчуждали принадлежащія имъ земли различнымъ путемъ. Прежде всего земли, иногда цѣлыя волости, отдавались во временное владѣніе или въ *кормленіе* слугамъ князя въ награду за службу и въ качествѣ платы за нее; такое кормленіе длилось обычно, пока продолжалась служба князю. Въ зависимости отъ ранга слуги временныя пожалованія могли быть очень разнообразными. Когда къ великому князю Ивану III выѣхалъ на службу потомокъ Гедимина, князь Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій, онъ получилъ въ кормленіе городъ Лухъ съ уѣздомъ, которымъ онъ и его потомство могли владѣть, пока продолжалась ихъ служба Московскому князю; въ духовной Ивана Калиты находимъ такое распоряженіе; „а что есми купилъ село въ Ростовѣ Богородицкое, а далъ есми Бориску Воркову, аже иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ, не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоймутъ“; вотъ владѣніе болѣе мелкаго слуги.

Князья жаловали земли и въ собственность, въ *вотчину*. Пожалованія въ вотчину дѣлались преимущественно испытаннымъ, долголѣтнимъ княжескимъ боярамъ и слугамъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе пребывавшимъ вѣрными своимъ князьямъ. Жаловали и пустыя пространства, но гораздо чаще князья отдавали своимъ слугамъ села и волости, населенныя свободными крестьянами. Жалуя вотчину, князья не только даровали полное право распоряженія землею, но передавали вотчинникамъ и нѣкоторую часть своей державной власти; такое явленіе наблюдалось иногда и при условныхъ пожалованіяхъ вродѣ упомянутаго выше пожалованія князьямъ Бѣльскимъ. Вотчинникъ бояринъ удѣльной эпохи во многомъ напоминалъ западно-русскаго пана владѣвшаго землею „со всѣмъ правомъ“. Онъ былъ не только собственникомъ земли, но и судьей и отчасти правителемъ своихъ часто очень обширныхъ владѣній. Крестьяне, снимавшіе участки его земли, должны были подчиняться его суду и расправѣ, хотя бы и не были его рабами или крѣпостными людьми; княжескіе *волостели* и *тіуны* не имѣли права „въѣзжать“ въ боярскія имѣнія для суда и сбора налоговъ; бояре сами вѣдали и судили своихъ людей, т. е. всѣхъ жившихъ на ихъ землѣ; такъ создавалось положеніе, близко напоминавшее западно-европейскій *иммунитетъ;* нерѣдко къ изложеннымъ правамъ присоединялось еще одно очень важное право боярина идти въ походъ во главѣ жителей своихъ владѣній. Такимъ образомъ въ вотчинѣ удѣльнаго времени смѣшивались элементы частнаго и государственнаго права; и самъ частный вотчинникъ по отношенію къ князю былъ очень похожъ на западно-европейскаго *вассала*; онъ былъ въ своихъ земляхъ отчасти государемъ, въ то время какъ самъ князь-государь смотрѣлъ на свое княжество какъ на вотчину. Отъ XIV—XV вѣковъ сохранилось уже не мало документовъ, которыми закрѣплялись права вотчинниковъ— это по большей части акты пожалованій князя, носящія названіе *жалованныхъ* и *несудимыхъ* грамотъ. Въ концѣ удѣльной эпохи, въ XV столѣтіи появилась еще одна категорія привиллегированныхъ вотчинъ: уступая свою державную власть, удѣльные князья земель, присоединяемыхъ къ великому княжеству Московскому, сохраняли въ своихъ прежнихъ княженіяхъ вотчины, владѣніе которыми, сопряженное съ правомъ суда, сбора дани и предводительства въ походѣ, продолжало сохранять замѣтные слѣды владѣнія государственнаго.

Центральнымъ пунктомъ имѣнія, средоточіемъ вотчиннаго управленія, была господская *усадьба, усадище* или *дворъ*; о ней можетъ дать понятіе вышеприведенное описаніе резиденціи князя Заозерскаго. Къ боярскому двору тянула часть земель, находившаяся въ непосредственномъ хозяйственномъ вѣдѣніи господина; она называлась *землей боярской* и обрабатывалась холопами господина или же крестьянскимъ

барщиннымъ трудомъ; другая часть вотчинныхъ владѣній была населена крестьянами; наконецъ, часть земель, какъ населенныхъ такъ и ненаселенныхъ, вотчинники бояре отдавали въ условное владѣніе своимъ слугамъ свободнымъ и несвободнымъ. Когда населенная волость переходила въ частное владѣніе, то крестьяне должны были нести въ пользу вотчинника тѣ повинности, которыя они несли ранѣе въ пользу князя, вносить вотчиннику оброкъ или работать на барщинѣ. Вотчинникъ, кромѣ того, могъ призывать въ свои владѣнія крестьянъ изъ другихъ мѣстностей; такіе пришельцы, селясь на господской землѣ, вступали съ вотчинникомъ въ договоръ, обыкновенно излагаемый въ такъ называемой *порядной* грамотѣ. Въ ней перечислялись обязанности крестьянина къ землевладѣльцу, угодія, которыя землевладѣлецъ предоставлялъ крестьянину, льготы, которыми крестьянинъ могъ воспользоваться, селясь на новомъ участкѣ. Каждый крестьянинъ могъ уйти отъ вотчинника и перейти къ другому землевладѣльцу; но для этого онъ долженъ былъ открыто и формально *отречься, отказаться* и при отказѣ разсчитаться съ господиномъ, уплатить недоимки и особыя выходныя пошлины: *пожилое, повозъ, поворотное.* Крестьянинъ, уходившій безъ отказа, считался бѣглымъ и его могли силой возвратить господину. Такъ слагались отношенія бояръ-вотчинниковъ къ крестьянамъ: положеніе послѣднихъ во многомъ напоминало положеніе западно-европейскихъ виллановъ.

Необходимо замѣтить, что кромѣ раздачи селъ и волостей въ руки частныхъ землевладѣльцевъ наблюдалось также и ихъ *окняженіе:* для надобностей дворцоваго хозяйства князья приписывали извѣстную территорію къ княжескому дворцу; приписанныя къ дворцу села и волости получали названіе *дворцовыхъ* или *подклѣтныхъ;* жители ихъ несли повинности въ пользу дворцоваго хозяйства, довольно схожія съ повинностями крестьянъ въ пользу частныхъ владѣльцевъ; положеніе дворцовыхъ крестьянъ было въ общемъ среднее между положеніемъ крестьянъ на государственныхъ или *черныхъ* земляхъ и крестьянъ, населявшихъ частныя вотчины.

Насколько можно судить по сравнительно немногочисленнымъ источникамъ нашей исторіи XIV—XV вѣковъ, окняженіе свободныхъ черныхъ крестьянскихъ селъ и волостей и переходъ ихъ къ частнымъ владѣльцамъ уже успѣли въ то время сдѣлать значительные успѣхи; крестьяне нерѣдко жаловались, что бояре, а равно и духовныя власти захватывали черныя земли даже безъ княжескихъ грамотъ: въ концѣ XV вѣка черные крестьяне волости Ликурги Галицкаго уѣзда искали судомъ „деревень и пустошей волостныхъ“, которыя „разоймали бояре и митрополиты... за себя тому лѣтъ съ сорокъ“ (около 1450 г.).

Очень важной чертой удѣльнаго строя является фактъ существо-

ванія вольныхъ военныхъ слугъ не только у князя, владѣющаго княжествомъ, но и у частныхъ лицъ, крупныхъ землевладѣльцевъ; они получали земли въ условное владѣніе, закрѣпляемыя особыми жалованными грамотами землевладѣльцевъ и за то обязаны были служить вотчиннику совершенно такъ же какъ вотчинники и кормленщики служили самому князю; и на войну они выходили подъ предводительствомъ того лица, которому служили какъ государю. Московское правительство съ конца XV вѣка начало искоренять вольныхъ „*послужильцовъ*“, переводя ихъ на прямую службу государству; однако еще въ XVI столѣтіи существовали военные слуги служилыхъ людей великаго князя: въ тверской писцовой книгѣ 1548 г. находимъ такія отмѣтки: „Юмранъ служитъ царю и великому князю, а братья его служатъ князю Микулинскому“; „Иванъ служитъ великому князю, а Богданъ служитъ владыкѣ Тверскому“. Такимъ образомъ въ удѣльной сѣверо-восточной Руси можно наблюдать лѣстницу служебныхъ отношеній, схожую съ той, какая существовала въ Литовско-Русскомъ государствѣ, и болѣе отдаленно напоминавшую вассальныя отношенія западной Европы.

Отъ военныхъ слугъ-вассаловъ слѣдуетъ отличать такъ называемыхъ *закладчиковъ*, вольныхъ людей, бившихъ челомъ „для береженья“ въ дворы сильныхъ людей; закладчики становились въ личную зависимость отъ господина и если получали отъ него участки земли для обработки, то на правахъ холопа или крестьянина, а не на правахъ слугъ вольныхъ.

§ 15. Землевладѣніе духовныхъ учрежденій.

Землевладѣніе духовныхъ учрежденій развилось въ сѣверо-восточной удѣльной Руси не менѣе сильно чѣмъ въ Руси Новгородской. Духовными учрежденіями, владѣвшими землею, были церкви, епископскія кафедры и болѣе всего, быть можетъ, монастыри. Духовные землевладѣльцы, наряду съ военными слугами были землевладѣльцами привилегированными; объ отношеніяхъ епископовъ и настоятелей монастырей къ князьямъ съ одной стороны и къ крестьянамъ, жившимъ на церковной землѣ, съ другой, можно повторить все то, что выше сказано о княжескихъ боярахъ и слугахъ вольныхъ. Можно указать три источника происхожденія церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Во первыхъ, сами князья строили церкви и монастыри и обезпечивали ихъ существованіе крупными земельными вкладами, отдававшими въ руки духовныхъ учрежденій не одну населенную волость; такія милости князя излагались обычно въ *жалованныхъ грамотахъ*, не малое число которыхъ дошло до нашего времени. Во вторыхъ, частные люди отъ

крупныхъ землевладѣльцевъ-вотчинниковъ до мелкихъ тяглецовъ-складниковъ дѣлали въ церкви и монастыри земельные *вклады*, чаще всего „на поминъ души“. Нерѣдко, однако, земля частныхъ людей переходила во владѣніе духовныхъ учрежденій и инымъ путемъ; вклады были не только земельные; не смотря на рѣдкость денегъ жертвовали золото и серебро; и такимъ образомъ въ монастыряхъ скоплялись свободныя денежныя средства; поэтому, если свѣтскому человѣку нужно было гдѣ либо занять денегъ, ихъ добывали легче всего въ монастыряхъ подъ залогъ вотчинной земли; „а не заплатитъ“ заемщикъ занятыхъ денегъ въ назначенный срокъ „и та закладная—и купчая“; такъ оканчивались обычно закладныя того времени. Невозможность расплатиться во время привлекла не мало земли монастырямъ. Въ третьихъ, монастыри самостоятельно пріобрѣтали земли посредствомъ ихъ колонизаціи. Этотъ процессъ обычно происходилъ такъ: подвижникъ, въ стремленіи удалиться отъ міра уходилъ въ лѣсныя дебри, которыхъ было такъ много въ тогдашней Руси. Слава его святой жизни или же чудеса у его одинокой гробницы привлекали прежде всего такихъ же подвижниковъ какъ онъ самъ, а потомъ и мірянъ, приходившихъ помолиться святому угоднику или даже трудомъ рукъ своихъ поработать на пользу возникающей обители. Мало по малу одинокая келья превращалась въ небольшой скитъ, а потомъ въ цвѣтущій монастырь, въ которомъ не только возносили молитвы къ Богу, но воздѣлывали землю, расчищали лѣсъ, призывали крестьянъ колонистовъ. Чаще всего именно въ моментъ, когда монастырь превращался изъ скита отшельниковъ въ крупное хозяйственное предпріятіе, жалованная грамота князя, вызванная благоговѣніемъ свѣтскаго правителя передъ святостью обители или же добытая хлопотами братіи, закрѣпляла за монастыремъ и землю, на которой онъ былъ построенъ, и земли окрестныя, часто на очень большое пространство. Самымъ извѣстнымъ примѣромъ такого образованія монастыря и развитія его земельнаго богатства можетъ служить монастырь Святой Троицы, основанный въ XIV столѣтіи преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ въ лѣсныхъ дебряхъ сѣверо-восточной части Московскаго княжества. До самаго конца удѣльной эпохи ростъ монастырскихъ и церковныхъ земель шелъ совершенно безпрепятственно, не возбуждая никакого опасенія или противодѣйствія ни со стороны общества, ни со стороны княжеской власти.

Литература: *Павловъ-Сильванскій:* Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907 г. *Его же:* Феодализмъ въ удѣльной Руси. Спб. 1910 г. *Сергѣевичъ:* Русскія юридическія древности, т. I и III. Спб. 1890, 1893, 1903. *Ключевскій:* *Курсъ русской исторіи*, т. I и II. *Его же:* Исторія сословій въ Россіи, М. 1913. *Рождественскій:* Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1897 г. *Рожковъ:* Обзоръ русской

исторіи, ч. II, вып. I. *Неволинъ:* Исторія гражданскихъ законовъ (Сочиненія т. III, IV, V) Спб. 1857—59. *Милютинъ:* О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. М. 1861. *Горчаковъ:* О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода. Спб. 1871. *Блюменфельдъ:* О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи. Од. 1884. *Соколовскій:* Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877. *Его же:* Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб. 1878. *Рожковъ.* Городъ и деревня въ русской исторіи. Спб. 1902.

ГЛАВА VI.

Московское государство XVI—XVII в.в.

§ 16. Образованіе Московскаго государства.

Когда Московскіе князья собрали подъ своей властью всю сѣверо-восточную Русь и сложилось Московское государство, то передъ этимъ государствомъ всталъ рядъ сложныхъ задачъ. Вновь сложившееся государство примыкало своими границами къ странамъ, жившимъ исторической жизнью, чуждою и враждебною Руси. На югѣ границы Московскаго государства примыкали къ степи, за которой находились поселенія враждебныхъ русскому народу и Москвѣ татарскихъ племенъ. Ошибочно думать, чтобы стояніе на Угрѣ 1480 г. было концомъ татарскаго ига. Съ этого времени московскіе князья только не платили опредѣленной дани въ опредѣленные сроки. Но еще болѣе ста лѣтъ они ежегодно посылали „поминки", т. е. подарки татарскимъ ханамъ. Москвѣ приходилось обороняться отъ татаръ на протяженіи очень длинной линіи. Татары въ то время составляли 4 государства, но 2 изъ нихъ,—Ногаи и Золотая Орда, были очень слабы; болѣе важное значеніе имѣли Казань и Крымъ. Отношенія къ послѣднимъ двумъ государствамъ сложились очень различно: Казань рано подпала подъ Московское вліяніе; Крымъ былъ сильнымъ и жизнеспособнымъ татарскимъ центромъ, который въ теченіе первой половины XVI столѣтія нѣсколько разъ пытался предпринимать большіе походы съ цѣлью установить прочное вліяніе на Москву. Съ начала XVI столѣтія до взятія Казани въ 1552 году можно насчитать до 13 крупныхъ походовъ татаръ на московскіе предѣлы. Почти каждый годъ можно было ожидать крупнаго набѣга самого Крымскаго хана, не говоря о мелкихъ походахъ, имѣвшихъ исключительную цѣль набрать русскихъ плѣнниковъ. Противъ набѣговъ приходилось принимать мѣры. Впрочемъ до самаго конца своего самостоятельнаго существованія и Казань дѣлала набѣги на русскіе предѣлы. Не далѣе какъ за 3—4 года до взятія Казани набѣги Казанскихъ татаръ достигали Костромы, Галича, Шуи и Плеса. Такимъ

образомъ и съ этой стороны являлась необходимость создать постоянные органы обороны.

Мѣры обороны противъ татаръ, созданныя Московскимъ правительствомъ состояли въ слѣдующемъ: каждую весну на южной границѣ государства выставлялось конное ополченіе не только изъ жителей близлежащихъ мѣстностей, но также и изъ жителей отдаленныхъ частей Московскаго государства. Линія обороны на югѣ шла, примѣнительно къ природнымъ условіямъ, вдоль Оки, отъ Калуги до Рязани, при чемъ главными стратегическими центрами были Серпуховъ и Коломна. На востокѣ центрами обороны были Нижній-Новгородъ, Муромъ на Окѣ и Плесъ или Кинешма на Волгѣ. Для того, чтобы наполнить эти крѣпости и уставить всю линію войсками надо было имѣть большое количество военныхъ силъ. О численности войскъ въ первой половинѣ XVI ст. мы можемъ судить изъ извѣстій Герберштейна, который говоритъ, что на Окѣ для обороны государства ежегодно стояло 20000 человѣкъ. Для тогдашняго населенія Московскаго государства это была очень значительная цифра.

Въ концѣ XV вѣка осложнились отношенія Москвы къ Литвѣ. Соперничество изъ за русскихъ областей существовало съ Ольгерда. До половины XV вѣка Литва была безусловно сильнѣе Москвы. Съ этого времени роли мѣняются; вмѣстѣ съ тѣмъ портятся окончательно и отношенія между обоими государствами. Война вспыхнула въ началѣ 90-хъ годовъ XV вѣка и продолжалась 2 года; въ результатѣ этой войны за Москвой были укрѣплены всѣ спорныя владѣнія. Затѣмъ подъ власть Москвы перешли со своими владѣніями два отдаленныхъ родственника Московскихъ князей, потомки Дмитрія Шемяки и Ивана Можайскаго, владѣвшіе по пожалованію отъ великаго князя Литовскаго почти всею нынѣшнею Черниговскою губерніей. Вновь начатая война (1500—1503 г.г.) кончилась закрѣпленіемъ за Москвою новыхъ пріобрѣтеній. Третья война вспыхнула, когда въ Москвѣ смѣнился великій князь (1507—8 г.г.); въ 1512 году она опять возобновилась и тянулась 10 лѣтъ. Новая война была при правительницѣ Еленѣ (1534—1537). Наконецъ, при Иванѣ IV 24 года продолжалась знаменитая Ливонская война. Такимъ образомъ изъ 100 лѣтъ, протекшихъ послѣ 1492 года, 46 были заняты войной съ Польско-Литовскимъ государствомъ; и западная граница, слѣдовательно, почти всегда нуждалась въ большихъ вооруженныхъ силахъ.

Присоединивъ Новгородъ, Москва унаслѣдовала и внѣшнія отношенія сѣверно-русской республики. Эти отношенія были связаны съ обезпеченіемъ торговли Новгорода съ западной Европой. Въ XIV—XV вѣкахъ путь въ Новгородъ былъ крѣпко занятъ народами, отношенія которыхъ къ русскимъ были далеко не дружественныя. Это были Шве-

ція и Ливонскій орденъ. Дурныя отношенія, существовавшія между Новгородомъ и этими государствами, перешли и къ Москвѣ. Въ 1496 г. вспыхнула война со Швеціей, вызванная тѣмъ, что въ Ревелѣ задержали нѣсколько русскихъ и казнили ихъ. Ливонскій орденъ неоднократно выступалъ въ XVI вѣкѣ въ качествѣ союзника Литвы и Московскіе поляки не разъ терпѣли даже пораженія отъ прекрасно вооруженныхъ ливонскихъ рыцарей.

Итакъ, почти въ каждый данный моментъ Московскому государству приходилось имѣть значительныя вооруженныя силы и испытывать большое военное напряженіе.

Для того чтобы успѣшно бороться съ внѣшними врагами Московское государство нуждалось также въ денежныхъ средствахъ. Денежный бюджетъ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ былъ очень не великъ: при Ѳедорѣ Ивановичѣ онъ не превышалъ полутора милліоновъ рублей или на нынѣшнія деньги 35—40 милл. руб. Древнѣйшими источниками денежнаго бюджета Московскаго государства были:

1) *Казначеевы и дьячьи пошлины*—старинный прямой налогъ, на который содержалось управленіе.

2) *„Кормъ намѣстниковъ и волостелинъ“*, т. е. содержаніе, которое населеніе должно было платить мѣстнымъ агентамъ власти, назначеннымъ князьями.

4) *Дань*, древнѣйшій прямой налогъ, сначала шедшій прямо князю, потомъ собиравшійся на татаръ; въ XVI столѣтіи онъ снова поступалъ въ пользу князя.

4) *Ямскія деньги*, предназначавшіяся для организаціи ямской гоньбы, т. е. сообщеній между столицей и важнѣйшими городами страны для надобностей правительства. Уже въ первой половинѣ XVI столѣтія къ упомянутымъ источникамъ государственныхъ доходовъ прибавились нѣкоторые новые: 1) *Полоняничныя деньги*—особый фондъ, на который государство выкупало плѣнниковъ. 2) *Пищальныя и ямчужныя деньги* новая подать, стоявшая, такъ же какъ и предыдущая, въ непосредственной связи съ военной обороной; это былъ особый налогъ на пріобрѣтеніе и изготовленіе оружія, необходимаго для арміи. Насколько тяжелы были налоги, можно видѣть изъ слѣдующаго разсчета. Совокупность денежныхъ повинностей, падавшихъ на каждую *соху*, (большая Московская соха—единица обложенія, введенная въ XVI столѣтіи, заключала въ себѣ отъ 1200 до 1800 десятинъ пахатной земли) равнялась въ первой половинѣ столѣтія $7^{1}/_{2}$—8 руб., или на наши деньги (считая 1 рубль тогдашній=100 руб. нынѣшнимъ) 750—800 руб. Къ 60—70 годамъ эти повинности возросли съ прибавленіемъ новыхъ до 40—42 руб. на соху, т. е. на наши деньги (считая 1 рубль 1550—1575 г.г.=50 руб. нынѣшнимъ) 1000—1500 руб. съ сохи. Наконецъ, въ

послѣдніе годы столѣтія повинности доходили до 150 руб. на соху или на наши деньги до 3750 рублей на соху (считая 1 рубль конца XVI столѣтія=25 р. нынѣшнимъ). Такой ростъ налоговъ, продолжавшійся втеченіе всего XVI столѣтія, не могъ не привести къ сильному финансовому обремененію населенія. Оно увеличивалось еще вслѣдствіе большихъ перемѣнъ въ распредѣленіи населенія по областямъ. Обороняясь отъ татаръ, Русь все далѣе и далѣе выдвигала на югъ свои передовые отряды. Въ началѣ XVI столѣтія граница русскихъ осѣдлыхъ поселеній шла приблизительно по ломаной линіи Нижній-Новгородъ—Рязань—Брянскъ—Путивль; въ концѣ столѣтія уже существовали Курскъ, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, а Волга до Астрахани была унизана цѣпью крѣпостей. Въ концѣ XVII столѣтія осѣдлыя поселенія доходили на югѣ уже до сѣверной границы нынѣшней Екатеринославской губерніи, въ Поволжьѣ занимали сѣверную часть нынѣшней Саратовской губерніи, а далѣе къ востоку перевалили за Каму. И въ XVIII столѣтіи продолжалось поступательное движеніе русскаго государства къ югу и юго-востоку, пока оно не достигло Чернаго моря, Кавказа и среднеазіатскихъ степей.

Движеніе отъ береговъ средней Оки на югъ, объяснялось не только военными обстоятельствами; на югѣ былъ плодородный черноземъ; туда привлекало колонистовъ обиліе земли и богатые урожаи. Совершенно обратно тому, что наблюдалось въ XII столѣтіи, русскіе колонисты въ XVI и слѣдующихъ вѣкахъ не прекращавшимся потокомъ устремлялись на югъ; туда уходили тѣ, кому плохо жилось на старыхъ мѣстахъ, кто тяготился суровымъ режимомъ Московскаго царства: такъ возникло русское вольное казачество (см. ниже § 33); вслѣдъ за вольными колонистами надвигалась государственная оборона, а за нею шла въ свою очередь колонизація правительственная, основывались новые города, раздавались земли, переселялись крестьяне. Наплывъ переселенцевъ на югъ былъ такъ силенъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія повлекъ оскудѣніе и длительный экономическій упадокъ старинныхъ Московскихъ областей между Окою и верхней Волгой и еще бо́льшее обремененіе налогами оставшагося въ нихъ населенія.

§ 17. Образованіе служилаго сословія и его составъ.

Для успѣшной обороны страны отъ внѣшнихъ враговъ Московское государство нуждалось въ организованной и многочисленной арміи. Для этой цѣли были использованы старинные дружинные элементы, уцѣлѣвшіе отъ удѣльной эпохи; но, кромѣ того, въ составъ служилаго сословія были введены также и представители другихъ соціальныхъ группъ. Прежде всего въ составъ служилаго класса вошли потомки удѣльныхъ

бояръ и „слугъ вольныхъ“. Въ XV вѣкѣ составъ московскаго боярства осложнился и увеличился: на ряду со старыми фамиліями около московскаго великаго князя стали группироваться прежніе удѣльные князья, потерявшіе свое положеніе самостоятельныхъ государей, явившіеся въ Москву и вступившіе въ служебныя отношенія къ московскому великому князю. Въ такомъ осложненномъ видѣ боярство и составило высшій слой вновь образовавшагося служилаго класса. Но для новыхъ государственныхъ задачъ этого было недостаточно; нуждаясь въ служилыхъ людяхъ, правительство XV—XVI в.в. всячески пополняло составъ своихъ военныхъ слугъ. Въ составъ служилаго класса былъ введенъ низшій слой дворцовыхъ слугъ — „слуги подъ дворскимъ“. Вольные военные слуги, служившіе боярамъ, ихъ *закладники и послужильцы*, т. е. вольные люди, становившіеся боярскими холопами, энергично перечислялись Московскимъ правительствомъ въ число прямыхъ слугъ государства. Присоединеніе удѣловъ въ концѣ XV-го и началѣ XVI в.в. ставило въ зависимость отъ московскихъ великихъ князей мѣстныя удѣльныя общества. Обыкновенно при присоединеніи удѣла въ Москвѣ мѣстное служилое общество цѣликомъ зачислялось въ составъ служилыхъ людей московскаго государства. Необходимость создать постоянную армію заставляла государство прибѣгать къ болѣе широкому перечисленію въ составъ служилаго общества такихъ элементовъ, которые по происхожденію не имѣли съ нимъ ничего общаго. Такъ оставшіеся на своихъ мѣстахъ и не выселенные при Иванѣ III Новгородскіе своеземцы были зачислены въ составъ служилаго класса. Происходило и прямое перечисленіе тяглыхъ людей въ составъ служилаго класса. На опустѣвшія Новгородскія земли переводились при Иванѣ III тяглые люди, крестьяне, которые тамъ были перечислены въ служилые люди. Далѣе въ составъ служилыхъ людей зачисляли освобожденныхъ русскихъ плѣнниковъ, которыхъ бывало обыкновенно очень много. „Полонное терпѣнье“ освобождало и отъ прежняго тягла и отъ прежняго холопства. Выкупленные или вернувшіеся плѣнники обыкновенно переводились въ служилые люди какъ бы въ награду за перенесенныя испытанія.

Послѣдній источникъ, изъ котораго пополнялся служилый классъ, были люди иностраннаго происхожденія. На службу московскихъ государей вступали татары, сначала, еще съ XIV вѣка, единицами, а потомъ и болѣе обширными группами. Приходили иностранцы и изъ Литвы. Въ отдѣльныхъ случаяхъ были выходцы и изъ Западной Европы. Едвали, однако, общее число выходцевъ изъ сосѣднихъ странъ было такъ велико, какъ иногда объ этомъ думали въ нашей исторической и генеалогической литературѣ. Насколько сильно увеличился составъ служилаго класса за все XVI столѣтіе, можетъ дать сопоставленіе 2 цифръ:

помянутой выше цифры, сообщаемой Герберштейномъ о 20,000 чел., выставляемыхъ ежегодно на Окѣ и другой, приводимой Флетчеромъ, который говоритъ о 100.000 человѣкъ дворянской конницы, которыхъ ежегодно мобилизовало московское правительство.

Очень рано, еще въ началѣ XVI вѣка вся масса служилыхъ людей раздѣлились на три главныхъ разряда, которые въ свою очередь имѣли іерархическія подраздѣленія, называвшіяся *чинами*. Къ первому разряду принадлежали служилые люди, которые имѣли право засѣдать въ боярской думѣ. Во второмъ разрядѣ были служилые люди, которые составляли какъ бы гвардію московскаго царя и служили въ столицѣ; наконецъ третій и самый многочисленный разрядъ составляли *городовые* служилые люди. Каждый изъ этихъ разрядовъ распадался на отдѣльные чины. *Думные чины* составились изъ: 1) бывшихъ удѣльныхъ князей, 2) старыхъ московскихъ бояръ и 3) „слугъ вольныхъ“ прежнихъ московскихъ князей. Эти три соціальныхъ слоя составили три думныхъ чина: *бояръ, окольничихъ* и *думныхъ дворянъ*. Къ тремъ думнымъ чинамъ присоединился еще четвертый—*думные дьяки*, высшая ступень приказной или канцелярской службы.

Чины московскіе образовались изъ старыхъ дворцовыхъ слугъ и изъ представителей провинціальныхъ служилыхъ людей, которыхъ правительство въ нѣсколько пріемовъ перевело на службу въ Москву. Въ ихъ составъ входили 4 отдѣльныхъ чина: *стольники, стряпчіе, дворяне московскіе* и *жильцы;* провинціальные или, какъ ихъ называли, *городовые* служилые люди носили названіе *дворянъ* и *дѣтей боярскихъ*. Въ XVI вѣкѣ господствуетъ терминъ „дѣти боярскіе“, въ XVII вѣкѣ онъ вытѣсняется терминомъ „дворяне“. У городовыхъ чиновъ была также нѣкоторая іерархія: были чины просто городовые и были чины *„по выбору“* и *„по московскому списку“*. Первые были рядовой массой. Послѣднія двѣ категоріи составлялись изъ избранныхъ людей, которые занимали первенствующее положеніе дома, а иногда бывали командируемы и на службу въ Москву. Старомосковское понятіе о чинѣ коренным образомъ отличалось отъ современнаго понятія о чинѣ. Въ настоящее время чины выслуживаются одинъ за другимъ личной службой. Старинные московскіе чины, какъ и вся московская служба въ значительной степени опредѣлялись родовымъ происхожденіемъ. Чѣмъ знатнѣе былъ родъ, тѣмъ выше чиномъ начиналась служба и наоборотъ. Сынъ боярина никогда не начиналъ службу ни съ чина городового дворянина ни съ чина дворянина Московскаго; онъ начиналъ ее прямо съ чина стольника. Представители самой большой московской знати изъ чина стольника прямо жаловались чиномъ боярина. Члены фамилій второго разряда предварительно проходили черезъ чинъ окольн-

ничаго. Наоборотъ, городовые дворяне лишь въ исключительныхъ случаяхъ поднимались выше выбора или московскаго списка.

§ 18. Помѣстная система.

Общей государственной повинностью служилаго класса, его государственнымъ тягломъ, была личная служба, которую каждый служилый человѣкъ долженъ былъ нести съ того момента, когда онъ достигалъ, по тогдашнему понятію, зрѣлаго возраста до тѣхъ поръ, пока позволяли ему его силы.

Для того, чтобы содержать служилыхъ людей, государству нужны были средства и, конечно не въ маленькомъ бюджетѣ Московскаго государства можно было найти средства для уплаты слугамъ государства; приходилось оперировать другого рода капиталомъ; этимъ капиталомъ была земля. Выше приходилось говорить уже о томъ, что сѣверо-восточные удѣльные князья очень рано стали пускать въ оборотъ свой земельный капиталъ; съ одной стороны они жаловали его въ собственность своимъ слугамъ, съ другой—отдавали въ условное пользованіе. То же самое, но въ гораздо большемъ масштабѣ дѣлало и правительство XVI столѣтія. Оно раздавало огромное количество земли въ условное владѣніе; человѣкъ, получившій участокъ земли, долженъ былъ нести службу съ этого участка до тѣхъ поръ, пока владѣлъ имъ. Участокъ земли, даваемый на такихъ условіяхъ, носилъ названіе помѣстья. Съ другой стороны, человѣкъ, владѣвшій землей на правѣ вотчинника, т. е. на правѣ полной собственности, также долженъ былъ служить государю; но имѣя вотчинныя земли, онъ уже не имѣлъ права получить помѣстье.

Такимъ образомъ всякій участокъ земли, принадлежавшій служилому человѣку на правахъ собственности или на правахъ временнаго условнаго владѣнія, облагался повинностью государственной службы для того, кто имъ владѣлъ. Земля *„служила“*, и правительство наблюдало зорко, чтобы *„земля изъ службы не выходила“*.

Организація государственной службы въ Московскомъ государствѣ, основанная на владѣніи землею, называется иногда *„помѣстной системой“*. Ея развитіе и организація занимаетъ все XVI столѣтіе, но особенно энергично шла работа надъ созданіемъ помѣстной системы около половины XVI столѣтія. Такъ въ 1550 году правительство, озабоченное созданіемъ въ самой Москвѣ значительнаго военнаго корпуса, перевело изъ городовъ до 1000 провинціальныхъ служилыхъ людей и роздало имъ помѣстья въ Московскомъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ. При этомъ въ одинъ пріемъ роздано было до 176.000 десятинъ. До 15 лѣтъ служилый человѣкъ считался въ *„недоросляхъ“*. Когда онъ достигалъ

пятнадцати лѣтъ, его *„верстали въ службу“*, и онъ числился уже *„новикомъ“*, но не получалъ еще земли. Проходило, обыкновенно, два-три года и тогда новика верстали *„окладомъ“*, т. е. ему давалось право на полученіе земельнаго участка въ качествѣ помѣстья. Если у такого служилаго человѣка уже было извѣстное количество земли въ вотчинномъ владѣніи, то его помѣстный окладъ соотвѣтственно уменьшался. Размѣръ участка давался сообразно чину и происхожденію: городовые чины получали менѣе московскихъ; послѣдніе меньше думныхъ. Въ общемъ, помѣстные оклады были крайне разнообразны; отъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ до нѣсколькихъ сотенъ; для отдѣльныхъ мѣстностей оклады эти съ теченіемъ времени повышались; въ XVII столѣтіи средній ихъ размѣръ выше нежели въ XVI-омъ. Окладъ былъ, однако, только предѣломъ, выше котораго служилый человѣкъ не могъ получить; обыкновенно же окладъ не получался въ полномъ видѣ. Служилому человѣку нужно было самому отыскать пустую землю въ размѣрѣ, не превышавшемъ его оклада, и отыскать непремѣнно въ томъ уѣздѣ, гдѣ онъ долженъ былъ служить, потомъ подать челобитье, и только по утвержденіи за нимъ помѣстья онъ становился его владѣльцемъ. Участокъ, которымъ онъ въ дѣйствительности владѣлъ, носилъ названіе *„дачи“*. За служебное отличіе ему давали прибавки къ окладу; соотвѣтственно увеличивалась и дача; такимъ образомъ вся дальнѣйшая судьба служилаго человѣка и всѣ измѣненія въ его земельномъ обезпеченіи представляли погоню дачи за окладомъ, причемъ дача далеко не всегда нагоняла окладъ.

Кромѣ земельнаго оклада дворянинъ получалъ еще и денежный окладъ. Денежный окладъ городового дворянина не превышалъ девяти-десяти рублей въ годъ. У чиновъ Московскихъ и думныхъ денежный окладъ былъ выше; оклады бояръ достигали двухсотъ рублей въ годъ. Денежное жалованье не выдавалось аккуратно въ опредѣленные сроки. Оно служило какъ бы наградой и выдавалось черезъ два-три года по какимъ нибудь особеннымъ случаямъ, напримѣръ, за походъ. Служба продолжалась до тѣхъ поръ, пока человѣкъ могъ служить; она прекращалась, когда раны, старость, увѣчья дѣлали ее невозможной. Для обезпеченія старости поступали такимъ образомъ: если служилый человѣкъ не могъ продолжать службы, но у него былъ взрослый сынъ, то обыкновенно сына *„припускали“* къ отцу, т. е. передавали ему отцовское помѣстье. Если же дѣти *„поспѣвали“* въ службу когда отецъ еще могъ служить, то ихъ верстали въ *„отводъ“*, давая имъ отдѣльные участки. Бездѣтный, одинокій человѣкъ получалъ извѣстную часть своего прежняго помѣстья на *„прожитокъ“*, которой и владѣлъ до смерти. Верстаніе помѣстьемъ въ припускъ было первымъ шагомъ къ установленію наслѣдственности помѣстій; передавая помѣстье сыну

прежняго владѣльца, правительство поступало съ выгодой для себя, потому что служба съ даннаго помѣстья текла непрерывно такъ же какъ и его хозяйственная эксплоатація; новому помѣщику уже не приходилось отвлекаться отъ службы и тратить силы на расчистку и хозяйственную разработку своего помѣстья.

Если правительство считало себя обязаннымъ давать прожиточныя помѣстья старымъ и негоднымъ къ службѣ дворянамъ, то естественно, что оно думало также объ обезпеченіи семействъ служилыхъ людей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ умершаго дворянина оставались сыновья, за всей семьей оставался весь помѣстный участокъ, которымъ она владѣла раньше и который теперь укрѣплялся за сыномъ, ранѣе всѣхъ поспѣвавшимъ въ службу или же, если помѣстье было достаточно велико, то за нѣсколькими сыновьями. Въ этомъ случаѣ помѣстный участокъ оставался, слѣдовательно, въ рукахъ одной и той же семьи. Но могло быть такъ, что въ семьѣ были только женщины; и на этотъ случай въ XVII столѣтіи была выработана опредѣленная система пенсіоннаго обезпеченія. Различалось три случая. Если служилый человѣкъ умиралъ у себя дома въ мирное время, то вдова получала 10% его помѣстнаго оклада, а каждая изъ дочерей до выхода замужъ или до постриженія получала 5% изъ отцовскаго оклада. Если служилый человѣкъ умиралъ въ походѣ, то вдова получала 15%, дочь $7^1/_2$%. Если служилый человѣкъ былъ убитъ на войнѣ, то вдова получала 20%, а дочери по 10%. Въ среднемъ прожиточныя доли вдовы и дочерей составляли около $^1/_7$ и $^1/_{14}$ части помѣстья; при позднѣйшей эволюціи нашего наслѣдственнаго права эти доли сдѣлались основаніемъ нормъ наслѣдованія женщинами недвижимаго имущества, дѣйствовавшихъ безъ измѣненій до 1911 года.

Служилые люди, приписанные къ одному городу и жившіе въ одномъ уѣздѣ, составляли одинъ военный отрядъ; помѣстья ихъ должны были непремѣнно находиться въ чертѣ даннаго уѣзда. Нѣсколько въ иномъ положеніи находились думные и московскіе чины: приписанные къ столицѣ, они имѣли право владѣть помѣстьями и вотчинами во всѣхъ областяхъ государства, но ихъ столичная служба давала имъ особое право на участокъ земли близъ Москвы—т. наз. *подмосковное* помѣстье. Въ XVII столѣтіи вслѣдствіе значительнаго увеличенія числа думныхъ людей и московскихъ чиновъ пришлось точно опредѣлить и размѣры подмосковныхъ помѣстій: по Уложенію 1649 г. размѣры ихъ колебались отъ 300 десятинъ для бояръ до 75 десятинъ для низшихъ дворцовыхъ служащихъ.

Владѣя помѣстьемъ или вотчиной, служилый человѣкъ обязанъ былъ по первому требованію правительства являться на военную службу и, кромѣ того, доставлять на службу вооруженныхъ тяглыхъ людей; уло-

женіемъ о службѣ 1556 года было установлено соотношеніе между числомъ выставляемыхъ на службу людей и количествомъ владѣемой земли: со 100 *четей* [1]) доброй земли въ полѣ, а въ дву потому-жъ, т. е. въ трехъ поляхъ, иначе сказать, съ 150 десятинъ долженъ былъ входить одинъ человѣкъ „на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ“; если же походъ предполагался дальній, то и „о дву конь“.

Помѣстное землевладѣніе не было всегда землевладѣніемъ индивидуальнымъ. При единовременномъ испомѣщеніи нѣсколькихъ служилыхъ людей въ одномъ мѣстѣ практиковалось надѣленіе ихъ помѣстною землею сообща, причемъ имъ предоставлялось разверстывать свои доли по взаимному соглашенію или же владѣть землями на общемъ правѣ. Чаще и скорѣе всего размежевывались усадебныя земли и доли населенныхъ деревень; лѣса, сѣнокосы, пустоши оставались иногда въ общемъ владѣніи долгіе годы. Доля каждаго помѣщика переходила по наслѣдству независимо отъ другой; такъ могло создаться товарищество помѣщиковъ, во многомъ напоминавшее землевладѣніе крестьянъ сябровъ или складниковъ; члены подобныхъ помѣстныхъ товариществъ назывались иногда сябрами-помѣщиками. Такимъ образомъ складническая или долевая форма землевладѣнія не была явленіемъ, исключительно свойственнымъ одной только крестьянской средѣ.

§ 19. Вотчинное землевладѣніе въ XVI вѣкѣ и опричнина.

Вотчинное землевладѣніе въ началѣ XVI столѣтія должно было представлять собою довольно значительный земельный фондъ, пополнявшійся только пожалованіемъ; онъ отличался очень большой склонностью къ *мобилизаціи*, т. е. къ переходу изъ однѣхъ рукъ въ другія; земли, входившія въ его составъ были очень различнаго происхожденія. Прежде всего сюда принадлежали очень значительныя по своимъ размѣрамъ вотчины бывшихъ удѣльныхъ князей, обладавшія уже извѣстными намъ феодальными привилегіями. Княжеская земельная аристократія распадалась на двѣ опредѣленныя группы. Въ первую входило потомство Всеволода Большого Гнѣзда, раздѣлявшееся на многочисленныя вѣтви князей Ростовскихъ, Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Стародубскихъ, Суздальско-Нижегородскихъ и Тверскихъ; владѣнія этихъ княжескихъ линій, расположенныя въ ихъ прежнихъ княжествахъ, лежали къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ столицы: другой группой бывшихъ удѣльныхъ князей были князья потомки св. князя Михаила Черниговскаго, уцѣлѣвшіе въ сѣверной части бывшей Черниго-Сѣверской

[1]) Четь или четверть, первоначально „четверть сѣва“, т. е. площадь засѣваемая четвертью ржи; въ XVI—XVII в.в. четь равнялась полудесятинѣ.

земли въ удѣльныхъ княженіяхъ Воротынскомъ, Одоевскомъ, Мезецкомъ (Мещовскомъ), Мосальскомъ, Оболенскомъ и др. Ихъ вотчины были расположены къ югу и юго-западу отъ Москвы. Къ родовымъ вотчинамъ прежнихъ удѣльныхъ князей примыкали нѣкоторыя, подчасъ обширныя, вотчины различныхъ выѣзжихъ князей Литовскихъ и Татарскихъ, нерѣдко снабженныя иммунитетомъ. Видную группу среди крупныхъ вотчинниковъ ранняго Московскаго государства, однако вотчинниковъ не привилегированныхъ, составляли старинные московскіе бояре; какъ наиболѣе видныхъ представителей этой группы назовемъ Романовыхъ-Захарьиныхъ, Шереметевыхъ, Годуновыхъ. Наконецъ, существовало не мало мелкихъ вотчинниковъ, по большей части потомковъ второстепенныхъ слугъ великихъ и удѣльныхъ князей, получившихъ свои земли въ разныя времена путемъ пожалованія.

Созданіе помѣстной системы, какъ основы всей военной службы въ Московскомъ государствѣ, не могло, однако, не остаться вовсе безъ вліянія на вотчинное землевладѣніе. На первый взглядъ представляется не совсѣмъ понятнымъ, какимъ образомъ на вотчинныя земли, владѣніе которыми въ удѣльное время отнюдь не налагало обязательствъ служить мѣстному князю и не стѣсняло права отъѣзда, была наложена обязанность службы. Объясненія этого явленія надо, повидимому, искать въ существованіи особыхъ жалованныхъ вотчинъ, которыя князья иногда давали своимъ слугамъ, оговаривая въ жалованныхъ грамотахъ, что земля жалуется въ наслѣдственное владѣніе непремѣнно подъ условіемъ службы; обязательствомъ службы Московскому князю обусловливается по большей части и сохраненіе бывшими удѣльными князьями вотчинъ въ ихъ прежнихъ княженіяхъ. Подобныя земли представляли, такимъ образомъ, какъ бы посредствующее звено между вотчиной и помѣстьемъ. То, что было сначала исключеніемъ, сдѣлалось съ теченіемъ времени правиломъ; по мѣрѣ того, какъ въ государствѣ образовывался громадный земельный фондъ, всѣ владѣльцы котораго были обязательными слугами государя, обязательство службы, уже существовавшее для многихъ крупныхъ вотчинъ, было распространено и на все вотчинное землевладѣніе. Новый порядокъ былъ окончательно закрѣпленъ уложеніемъ о службѣ 1556 года, которое подтвердило принципъ обязательной службы съ вотчинъ и установило такое же соотвѣтствіе между вотчинной землей и количествомъ выставляемыхъ людей, какое было положено для земель помѣстныхъ.

Помѣстная земля составляла собственность государства и потому могла быть отчуждаема; вотчина, собственность частнаго лица, могла быть отчуждена имъ въ другія руки, причемъ могла очутиться въ рукахъ не служилыхъ и къ невыгодѣ государства „выйти изъ службы“. Мобилизація вотчиннаго землевладѣнія могла быть, такимъ образомъ,

вредной для государства и понятно поэтому, что правительство принимало различныя мѣры для борьбы съ этимъ явленіемъ. Можно указать три причины мобилизаціи вотчинныхъ земель въ XVI столѣтіи. Первая изъ нихъ заключалась въ порядкѣ ихъ наслѣдованія. Насколько можно судить по завѣщательнымъ распоряженіямъ князей и частныхъ лицъ, вотчинныя земли не только дробились по числу прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, но часть ихъ передавалась женамъ и дочерямъ завѣщателя и черезъ нихъ уходила въ чужія руки. Въ княжескомъ быту доля недвижимаго имущества, оставляемая въ полную собственность княгинь-вдовъ, носила названіе *опричнины*; подобныя же опричнины встрѣчались и въ частномъ быту. Дочерямъ не всегда завѣщались земли; но обычно возлагаемое на наслѣдниковъ обязательство выдать сестеръ замужъ соотвѣтственно средствамъ, „по силѣ“, иногда отрывало участки вотчины въ качествѣ приданаго.

Второю причиною были общія экономическія условія эпохи. Выше (§ 16) уже указывалось на колонизаціонное движеніе къ югу, которое было настолько сильно въ XVI столѣтіи, что вызвало оскудѣніе старинныхъ областей по Окѣ и верхней Волгѣ, а какъ разъ большинство старинныхъ вотчинъ были расположены именно въ этомъ районѣ. Многочисленныя и разнообразныя свидѣтельства, преимущественно относящіяся ко второй половинѣ столѣтія, говорятъ о запустѣніи селъ, деревень и цѣлыхъ городовъ; тяглецы-крестьяне уходили, пашня оставалась необработанной, хозяйственная жизнь замирала. Хозяева вотчинъ, не будучи въ состояніи справиться съ экономическимъ кризисомъ, входили въ долги и въ уплату ихъ должны были за отсутствіемъ денежныхъ средствъ поступаться своими земельными богатствами. Это особенно ясно видно изъ завѣщаній частныхъ людей, такъ какъ въ своихъ предсмертныхъ распоряженіяхъ древне-русскіе люди не только дѣлили свое имущество между наслѣдниками, но и ликвидировали свои имущественныя отношенія. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ духовныхъ завѣщаній вотчинниковъ XVI вѣка только въ одномъ завѣщаніи князя Михаила Андреевича Куракина отмѣчено, что ни онъ никому, ни ему никто не долженъ. Обычно же и мелкіе и крупные вотчинники были связаны цѣлой сѣтью крупныхъ и мелкихъ долговъ отъ одного до нѣсколькихъ десятковъ и сотенъ рублей и, кромѣ того, долгами натурой: шубами, конями и т. п. Долги эти происходили главнымъ образомъ оттого, что вотчинное хозяйство не давало достаточно дохода и даже богатые земледѣльцы должны были брать взаймы, чтобы снарядиться на службу, женить сына, или выдать замужъ дочь. Въ 1547 году царь Иванъ IV сосваталъ дочь кн. Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго за кн. Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго. Извѣщая объ этомъ мать невѣсты, царь писалъ ей: „да сказывалъ намъ братъ твой Ѳома, что князь Але-

ксандръ, идучи на нашу службу, заложилъ платье твое все; и мы тебя пожаловали, послали тебѣ отъ себя платье, въ чемъ тебѣ ѣхати, а дастъ Богъ пріѣдешь къ Москвѣ и скажешь, у кого платье твое заложено, и мы велимъ выкупити"; вотъ до чего доводило безденежье членовъ боярской земельной аристократіи XVI вѣка. Чтобы погашать долги приходилось чаще всего продавать землю или ее закладывать; это придавало особую неустойчивость вотчинному землевладѣнію, а такъ какъ закладывали землю чаще всего у капиталистовъ—монастырской братіи,—то неуплата денегъ въ срокъ дѣлала заложенную землю собственностью монастыря и тѣмъ навсегда выводила ее изъ службы. Уже отмѣченный выше обычай дѣлать земельные вклады на поминъ души въ церкви и монастыри, вытекавшій изъ религіознаго чувства русскихъ людей, былъ третьей причиной мобилизаціи вотчинныхъ земель, также выводившій землю изъ службы.

Понимая весь вредъ, который приносила вотчинному служилому землевладѣнію мобилизація, правительство XVI вѣка пыталось бороться съ нею; въ законодательствѣ этой эпохи можно найти нѣкоторыя указанія на такую борьбу. Прежде всего была сдѣлана попытка точно опредѣлить и по возможности сузить кругъ родственниковъ, которые имѣли право наслѣдовать вотчину: уже оба судебника устанавливаютъ послѣдовательность правъ наслѣдниковъ, каждый разрядъ которыхъ исключаетъ слѣдующіе за нимъ: наличность сыновей исключаетъ дочерей; дочери исключаютъ боковыхъ родственниковъ; послѣдніе получаютъ право только въ лицѣ ближайшаго родича. Указомъ 1562 г. былъ ограниченъ самый кругъ наслѣдниковъ родовыхъ вотчинъ: „котораго боярина или сына боярскаго не станетъ бездѣтна и ближняго рода и духовныя у него не будетъ; и та вотчина—государя царя и великаго князя". Приговоромъ освященнаго собора и боярской думы 1573 года, дополняющимъ только что приведенный указъ, было постановлено „далѣе внучатъ вотчинъ не отдавати роду"; если наслѣдники были болѣе далекіе, то вотчина отписывалась на государя, который могъ вновь пожаловать ее другому лицу или отдать ее въ помѣстье.

Нѣкоторое стараніе сократить мобилизацію и способствовать удержанію вотчинной земли въ предѣлахъ одного и того же рода можно усматривать и въ законодательной обработкѣ права *родового выкупа*, которую мы находимъ въ царскомъ судебникѣ; право это состояло въ слѣдующемъ: вотчины родовыя, т. е. перешедшія изъ одного поколѣнія въ другое по наслѣдству, въ случаѣ отчужденія ихъ посредствомъ продажи чужеродцамъ, могли быть выкуплены представителями боковыхъ линій рода, къ которому принадлежалъ продавецъ; нисходящая линія продавца права выкупа не имѣла: надо думать, что законодательная нормировка права выкупа имѣла между прочимъ цѣлью, не подрывая

права распоряженія вотчиной, какъ собственностью, дать возможность боковымъ представителямъ рода вновь вернуть утраченное родомъ имущество и поддержать тѣмъ свою служебную годность; для государства это было особенно выгодно тогда, когда проданная родовая вотчина переходила во владѣніе монастыря. Съ переходомъ вотчинъ къ монастырямъ правительство боролось также особыми спеціальными указами, которые мы разсмотримъ въ связи съ исторіей монастырскаго землевладѣнія (§ 29).

Имѣли ли какое нибудь практическое значеніе только что перечисленныя средства борьбы противъ мобилизаціи вотчинныхъ земель? Въ этомъ приходится сомнѣваться. Наблюденія надъ вотчиннымъ землевладѣніемъ въ XVI столѣтіи указываютъ неизмѣнно на уменьшеніе и убыль этого вида служилыхъ земель. Если бы было возможно привести полныя статистическія данныя о служиломъ землевладѣніи въ царствованіе Ивана IV, то можно навѣрно сказать, что землевладѣніе вотчинное предстало бы предъ нами съ повсемѣстными признаками сокращенія и что оно въ концѣ столѣтія должно было занимать меньшую площадь по сравненію съ неуклонно развивавшимся землевладѣніемъ помѣстнымъ.

Была, впрочемъ, одна категорія вотчинъ, относительно которой правительство XVI вѣка не только не принимало охранительныхъ мѣръ, но которую оно желало ослабить и уничтожить: политическая борьба, которую Московскіе государи, начиная съ Ивана III, вели съ потомками бывшихъ удѣльныхъ князей, вызвала съ ихъ стороны стремленіе разгромить тѣ первоначально огромныя земельныя состоянія, на которыя въ своей борьбѣ опирались князья. Нѣкоторыя правительственныя мѣры энергично содѣйствовали въ этомъ отношеніи указаннымъ выше экономическимъ причинамъ оскудѣнія земельныхъ богатствъ бывшихъ удѣльныхъ князей. Еще въ 1551 году былъ составленъ соборный приговоръ, по которому „Суздальскіе князья да Ярославскіе да Стародубскіе князья безъ великаго князя вѣдома вотчинъ своихъ не продавали-бъ“. Въ 1562 году ограниченіе въ болѣе строгой формѣ было подтверждено относительно всѣхъ сѣверо-восточныхъ князей и распространено на всѣхъ князей юго-западныхъ: князья Ярославскіе, Стародубскіе, Ростовскіе, Суздальскіе, Тверскіе, Оболенскіе, Бѣлозерскіе, Воротынскіе, Масальскіе, Трубецкіе, Одоевскіе и другіе служилые князья не должны своихъ старинныхъ вотчинъ продавать мимо своихъ братьевъ и племянниковъ, мѣнять и давать въ приданое, а если князь умретъ, не оставивши послѣ себя мужескаго потомства, то вотчина его берется на государя. Въ этихъ ограниченіяхъ, значительно бо́льшихъ, чѣмъ приведенныя выше общія ограниченія наслѣдованія родовыхъ вотчинъ, нельзя не видѣть проявленія прямой вражды къ княжескому землевладѣнію. Но еще болѣе, чѣмъ указы 50-хъ и 60-хъ годовъ способство-

вала разрушенію княжескихъ вотчинъ *опричнина*, учрежденная Иваномъ IV въ 1565 году и упраздненная, кажется, въ началѣ 80-хъ годовъ. Опричнина Ивана Грознаго, на которую перенесено было названіе, нѣкогда обозначавшее наслѣдственную долю княгини вдовы, была особымъ корпусомъ царскихъ тѣлохранителей, оберегавшихъ царскую особу и выметавшихъ крамолу изъ царства. На содержаніе этого корпуса царь послѣдовательно отчислилъ цѣлый рядъ городовъ и уѣздовъ своего государства, причемъ, не случайно, кажется, въ составъ опричныхъ земель вошли всѣ мѣстности, гдѣ изстари находились родовыя гнѣзда князей Рюриковичей Владиміро-Суздальской и Черниговo-Сѣверской линій. Переходъ княжескихъ вотчинъ въ опричнину не былъ собственно конфискаціей ихъ: взамѣнъ отобранныхъ земель давались другія; но онѣ давались въ другихъ частяхъ государства, преимущественно на его окраинахъ; при этомъ, конечно, навсегда нарушалась старинная связь между мѣстнымъ населеніемъ и потомками прежнихъ удѣльныхъ князей-государей. Землями, получаемыми взамѣнъ отобранныхъ, владѣли даже не всегда на вотчинномъ правѣ, а нерѣдко въ качествѣ помѣстья: когда же вмѣсто вотчинъ жаловали вновь вотчины, то ихъ давали безъ иммунитетовъ; надо добавить, что подневольная перемѣна земельныхъ владѣній должна была съ своей стороны не мало способствовать разоренію переселяемыхъ хозяевъ. Послѣ царя Ивана IV нѣкоторые изъ прежнихъ владѣльцевъ опричныхъ земель вновь получили свои прежнія вотчины, но это было ничтожное меньшинство. Къ концу XVI столѣтія политика Ивана Грознаго и экономическій кризисъ настолько ослабили старинное княжеское вотчинное землевладѣніе, что отъ него оставались лишь жалкіе остатки.

§ 20. Смута и ея послѣдствія. Поземельная политика при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Не смотря, однако, на то, что вотчинное землевладѣніе въ XVI вѣкѣ обнаруживало нѣкоторые признаки упадка и количественно скорѣе уменьшалось чѣмъ увеличивалось, оно въ хозяйственномъ отношеніи было болѣе устойчивымъ нежели помѣстное. Уже въ эпоху экономическаго оскудѣнія при Иванѣ IV вотчины были въ болѣе благопріятномъ экономическомъ положеніи, чѣмъ помѣстья: такое соотношеніе обоихъ главныхъ видовъ служилаго землевладѣнія продолжаетъ оставаться въ силѣ и въ смутное время. Судя по писцовымъ книгамъ 20-хъ годовъ XVII столѣтія, экономическое положеніе вотчинъ, какова бы ни была степень разоренія данной мѣстности, почти всегда, въ общемъ, выше чѣмъ положеніе находящихся съ ними рядомъ помѣстій. Въ началѣ XVII столѣтія дворянинъ видимо продолжалъ еще чувствовать себя

прочно только въ своей вотчинѣ; помѣстье продолжало еще считаться владѣніемъ условнымъ; потому, въ эпоху разоренія, когда земельныя владѣнія забрасывались и пустѣли, помѣстья чаще испытывали такую участь чѣмъ вотчины. Въ 6 станахъ Московскаго уѣзда писцы 1624—1625 гг. насчитали 90 пустыхъ помѣстныхъ участковъ и только 34 пустыхъ вотчины. Такую же картину представляютъ и другія мѣстности. Таково первое послѣдствіе смутнаго времени, которое можно отмѣтить для служилаго землевладѣнія.

Другимъ послѣдствіемъ была сильная дезорганизація, которой подверглась вся система служилаго землевладѣнія, съ такимъ стараніемъ выработанная въ XVI столѣтіи. Правительство царя Михаила сразу очутилось лицомъ къ лицу съ вопросами, требовавшими большого вниманія и осторожности. Дезорганизація выражалась въ томъ, что владѣніе очень многими вотчинными землями было основано на неправильныхъ документахъ или же вовсе документами не подтверждалось и что количество владѣемой помѣстной земли отнюдь не соотвѣтствовало ни окладу, ни даже дачѣ, какая числилась за владѣльцемъ; дѣло осложнялось еще тѣмъ, что за годы смуты накопилось значительное число служилыхъ людей, продолжавшихъ числиться, не смотря на зрѣлый возрастъ, въ новикахъ, терпѣливо дожидаясь верстанія какимъ нибудь окладомъ. Со времени Тушина понятіе о единомъ законномъ правительствѣ исчезло. Въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ въ Московскомъ государствѣ было обычно два враждебныхъ правительства, имѣвшихъ каждое своихъ подданныхъ, свои учрежденія, свою политику. Царь Василій Шуйскій и Тушинскій воръ, земское ополченіе Ляпунова и Пожарскаго и московское русско-польское правительство междуцарствія одинаково считали себя законными, содержали войско и, прибѣгая къ выработанной уже формѣ обезпеченія своихъ ратныхъ силъ, раздавали помѣстья и вотчины. Въ результатѣ правительство царя Михаила должно было считаться съ земельными крѣпостями самаго различнаго и часто очень сомнительнаго происхожденія. Съ другой стороны многія лица, владѣвшія издавна и на совершенно законномъ основаніи своими помѣстьями и вотчинами, были лишены возможности доказать это, такъ какъ документы были сожжены, украдены, вообще пропали во время смуты. Правительство выработало опредѣленное отношеніе къ вопросамъ о законности владѣнія землею и проводило его очень послѣдовательно. Провѣрка правъ владѣнія была возложена на *дозорщиковъ*, которыхъ въ 10-хъ годахъ посылали описывать запустѣлыя мѣста, и на *писцовъ*, описывавшихъ всю страну въ 20-хъ годахъ. Основной принципъ, котораго правительство придерживалось, въ отношеніи вотчиннаго землевладѣнія, состоялъ въ томъ, чтобы каждый владѣлъ своими *прямыми вотчинами*, т. е. по праву ему принадлежа-

щими и данными отъ законнаго правительства и владѣлъ ими на основаніи не возбуждавшихъ сомнѣнія документовъ. Законными признавались правительство царя Василія и земское правительство Пожарскаго; вотчины полученныя въ Тушинѣ или же именемъ Владислава и Сигизмунда, признавались незаконными. Строгій принципъ, однако, смягчался на практикѣ вслѣдствіе ясно сознаваемой необходимости всячески содѣйствовать успокоенію страны. Отсутствіе у вотчинника земельныхъ крѣпостей не препятствовало владѣть вотчиной, если только она записана была за нимъ въ *помѣстномъ приказѣ* или значилась за нимъ по прежнимъ *писцовымъ* книгамъ. Даже земли, полученныя въ Тушинѣ въ качествѣ вотчинъ, оставлялись въ рукахъ ихъ владѣльцевъ, если относительно нихъ не было спора, но только на помѣстномъ правѣ.

Въ тѣсной связи со стараніями возстановить законныя права владѣнія землею стояла борьба съ другимъ результатомъ дезорганизаціи служилаго землевладѣнія—съ *утайкою* помѣстной или вотчинной земли, неправильно захваченной и превышавшей норму, положенную данному лицу его окладомъ. Правила, которыхъ въ этой борьбѣ придерживалось правительство новой династіи, аналогичны тѣмъ, какимъ оно слѣдовало въ вопросѣ о земельныхъ крѣпостяхъ: строгія постановленія закона мягко осуществлялись на практикѣ вслѣдствіе старанія возможно успѣшнѣе содѣйствовать общему умиротворенію. Утайка земли вызываетъ кару; *утаенная* или *выгланная* вотчина отнимается у владѣльца и отдается тому, кто донесъ объ утайкѣ; но правительство охотно идетъ на встрѣчу тѣмъ, кто готовъ покаяться и самъ заявляетъ объ утайкѣ земли или же, подавая челобитную о дачѣ новаго помѣстья, не скроетъ имѣющагося за нимъ стараго разореннаго. Въ такихъ случаяхъ „государь жаловалъ“ и неправильно владѣемая земля узаконялась.

За годы смуты накопилось много людей, которые еще не нашли своего мѣста въ помѣстномъ строѣ. Разнообразнымъ правительствамъ 1607—1613 гг., поглощеннымъ борьбою съ конкурентами, совершенно не было времени заботиться объ устроеніи подраставшихъ поколѣній дѣтей боярскихъ и вполнѣ понятно, что забота объ этомъ выпала на долю новаго царствованія. Снабженіе землею не верстанныхъ новиковъ было дѣломъ не легкимъ и потребовало для своего осуществленія не малаго времени. Въ 1621—1622 гг. былъ произведенъ по всѣмъ, повидимому, городамъ разборъ недорослей и новиковъ, лицъ, служившихъ съ прожиточныхъ помѣстій, жившихъ у родственниковъ, вообще всѣхъ, кто еще не поверстанъ былъ самостоятельными окладами. Прошло еще около 6 лѣтъ и, наконецъ, зимою 1627 года было произведено въ Москвѣ „верстанье новиковъ всѣхъ городовъ“. До насъ дошелъ списокъ 57 уѣздовъ, новики которыхъ были поверстаны въ 1627 году; когда

были поверстаны дворяне и дѣти боярскіе другихъ уѣздовъ, остается неизвѣстнымъ.

Естественнымъ результатомъ запустѣнія служилыхъ земель и сильнаго разстройства помѣстнаго и вотчиннаго землевладѣнія была очень значительная мобилизація землевладѣнія. Это новое послѣдствіе смутнаго времени необходимо также отмѣтить. Можно навѣрное сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московскаго государства за смутное время произошла почти полная перемѣна всего служилаго дворянства; не говоря уже о западныхъ областяхъ, гдѣ мѣстами все населеніе было буквально выметено смутой, и въ окрестностяхъ столицы и къ востоку отъ нея, тамъ гдѣ разореніе сказывалось значительно менѣе, мы встрѣчаемъ одни и тѣ же явленія. Такъ въ Сурожскомъ станѣ Московскаго уѣзда только 6 вотчинниковъ изъ 30 оставались на старыхъ мѣстахъ послѣ смуты; въ сосѣднемъ Горетовѣ десять изъ 115. Такое же измѣненіе состава служилыхъ людей можно видѣть и во Владимірскомъ уѣздѣ и даже въ Нижегородскомъ, не смотря на то, что тамъ именно создался самый могущественный центръ національной энергіи.

§ 21. Вотчины и помѣстья по Уложенію; сближеніе помѣстья съ вотчиной.

Важнѣйшимъ явленіемъ въ исторіи обоихъ видовъ служилаго землевладѣнія въ XVII столѣтіи, въ періодъ отъ смуты до Петра Великаго является ростъ вотчиннаго владѣнія и постепенное воспріятіе помѣстьемъ чертъ, первоначально свойственныхъ только вотчинѣ. Это процессъ совершенно какъ бы противоположный тому, который мы наблюдали въ предыдущемъ столѣтіи, когда росли помѣстныя земли, а вотчины подчинялись повинностямъ, лежавшимъ сначала только на помѣстьяхъ. Прежде, однако, чѣмъ подробно слѣдить за указаннымъ сейчасъ процессомъ, слѣдуетъ заглянуть, какъ смотрѣло законодательство XVII столѣтія на помѣстья и вотчины вообще. Это яснѣе всего видно изъ постановленій Соборнаго Уложенія 1649 г. да, которое отразило въ себѣ и привело въ систему все предыдущее законодательство по занимающему насъ вопросу.

Подъ вотчиной Уложеніе подразумѣваетъ участокъ земли, владѣемый на правѣ собственности. Оно различаетъ три вида вотчинъ: *родовыя, выслуженныя и купленныя*. Термины эти появились значительно ранѣе Уложенія; они, вѣроятно, были установлены обычаемъ, подвергшимся законодательной обработкѣ еще въ XVI столѣтіи. Основаніемъ для различія трехъ видовъ вотчинъ служитъ прежде всего ихъ происхожденіе, что отразилось на терминологіи ихъ. Родовая вотчина это та, которая перешла изъ одного поколѣнія въ другое и получена

владѣльцемъ по наслѣдству отъ родственника; выслуженная—*пожалована* владѣльцу въ награду за его службу, вслѣдствіе чего такія вотчины иногда называли *жалованными*. Купленная—пріобрѣтена посредствомъ купли-продажи и соотвѣтствуетъ современному понятію *благопріобрѣтенной* недвижимости.

Вотчины различались далѣе по праву ихъ наслѣдованія; при этомъ однако они расподались не на три, а на двѣ категоріи: родовыя и выслуженныя съ одной стороны; купленныя съ другой. Родовыя вотчины составляли до извѣстной степени собственность рода, считая по мужской линіи; владѣлецъ могъ ихъ продать или распорядиться ими инымъ путемъ, но передать по наслѣдству могъ только членамъ рода и при томъ въ опредѣленной послѣдовательности. Точно также законодательство смотрѣло и на вотчины выслуженныя. При наличности у владѣльца сыновей, вотчину наслѣдовали только они; дочери считались *вотчичами* и имѣли право наслѣдовать вотчины лишь при отсутствіи братьевъ; даже на „прожитокъ“ вотчинная земля могла быть дана только въ исключительныхъ случаяхъ, если у наслѣдователя вовсе не было помѣстныхъ земель; при этомъ изъ выслуженныхъ вотчинъ прожиточныя земли давались предпочтительно передъ родовыми. Вдовы также не получали въ наслѣдство родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ: при наличности только этихъ двухъ категорій недвижимаго имущества, вдовы получали лишь $^1/_4$ движимости и принесенное ими приданое. При отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго или женскаго пола родовыя и выслуженныя вотчины переходили „въ родъ того умершаго, братьямъ роднымъ и двоюроднымъ и въ родъ, кто кому ближе“. Такой порядокъ наслѣдованія долженъ былъ удержать родовую и выслуженную вотчину въ постоянной службѣ. Только купленную вотчину владѣлецъ могъ завѣщать женѣ, помимо прямыхъ наслѣдниковъ; при наличности дѣтей обоего пола и жены купленная вотчина дѣлилась между всѣми наслѣдниками поровну. Вотчины различались также и по праву родового выкупа. Такому выкупу подлежали только вотчины родовыя и выслуженныя; (порядокъ и сроки выкупа были нормированы еще Царскимъ Судебникомъ и въ Уложеніи остались безъ измѣненій) вотчины купленныя выкупу не подлежали. Смыслъ выкупа примѣнительно къ службѣ съ земли мы уже разсмотрѣли выше.

Помѣстье Уложеніемъ все еще разсматривается, какъ владѣніе условное: Уложеніе допускаетъ „*взятіе помѣстья по государеву указу*“ и видимо смотритъ на это какъ на исконное право государственной власти. Но за владѣльцемъ Уложеніе уже признаетъ нѣкоторыя права, несовмѣстимыя съ условнымъ владѣніемъ въ его чистомъ видѣ. Помѣстья наслѣдуются и переходятъ отъ владѣльца къ его дѣтямъ, причемъ жена и дочери получаютъ опредѣленныя прожиточные участки, а

главная часть переходитъ сыновьямъ. При отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ помѣстья считаются *вымороч*ными и право получить ихъ принадлежитъ „роду“, т. е. боковымъ родственникамъ умершаго помѣщика. При полномъ отсутствіи родни, выступаетъ та служилая корпорація, къ которой принадлежитъ умершій: дворяне одного съ нимъ города и уѣзда имѣютъ преимущественное право получить помѣстье передъ иногородцами.

Другимъ признакомъ возраставшаго права распоряженія помѣстьемъ было значительно расширенное Уложеніемъ, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, право *мѣны* помѣстныхъ земель. Мѣна разрѣшалась не только помѣстными участками: дозволено было также мѣнять помѣстья на вотчины и даже мѣняться землями съ церквами и монастырями, т. е. переводить земли изъ одного вида въ другіе, совсѣмъ иные по своей юридической природѣ; наконецъ, дозволялось промѣнивать неодинаковые по размѣрамъ участки; условіе, чтобы *„сверхъ мѣны переходили немногія четверти“* было очень неопредѣленнымъ и открывало путь къ обмѣнамъ, которые могли оказаться невыгодными для государства, какъ для собственника помѣстной земли.

За то въ другихъ случаяхъ Уложеніе продолжаетъ смотрѣть на помѣстье какъ на землю чисто государственную и старается положить предѣлъ слишкомъ свободному распоряженію имъ. Такъ оно строго старается регламентировать *сдачу* помѣстій престарѣлыми бездѣтными служилыми людьми ихъ боковымъ родственникамъ и возможнымъ наслѣдникамъ и вовсе запрещаетъ такъ называемую сдачу въ *пожить;* такъ называлась сдача вдовами служилыхъ людей своихъ прожиточныхъ помѣстій совершенно постороннимъ людямъ съ обязательствомъ содержать ихъ до смерти, что влекло за собою всякаго рода злоупотребленія. Наконецъ Уложеніе категорически запрещаетъ закладъ и продажу помѣстной земли; расматривая такія явленія какъ противозаконныя, оно грозитъ ослушникамъ „кнутомъ безъ пощады“.

Въ Соборномъ Уложеніи уже видны признаки измѣненій въ воззрѣніи на юридическую природу помѣстья; во второй половинѣ столѣтія право распоряженія помѣстьемъ постепенно увеличивается и помѣстье юридически продолжаетъ приближаться къ вотчинѣ. Постепенно падаютъ препятствія, которыя Уложеніе еще ставило для мѣны помѣстій; въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка мѣна уже не стѣсняется ничѣмъ. То же самое происходитъ съ правомъ сдачи и съ отдачей помѣстья въ приданое. Въ 1674 г. была въ особыхъ случаяхъ разрѣшена сдача помѣстій не только уволенными на прожитокъ, но и лицами, находящимися на службѣ; въ 1676 году исключеніе сдѣлалось правиломъ. Увѣренность въ томъ, что помѣстье не перейдетъ никому помимо ближайшихъ наслѣдниковъ владѣльца, измѣнило самый взглядъ

на помѣстное владѣніе. Служилые люди второй половины XVII вѣка перестали ясно сознавать различіе между своей собственностью—вотчинной землей и владѣемой ими государственной землей—помѣстьемъ. Отъ разрѣшенной закономъ сдачи помѣстья другому служилому человѣку было недалеко отъ продажи, хотя бы маскированной. Отъ безденежной передачи земли или ея замаскированной продажи легко было дойти до дачи или продажи земли въ неслужилыя руки. Распространеніе права распоряженія помѣстьемъ могло, не смотря на категорическое постановленіе Уложенія, довести и до возможности ея заклада. Въ законодательствѣ конца XVII вѣка такія коренныя измѣненія во взглядахъ на помѣстье еще не успѣли отразиться; но слѣды ихъ видны въ жизненной практикѣ этого времени: такъ неоднократно встрѣчаются факты отдачи въ монастыри помѣстныхъ участковъ. Можно, кажется, указать и на примѣръ продажи помѣстья: въ 1675 г. половина села Бѣседъ, Шеренскаго стана, Московскаго уѣзда, до тѣхъ поръ помѣстье князя Трубецкого, было продано стольнику Нарбекову.

Въ то самое время, когда помѣстное владѣніе юридически сближалось съ вотчиннымъ, площадь вотчиннаго землевладѣнія увеличивалась сама по себѣ. Пожалованіе помѣстья въ вотчину составляло и ранѣе обычный видъ служебной награды. Но въ XVII столѣтіи были случаи, когда пожалованіе земель въ вотчину совершалось одновременно и притомъ въ огромныхъ размѣрахъ. Прежде всего самое возстановленіе государственнаго порядка въ 1612—13 гг. ознаменовалось большой раздачей земель въ вотчину тѣмъ лицамъ, которыя участвовали въ освобожденіи столицы и избраніи новаго царя. Еще ранѣе была произведена большая раздача вотчинныхъ участковъ служилымъ людямъ, защищавшимъ столицу во время осады ея Тушинскимъ воромъ,—раздача „за царя Васильево Московское осадное сидѣнье“ какъ ее называли. Въ 1619—20 гг. произошла новая большая раздача „за Московское осадное сидѣнье въ королевичевъ приходъ“, т. е. за отраженіе приступовъ королевича Владислава, приходившаго добывать Московскій престолъ. Произведенныя въ 10-хъ годахъ вотчинныя раздачи быстро увеличивали площадь вотчинной земли въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, а иногда даже создавали вотчинное землевладѣніе вновь. Такъ въ уѣздахъ, Московскомъ, Коломенскомъ, Звенигородскомъ, число выслуженныхъ вотчинъ въ 20-хъ годахъ уже превышало число вотчинъ старинныхъ; то же мы видимъ, напримѣръ, въ Углицкомъ уѣздѣ, гдѣ въ 20-хъ годахъ оказалось 55 старинныхъ вотчинъ и 59 пожалованныхъ за службу въ смуту и послѣ нея. Въ уѣздѣ Новоторжскомъ вотчиннаго землевладѣнія вовсе не существовало до смутнаго времени, а книги 20-хъ годовъ отмѣтили уже большое число вотчинныхъ участковъ; ту же картину представляютъ южныя окраины Московскаго государства. И позд-

нѣе практиковались значительныя единовременныя раздачи вотчинъ за службу; такъ поступали, напримѣръ, при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ; въ 70-хъ годахъ оссбенно часто упоминаются пожалованія „за Чигиринскія службы".

Кромѣ раздачи за службу вотчинное землевладѣніе увеличивалось посредствомъ покупки земель въ вотчину. Продажа помѣстныхъ участковъ въ вотчину ихъ владѣльцамъ составляла весьма нерѣдкое явленіе въ первое время царствованія Михаила, причемъ обычною цѣною была полтина за *четь*, т. е. за полдесятины. Ограниченная въ 1629 году, продажа помѣстій въ вотчину была снова разрѣшена въ 70-хъ годахъ по 1 рублю за четь. Въ 1628 году былъ изданъ указъ, разрѣшавшій продавать въ вотчину желающимъ *порозжіе*, т. е. пустые, никѣмъ не занятые, помѣстные участки; онъ сохранялъ силу до конца столѣтія. Результаты роста вотчинныхъ земель были очень замѣтны къ концу XVII столѣтія; въ 20-хъ годахъ помѣстное владѣніе вездѣ безъ исключенія превышало своей площадью землевладѣніе вотчинное; въ 70—80-хъ гг. положеніе было обратное; во многихъ мѣстностяхъ вотчинное землевладѣніе занимало первое мѣсто: въ столичномъ Московскомъ уѣздѣ число помѣстныхъ участковъ въ 1678 г. составляло едва $^1/_6$ часть числа вотчинныхъ участковъ, а въ отдѣльныхъ станахъ уже исчезло совсѣмъ; сильный ростъ вотчинныхъ земель сравнительно съ началомъ вѣка замѣтенъ повсюду; даже тамъ, гдѣ количественно помѣстное землевладѣніе было еще достаточно сильно, площадь землевладѣнія вотчиннаго успѣла очень значительно возрасти со времени царя Михаила Ѳеодоровича.

Процессъ сліянія помѣстій съ вотчинами посредствомъ сближенія ихъ юридической природы и посредствомъ поглощенія помѣстнаго землевладѣнія вотчиннымъ шелъ въ теченіе всего XVII столѣтія и успѣлъ уже подвинуться далеко, когда вышелъ указъ 23 марта 1714 года о единонаслѣдіи (см. ниже § 35). Проводимое этимъ указомъ соединеніе обоихъ видовъ служилаго землевладѣнія на правѣ полной собственности дворянъ владѣльцевъ было только санкціей порядка вещей, давно уже исподволь устанавливавшагося въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, областяхъ государства.

§ 22. Общій ростъ частнаго землевладѣнія; его распредѣленіе по государственной территоріи; его государственное и общественное значеніе.

Развитіе служилаго землевладѣнія, прослѣженное нами втеченіе двухъ столѣтій, и сказавшаяся уже къ концу XVII столѣтія побѣда вотчиннаго землевладѣнія надъ условнымъ помѣстнымъ, создали въ Россіи

огромную по протяженію площадь частнаго дворянскаго землевладѣнія, а скопленіе большого числа земель въ рукахъ служилаго, дворянскаго сословія вызвало послѣдствія, имѣвшія очень серіозное значеніе для общественной и государственной жизни Россіи. Такъ какъ территорія Московскаго государства на рубежѣ XV и XVI столѣтій почти ограничивалась теченіемъ Оки и верхней Волги и Новгородской областью, то естественно, что именно въ этихъ мѣстностяхъ начало развиваться дворянское землевладѣніе въ обоихъ его видахъ, которые мы теперь будемъ разсматривать какъ единое цѣлое. Раньше всего, повидимому, служилые люди были испомѣщены по границамъ, вдоль Оки, въ Смоленской и Сѣверской земляхъ, вокругъ Пскова, Великихъ Лукъ и въ Новгородскихъ пятинахъ и, вѣроятно, также по Волгѣ отъ Ярославля до Нижняго, по низовьямъ Оки и вокругъ городовъ Владиміра и Суздаля. Къ половинѣ XVI столѣтія относится планомѣрная организація служилаго землевладѣнія подъ Москвой: я разумѣю уже извѣстную раздачу 176000 десятинъ тысячѣ московскихъ чиновъ въ 1550 году. Для испомѣщенія дворянъ и дѣтей боярскихъ отводились отчасти дворцовыя, а главнымъ образомъ государственныя тяглыя черныя земли, запасъ которыхъ былъ еще очень великъ въ центральныхъ областяхъ страны; въ раздачу шли какъ пустыя „порозжія“ земли, куда помѣщикамъ предоставлялось призывать колонистовъ, такъ и цѣлыя населенныя села и волости, жители которыхъ вслѣдствіе этого становились въ обязательныя отношенія къ новымъ владѣльцамъ земель. Когда ясно обозначилось поступательное движеніе русскаго народа и государства на югъ, то кромѣ черныхъ и дворцовыхъ земель пошло въ раздачу такъ называемое „дикое поле“, т. е. нетронутая черноземная степь, постепенно заселяемая русскими переселенцами; колонизація дикаго поля сдѣлала замѣтные успѣхи къ концу XVI столѣтія, дошедшія до насъ отъ 90-хъ годовъ описанія нѣкоторыхъ южныхъ уѣздовъ напр. Каширскаго, Тульскаго, Орловскаго, уже свидѣтельствуютъ о большомъ числѣ живших тамъ помѣщиковъ; то же самое произошло и въ Поволжьѣ, открытомъ для русской колонизаціи взятіемъ Казани и Астрахани; Казань и нѣкоторыя другія русскія крѣпости, вродѣ Свіяжска или Симбирска, сдѣлались въ этомъ краѣ первоначальными центрами, вокругъ которыхъ группировалось служилые люди и неотдѣлимое отъ нихъ частное землевладѣніе. Уже говоря выше о вотчинномъ землевладѣніи, мы указывали, что его площадь была сильно увеличена раздачами, сдѣланными послѣ смуты; запустѣніе, особенно рѣзко выразившееся въ западныхъ областяхъ страны, заставило думать и о новыхъ мѣстахъ для помѣстной раздачи. Для этой цѣли были, во первыхъ, розданы нѣкоторыя сравнительно менѣе опустошенныя дворцовыя волости, расположенныя въ центрѣ, а съ другой стороны мало затронутыя смутой

черныя земли уѣздовъ Сольгалицкаго, Чухломскаго, Унженскаго, Галицкаго, черныя волости и станы по рѣкамъ Унжѣ и Ветлугѣ, черныя земли вокругъ Вологды, по р. Шекснѣ и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ размѣрѣ, вѣроятно, не менѣе нѣсколькихъ сотенъ тысячъ десятинъ. Раздача земель послѣ смутнаго времени далеко продвинула частное землевладѣніе къ сѣверу и сѣверо-востоку, распространивъ его по всей территоріи современной Костромской губерніи, въ южной части нынѣшней Вологодской и восточной части Новгородской губерній. На этомъ, однако, окончилось распространеніе частнаго дворянскаго землевладѣнія на сѣверѣ. Нынѣшнія губерніи Олонецкая, Архангельская, Вятская, большая часть Вологодской и, до Петра, нынѣшняя Пермская губернія остались по преимуществу черными и не пошли въ раздачу дворянамъ; въ связи съ этимъ обстоятельствомъ въ поименованныхъ сейчасъ мѣстностяхъ не распространилось крѣпостное право и черное крестьянское населеніе осталось свободнымъ.

Причиною прекращенія раздачи земель дворянамъ на сѣверѣ было то обстоятельство, что Московское государство, справившись съ послѣдствіями смуты, снова начало свое поступательное движеніе къ югу; на югѣ, въ мѣстностяхъ, постепенно входившихъ въ составъ государства, въ колонизуемыхъ вновь уѣздахъ вокругъ новыхъ городовъ безъ устали происходила раздача земли въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ. Этого требовали и военныя соображенія; къ этому приводили и экономическія преимущества черноземнаго юга, куда охотно переселялся каждый. Значительнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ раздачи земель въ частное владѣніе являлись огромныя пространства порожжихъ земель, образовавшіяся въ смуту въ центральныхъ и западныхъ уѣздахъ государства: съ 20-хъ и 30-хъ годовъ начинается безпрерывная раздача такихъ земель, такъ что къ концу столѣтія весь или почти весь запасъ порожжихъ государственныхъ земель перешелъ въ составъ помѣстій и вотчинъ служилыхъ людей. Изложеннымъ сейчасъ объясняется, какимъ образомъ современныя центральныя промышленныя, черноземныя и отчасти поволжскія губерніи сдѣлались областями съ преобладающимъ до послѣдняго времени частнымъ дворянскимъ землевладѣніемъ.

Процессъ постепенной раздачи земель служилому сословію къ концу XVII столѣтія привелъ къ накопленію въ рукахъ дворянства огромнаго земельнаго богатства, точные размѣры котораго, однако, за скудностью и несовершенствомъ нашихъ источниковъ, не могутъ быть установлены. Этотъ фактъ имѣетъ капитальное значеніе какъ въ исторіи русскаго землевладѣнія, такъ и въ исторіи русскаго государства и общества. Земля была самымъ главнымъ видомъ капитала въ Московскомъ государствѣ и накопленіе земли въ рукахъ одного сословія должно было придать ему особый вѣсъ и силу въ государствѣ, сдѣлать его полити-

чески первенствующимъ сословіемъ. Дворянство дѣйствительно получило политическое вліяніе и первенство въ XVIII столѣтіи; предыдущее же столѣтіе было временемъ, когда дворянство закладывало матеріальное основаніе своего грядущаго политическаго значенія: въ XVII столѣтіи оно сдѣлалось богатымъ.

Однако, и въ XVII столѣтіи были явленія, задерживавшія ростъ дворянскаго землевладѣнія: однимъ изъ такихъ явленій была неустойчивость вотчиннаго землевладѣнія, выражавшаяся въ очень сильной его мобилизаціи; отъ которой этотъ видъ служилаго землевладѣнія страдалъ и до смутнаго времени. Въ теченіе XVII столѣтія изчезли послѣдніе остатки родовыхъ княжескихъ вотчинъ. Мѣсто старинной княжеской аристократіи заступаютъ въ XVII столѣтіи новыя фамиліи, частью изъ младшихъ линій Рюриковичей, частью потомки старинныхъ Московскихъ нетитулованныхъ бояръ, наконецъ семьи, случайно возвышавшіяся благодаря родству съ царскимъ домомъ или личному приближенію къ царствующему государю. Однако, въ общемъ, судьбы крупнаго землевладѣнія въ XVII столѣтіи мало чѣмъ отличались отъ предыдущей эпохи; то, что начало разрушаться до смуты, продолжало таять и послѣ нея, а новыя земельныя состоянія отличались, за очень немногочисленными исключеніями, такой же малой устойчивостью. Очень сильной была также мобилизація средняго и мелкаго служилаго землевладѣнія. Такъ изъ 248 имѣній Московскаго уѣзда, судьбу которыхъ возможно прослѣдить въ теченіе всего столѣтія, только 92 или 37% оставались непрерывно въ томъ же родѣ (по мужской или женской линіи безразлично); 156 (63%), перешли къ чужеродцамъ, а иногда успѣвали переходить и по нѣскольку разъ. Приблизительно такую же картину видимъ мы и въ другихъ мѣстностяхъ страны. Остается неизмѣнною и основная причина, вызывавшая подобную мобилизацію: отсутствіе денежнаго капитала давало себя чувствовать столь же остро, какъ и до смуты и вызывало такую же задолженность, выходомъ изъ которой чаще всего была продажа земли.

§ 23. Закрѣпленіе владѣнія землею.

Московская приказная практика очень подробно и тонко разработала вопросъ о порядкѣ закрѣпленія земельныхъ участковъ за ихъ владѣльцами. Выше, при изложеніи общихъ основаній помѣстной службы уже указывалось, что служилому человѣку, которому нужно было получить новый участокъ государственной земли для помѣстья, приходилось заботиться объ этомъ самому и прежде всего найти въ уѣздѣ того города, къ которому онъ былъ приписанъ, участокъ земли изъ свободнаго помѣстнаго фонда, никѣмъ не занятый и подходящій по размѣ-

рамъ къ его окладу, но отнюдь его не превышавшій. Мѣстная власть въ лицѣ воеводы, получивъ извѣщеніе, что участокъ найденъ, и челобитную о его закрѣпленіи за нашедшимъ, обязана была „*сыскать*“, т. е. удостовѣриться, что данный участокъ дѣйствительно свободенъ. Отъ воеводы дѣло восходило въ Москву въ *помѣстный приказъ*, гдѣ такая выдача помѣстнаго участка записывалась въ *записныя книги;* затѣмъ приказъ дѣлалъ постановленіе объ *отдѣлѣ* помѣстья,—или, какъ говорили, „*справлялъ*“ помѣстье за челобитчикомъ; постановленіе это, изложенное въ *помѣстной* или *отдѣльной* грамотѣ отсылалось обратно къ воеводѣ, который выдавалъ челобитчику *ввозную* грамоту; послѣдняя открывала доступъ къ фактическому владѣнію помѣстьемъ. Если считали нужнымъ, то въ Москвѣ, въ *разрядномъ* на этотъ разъ приказѣ, дѣлали справки о служебномъ положеніи лица, искавшаго помѣстья.

Если помѣстье переходило отъ отца или родственника, то на право владѣнія выдавалась „*отказная*“ грамота; грамота ввозная была необходима и въ этомъ случаѣ. Если помѣщикъ почему-либо терялъ помянутые выше документы, то подтвердить свои права онъ могъ, представивъ „*выпись*“ изъ *писцовыхъ книгъ*. Такъ назывались періодически составлявшіяся въ Московскомъ государствѣ экономическія описанія его городовъ и земель, содержавшія свѣдѣнія о числѣ дворовъ въ городахъ, о занятіяхъ и промыслахъ городскихъ жителей, о количествѣ дворовъ и населенія въ деревняхъ, о пахотныхъ угодіяхъ, сѣнокосахъ и т. д. При составленіи этихъ книгъ подвергались также провѣркѣ и права владѣнія каждаго помѣщика и вотчинника. Выпись представляла описаніе помѣстья съ указаніемъ, что оно принадлежитъ данному лицу; въ крайнемъ случаѣ достаточна была простая ссылка на писцовую книгу. Если производилось единовременное испомѣщеніе нѣсколькихъ лицъ, напримѣръ при раздачѣ въ помѣстье цѣлыхъ волостей, то дѣло могло быть поручено или мѣстному воеводѣ, или писцу, производившему описаніе данной мѣстности, или лицу, особо присланному для этой цѣли, и снабженному особой *памятью* т. е. инструкціей. Раздававшій помѣстные участки выдавалъ и документы на право владѣнія землею.

Для подтвержденія правъ на вотчинную землю требовались различные документы въ зависимости отъ того, каково было происхожденіе данной вотчины. Для владѣнія вотчиной выслуженной была необходима *жалованная грамота*, для которой въ XVII столѣтіи былъ выработанъ опредѣленный, неизмѣнно повторявшійся текстъ. Владѣніе купленной вотчиной основывалось на *купчихъ*, *поступныхъ и закладныхъ* (если закладная содержала условіе, что въ случаѣ неуплаты въ срокъ она пріобрѣтаетъ силу купчей). Документами на право владѣнія родовой вотчиной служили во первыхъ документы, обусловливавшіе пріобрѣтеніе ея первымъ владѣвшимъ ею членомъ рода, во вторыхъ *духовныя*

грамоты. Всякій переходъ вотчинъ по наслѣдству или посредствомъ купли или инымъ путемъ долженъ былъ, такъ же какъ это мы отмѣтили для помѣстій, быть зарегистрированнымъ въ записныхъ книгахъ помѣстнаго приказа, и подтверждался грамотами отказной и ввозной. Писцовыя книги и выписи изъ нихъ имѣли такое же значеніе для вотчинъ, какъ и для помѣстій.

§ 24. Управленіе служилымъ сословіемъ и помѣстной системой.

Уже изъ предшествующаго изложенія видно, что ближайшее отношеніе къ служилымъ людямъ и ихъ землевладѣнію имѣли два московскихъ приказа: *разрядный и помѣстный*. Оба принадлежали къ важнѣйшимъ и самымъ древнимъ изъ подобныхъ учрежденій. Первоначально все управленіе Московскимъ княжествомъ совпадало съ управленіемъ дворцовымъ; это вытекало изъ господствовавшихъ въ то время воззрѣній на княжество какъ на вотчину. Управленіе дворомъ Московскаго великаго князя было первымъ по времени военно-административнымъ вѣдомствомъ, которому подчинены были и военные слуги князя, и которое раздавало княжескія земли въ условное владѣніе. По мѣрѣ того какъ осложнялись функціи Московскаго государства и увеличивались его вооруженныя силы, все управленіе военно-служилой силой должно было выдѣлиться изъ дворцоваго управленія и обособиться въ самостоятельное вѣдомство. Такъ долженъ былъ возникнуть разрядный приказъ или, какъ его называли въ раннее время *разрядная изба;* этотъ приказъ былъ, можетъ быть, первымъ самостоятельнымъ приказомъ, вѣдавшимъ важнѣйшія внутреннія дѣла; вѣроятно поэтому онъ служилъ также какъ бы государственной канцеляріей, которая вела все письменное дѣлопроизводство боярской думы. Возникновеніе разряднаго приказа относится, вѣроятно, ко времени княженія Ивана III. Сначала въ разрядѣ были сосредоточены всѣ дѣла, касавшіяся служилаго люда: учетъ личнаго состава столичныхъ и городовыхъ служилыхъ людей, назначеніе на должности, разборъ мѣстническихъ дѣлъ между высшими представителями служилаго класса, военно-стратегическія мѣры по оборонѣ границъ, расписаніе походныхъ движеній, опредѣленіе служебной годности, процедура верстанія окладомъ и, наконецъ, снабженіе служилыхъ людей необходимыми для обезпеченія службы участками помѣстной земли. Значительное разростаніе служилаго класса, особое значеніе, которое пріобрѣталъ въ XVI столѣтіи непрерывный ростъ помѣстнаго фонда, и постепенное осложненіе процедуры испомѣщенія заставили выдѣлить управленіе служилыми землями въ вѣдѣніе особаго учрежденія, *помѣстной избы* или *помѣстнаго приказа,* который впервые упоминается въ 1576 году, но упоминается

какъ учрежденіе уже давно существующее. Верстаніе помѣстнымъ окладомъ осталось въ вѣдѣніи разряднаго приказа; самое испомѣщеніе, т. е. полученіе помѣстной дачи, сдѣлалось предметомъ вѣдѣнія помѣстнаго приказа. Въ разрядѣ вырабатывались нормы служилаго землевладѣнія; помѣстный же приказъ былъ главнымъ образомъ исполнительной инстанціей, которая примѣняла на практикѣ нормы, выработанныя въ разрядѣ; этимъ опредѣлилось взаимное отношеніе обоихъ приказовъ: разрядъ считался старше и былъ до самой Петровской реформы главнымъ управленіемъ всѣмъ служилымъ сословіемъ, тогда какъ помѣстный приказъ былъ учрежденіемъ до нѣкоторой степени зависимымъ отъ разряда.

Такъ какъ земли вотчинныя были также землями служилыми, то и они входили въ вѣдѣніе помѣстнаго приказа. Это обстоятельство опредѣлило еще одну очень важную отрасль дѣятельности помѣстнаго приказа: для полнаго учета служилыхъ земель въ помѣстномъ приказѣ необходимо было регистрировать, записывать въ особыя *записныя вотчинныя книги* всякую куплю-продажу вотчинной земли, всякій вообще переходъ ея изъ однихъ рукъ въ другія: такъ помѣстный приказъ сдѣлался единственной на все Московское государство *нотаріальной конторой по земельнымъ дѣламъ*. Послѣ изданія Петромъ Великимъ указа о единонаслѣдіи въ 1714 году, (см. § 35) слившаго помѣстья съ вотчинами, помѣстный приказъ былъ переименованъ въ *вотчинную коллегію*; потерявъ свое прежнее значеніе учрежденія, вѣдавшаго раздачу и учетъ помѣстныхъ земель, помѣстный приказъ подъ своимъ новымъ названіемъ продолжалъ оставаться земельной нотаріальной конторой до введенія областной реформы Екатерины II, когда всякія сдѣлки на землю стали совершаться во вновь учрежденныхъ губернскихъ палатахъ гражданскихъ дѣлъ. Чрезвычайное разнообразіе дѣлъ, лежавшихъ на разрядѣ, было причиною, что и это учрежденіе пережило Петровскую реформу, хотя и съ очень суженнымъ кругомъ дѣятельности, и такъ же какъ помѣстный приказъ подъ другимъ названіемъ. Дворянская служба не потеряла своей обязательности при Петрѣ Великомъ: всѣ дѣла, касавшіяся обязательной службы дворянъ, были переданы учрежденной вмѣстѣ съ сенатомъ *герольдмейстерской конторѣ*, которую и приходится разсматривать какъ частичную преемницу разряднаго приказа, просуществовавшую до царствованія Екатерины II.

§ 25. Образованіе крѣпостного права.

Важнѣйшимъ, быть можетъ, для народной жизни послѣдствіемъ образованія служилаго сословія и служилаго землевладѣнія было обра-

щеніе значительной части крестьянства изъ свободныхъ людей, сидѣвшихъ на государственной землѣ въ подневольныхъ слугъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не имѣвшихъ права покинуть своего хозяина. Сложный процессъ, которымъ образовалось наше крѣпостное право, корнями своими уходитъ въ удѣльные вѣка; мы видѣли, что въ землѣ Новгородской уже были нѣкоторыя признаки закрѣпощенія еще до покоренія Новгорода Иваномъ III; (§ 10) указанія на крестьянскую задолженность мы находимъ и въ бытѣ тяглыхъ людей удѣльной княжеской Руси (§ 13—14). Но закрѣпощеніе крестьянъ, какъ явленіе общегосударственное, начало развиваться съ половины XVI столѣтія, когда образовались служилое сословіе и землевладѣніе: соборное уложеніе знаменуетъ собою завершеніе этого процесса. Что образованіе крѣпостного права стоитъ въ непосредственной связи съ образованіемъ служилаго сословія и помѣстной системы, можно видѣть изъ аналогіи Литовской Руси, гдѣ то же явленіе наблюдается въ XIV столѣтіи, въ эпоху разцвѣта Литовско-Русскаго государства (§ 6).

Раннія стадіи развитія крѣпостного права можно себѣ представить въ слѣдующемъ видѣ. Съ переходомъ земли, обрабатываемой крестьяниномъ, въ вотчину или помѣстье дворянина или съ водвореніемъ крестьянина переселенца на землѣ дворянина, крестьянинъ не терялъ своей свободы и связаннаго съ ней права перехода; но переходъ обусловливался, какъ мы знаемъ (§ 14) предусмотрѣннымъ закономъ отказомъ крестьянина и его разсчетомъ съ землевладѣльцемъ; при задолженности выполненіе этихъ условій должно было становиться все затруднительнѣе, а вся исторія крестьянъ въ XVI столѣтіи слагалась такъ, что задолженность ихъ увеличивалась. Чрезмѣрный ростъ государственнаго тягла заставлялъ часть населенія искать лучшихъ условій жизни, посредствомъ переселенія на югъ; тяглое населеніе старыхъ государственныхъ областей вслѣдствіе этого попадало въ еще болѣе тяжелыя условія, тѣмъ болѣе, что росту государственныхъ повинностей соотвѣтствовало и увеличеніе повинностей по отношенію къ дворянамъ землевладѣльцамъ. Вводя *пожилое*, *поворотное* и другія пошлины, взимаемыя при переходѣ крестьянина отъ одного владѣльца къ другому, и настаивая на ихъ взиманіи, правительство само стѣсняло переходъ и косвенно способствовало увеличенію задолженности. Между тѣмъ, поступая такъ, правительство дѣйствовало, можетъ быть, сознательно: въ большинствѣ случаевъ переходъ крестьянъ былъ невыгоденъ для правительства, такъ какъ крестьяне охотнѣе переходили отъ мелкихъ землевладѣльцевъ къ крупнымъ, отъ бѣдныхъ къ богатымъ, за которыми имъ было легче жить, потому что въ трудныя минуты состоятельный землевладѣлецъ скорѣе могъ подать помощь крестьянину; между тѣмъ отливъ крестьянъ съ земель мелкаго дворянства подры-

валъ служебную годность послѣдняго. Въ силу обычая лишались права перехода такіе крестьяне, которые сидѣли на землѣ даннаго владѣльца въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и были записаны за ними по писцовымъ книгамъ; они *застарѣвали* за своими хозяевами, какъ говорили тогда; такіе „*старинные люди*“, подобно „непохожимъ“ людямъ Литовской Руси должны были неизмѣнно оставаться на своихъ мѣстахъ. Для всѣхъ застарѣвшихъ и задолжавшихъ былъ только одинъ способъ улучшить условія своего существованія: самовольный уходъ, вѣрнѣе побѣгъ, влекшій за собою право хозяина сыскать и водворить бѣглаго на прежнее мѣсто.

Московское законодательство прежде всего обратило вниманіе на вопросъ о крестьянскомъ переходѣ; относясь къ нему не слишкомъ благосклонно, оно старалось по возможности сократить его и во всякомъ случаѣ урегулировать: эту послѣднюю цѣль имѣютъ въ виду постановленія судебниковъ, пріурочивающія переходъ къ періоду, обнимающему недѣлю до и послѣ осенняго Юрьева дня (26 ноября). Позднѣе, съ конца XVI столѣтія, по мѣрѣ учащенія крестьянскихъ побѣговъ, началась законодательная борьба съ ними, закончившаяся полвѣка спустя полнымъ закрѣпощеніемъ крестьянъ. Вторая половина XVI столѣтія очень бѣдна правительственными распоряженіями касательно крестьянъ. Съ царскаго судебника до 90-хъ годовъ намъ доселѣ неизвѣстно никакихъ общихъ указовъ о крестьянахъ. Только 24 ноября 1597 года былъ изданъ указъ, значеніе котораго, не смотря на критику, которой онъ подвергался въ спеціальной литературѣ, остается очень важнымъ. Содержаніе указа не сложно. „Которые крестьяне,—гласитъ этотъ указъ,—изъ за бояръ и изъ за приказныхъ людей и изъ за дѣтей боярскихъ и изъ за всякихъ людей выбѣжали до нынѣшняго 106 (1597 года) за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ давати судъ и сыскивать накрѣпко всякими сыски и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6 и за 7, и за 10, и больше, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ-за кого они выбѣжали, до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6, за 7 и за 10 государю-царю не бивали челомъ: на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не возити“. Такимъ образомъ въ указѣ этомъ только устанавливается 5-лѣтній срокъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ; на первый взглядъ это немного: указъ не устанавливаетъ, какъ многіе думали раньше, крѣпостного права: но при ближайшемъ разсмотрѣніи значеніе его растетъ, потому что это первый указъ, который регламентируетъ уже существующее и развивающееся изъ зародыша крѣпостное право. Задолженность крестьянина - земледѣльца тому, на

чьей землѣ онъ сидѣлъ, уже успѣла обратиться въ хроническій недугъ. Правительственное стѣсненіе крестьянскаго перехода, проведенное еще судебниками, сдѣлалось въ значительной мѣрѣ анахронизмомъ, потому что переходы, какъ нормальное явленіе крестьянской жизни, уже исчезали. Ихъ мѣсто на практикѣ заступалъ самовольный выходъ крестьянина безъ расчета съ землевладѣльцемъ,—выходъ, который постепенно получалъ по существу дѣла вполнѣ подходящее названіе побѣга: уходъ съ нарушеніемъ долговыхъ обязательствъ—побѣгъ; крестьянинъ, ушедшій не уплативъ долга,—бѣглый; вотъ къ чему приходило сознаніе людей конца XVI в. Указъ 1597 г.—ясное свидѣтельство того, что взглядъ этотъ нашелъ себѣ отголосокъ и въ законодательствѣ. Такъ, къ исходу столѣтія тихо и незамѣтно суживается крестьянская свобода, и неисправный должникъ превращается въ бѣглаго, подлежащаго возвращенію на старое мѣсто совершенно независимо отъ вопроса о погашеніи долга. Указы о крестьянахъ, изданные въ 1601 и 1602 гг. и существенно ограничивавшіе право отказа крестьянина отъ своего участка и право вывоза крестьянина однимъ землевладѣльцемъ отъ другого, еще яснѣе показываютъ, въ какую сторону направлялось теченіе крестьянской жизни: допуская вывозъ крестьянъ только между мелкими землевладѣльцами, правительство регламентировало правовую жизнь крестьянства въ интересахъ среднихъ и мелкихъ военно-служилыхъ людей. Надорванный экономически, опутанный долгами, крестьянинъ мало-по-малу опутывался и государственнымъ законодательствомъ.

Событія смутнаго времени не остались безъ отзвука въ законодательствѣ о крестьянахъ и холопахъ. Почти тотчасъ же вслѣдъ за подавленіемъ возстанія Болотникова, 7 марта 1607 г., былъ изданъ законъ, которымъ запрещалось отдавать въ неволю тѣхъ добровольныхъ холоповъ, которые сами не захотятъ выдать на себя служилую кабалу. Тенденція указа ясна: онъ былъ направленъ противъ обычая держать холоповъ изъ вольныхъ людей безъ ихъ формальнаго укрѣпленія, иначе сказать, цѣль его была борьба съ людьми, не принадлежавшими къ опредѣленнымъ соціальнымъ группамъ. Два дня спустя, 9 марта, въ торжественномъ засѣданіи освященнаго собора съ думою были утверждены новые, еще болѣе важные законы касательно крестьянъ и холоповъ. Законы эти твердо устанавливали начало крестьянской крѣпости; крестьяне крѣпки тому, за кѣмъ они записаны въ писцовой книгѣ; крестьянскій „выходъ“ впредь вовсе запрещается, а для сыску бѣглыхъ устанавливается 15-лѣтній срокъ; законъ окончательно превращалъ крестьянскіе и холопьи побѣги изъ гражданскихъ правонарушеній въ вопросъ государственнаго порядка. Такъ ознаменовалъ царь Василій свою побѣду надъ Болотниковымъ. Дѣйствія правительства въ этотъ моментъ показываютъ, что верхи общества отлично понимали

серьезность положенія и вовсе не были намѣрены щадить врага, котораго считали побѣжденнымъ. Усилившаяся смута не дала возможности уложенію царя Василія войти въ силу, но и позднѣе, не смотря на развитіе смуты, господствующіе слои общества, если они по условіямъ момента считали себя хозяевами положенія, старались унизить своихъ противниковъ. Узко консервативнымъ духомъ, желаніемъ нерушимо сохранить свое привиллегированное положеніе, вѣетъ отъ договорной записи московскихъ бояръ съ гетманомъ Жолкевскимъ. Такимъ же духомъ проникнутъ и знаменитый приговоръ Ляпуновскаго ополченія 30 іюня 1611 года, тщательно выдвигающій мысль о томъ, что дворяне являются единственными законными владѣльцами земли, предписывающій „съ приставства изъ городовъ и изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей атамановъ и казаковъ свесть. А которые дворяне и дѣти боярскіе въ нынѣшнее смутное время и въ разоренье вывезли у своей же братіи, у дворянъ и у дѣтей боярскихъ, крестьянъ и людей, которые отъ нихъ выбѣжавъ, живутъ по городамъ и посадамъ, и про то по ихъ челобитью сыскивать, а по сыску крестьянъ и людей отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ".

Частная задолженность крестьянъ, имѣвшая своимъ начальнымъ источникомъ ссуду, полученную при поселеніи на новомъ мѣстѣ, подрывала крестьянскую свободу, создавала экономическую, а позднѣе и юридическую близость между положеніемъ задолжавшаго крестьянина и кабальнымъ холопомъ, источникомъ неволи котораго былъ также долгъ. Крестьяне отрабатывали ростъ за полученную ссуду издѣліемъ, т. е. барщиной, или оброкомъ. Барщина и оброкъ и были личной работой на господина, какъ служба кабальнаго холопа за долгъ. Соотвѣтственно увеличивавшейся и крѣпнувшей задолженности мѣнялось и гражданско-правовое положеніе крестьянина. *Порядная* XVI вѣка, представлявшая договоръ, заключенный свободнымъ человѣкомъ на извѣстный срокъ, уступаетъ мѣсто *ссудной записи*, по которой крестьянинъ обязуется „за государемъ своимъ жить во крестьянехъ по свой животъ безысходно", причемъ этому государю „вольно меня отовсюду къ себѣ взяти". Съ 10—20 годовъ XVII вѣка крестьянинъ, поряжаясь въ крестьянство, самъ навсегда отказывался отъ выхода и безвыходность стала общимъ условіемъ ссудныхъ записей и составила, какъ говорили въ то время, „крестьянскую вѣчность", т. е. навсегда прикрѣпляла крестьянина къ личности землевладѣльца. Такимъ образомъ крестьянская ссудная запись получила значеніе крѣпостного акта, утверждавшаго личную зависимость безъ права зависимаго лица прекратить ее. Новое положеніе вещей дѣлало всякій уходъ крѣстьянина побѣгомъ; землевладѣльцамъ оставалось лишь добиться, чтобы это было признано закономъ.

Два обстоятельства опредѣляютъ въ XVII вѣкѣ взгляды правительства на отношенія крестьянъ и помѣщиковъ: фискальный интересъ и близость правительства къ дворянскому сословію. Государству было выгодно уничтожить крестьянскій переходъ, такъ какъ этимъ обезпечивалась большая устойчивость въ уплатѣ государственныхъ повинностей тяглецами и въ отбываніи службъ дворянами: этимъ объясняются еще мѣры первыхъ годовъ XVII вѣка, имѣвшія цѣлью регулировать переходы крестьянъ. Правительство и землевладѣльцы послѣ смуты, повидимому, поддерживали другъ друга въ погонѣ за крестьянскимъ трудомъ, потому что правительство нуждалось въ исправномъ служиломъ человѣкѣ и въ прикрѣпленномъ къ одному мѣсту плательщикѣ податей, а дворянинъ, захватывая право на землю, стремился захватить и трудъ сидѣвшаго на землѣ крестьянина. Правительство, кромѣ того, видѣло въ землевладѣльцѣ своего агента, обезпечивавшаго податную исправность крестьянина и полицейскій надзоръ за нимъ. Взаимной поддержкой правительства и дворянства объясняются двѣ существенныя черты крестьянскаго законодательства за время отъ смуты до уложенія: полное отсутствіе стремленія регламентировать повинности крестьянина въ пользу землевладѣльца и стремленіе къ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ, чѣмъ достигалось признаніе всякаго выхода крестьянина побѣгомъ. Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ опредѣлялись всегда глухо; крестьянинъ долженъ былъ „помѣщика во всемъ слушати, пашню на него пахати и дворовое дѣло дѣлати и оброкъ платити, чѣмъ онъ меня пожалуетъ, по моему участку изоброчитъ съ сосѣди вмѣстѣ“. Все предоставлялось добровольному соглашенію крестьянина и помѣщика, а такъ какъ помѣщикъ былъ сильнѣе, то, естественно, дѣло всегда склонялось въ его пользу.

Борьба противъ урочныхъ лѣтъ—одна изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи крестьянства въ XVII вѣкѣ, и потому на этомъ вопросѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Первымъ послѣ смуты попытался пріобрѣсти привиллегію сыска бѣглыхъ крестьянъ въ болѣе продолжительные сроки, чѣмъ установленное пятилѣтіе, Троице-Сергіевъ монастырь—самый крупный послѣ царскаго дворца русскій землевладѣлецъ; за нимъ вслѣдъ потянулись служилые люди. По челобитію Троицкихъ властей въ 1613—14 гг. былъ изданъ указъ, разрѣшавшій монастырю возвращать бѣглыхъ крестьянъ въ Троицкія вотчины въ теченіе 9-ти лѣтъ; срокъ этотъ надолго сдѣлался нормальнымъ для Троицкаго монастыря, не смотря на попытки монастырскихъ властей продолжить его до одиннадцати лѣтъ. Первыя жалобы служилыхъ людей на исключительныя привиллегіи Троицкаго монастыря оставались безъ успѣха; только двадцать слишкомъ лѣтъ спустя царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ съѣхавшихся въ 1636—37 гг. въ

Москву на земскій соборъ представителей украинныхъ и замосковныхъ городовъ: „по ихъ челобитію велѣлъ имъ на бѣглыхъ крестьянъ въ крестьянствѣ давать судъ противъ Троице-Сергіева монастыря властей“, т. е. далъ имъ право 9-лѣтняго сыска. Два года спустя это право было распространено и на служилыхъ иноземцевъ. Успѣхъ челобитья 1637 года не разрѣшалъ окончательно вопроса объ урочныхъ годахъ, потому что далеко не всѣ служилые люди получили право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 9 лѣтъ. Вопросъ о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ былъ выдвинутъ въ 1641 году провинціальными дворянами разныхъ городовъ, сосредоточенными подъ Тулой для обороны южной границы государства, но и на этотъ разъ дворянскія пожеланія еще не были исполнены въ полномъ объемѣ и указъ 9 марта 1642 года только увеличилъ урочные годы до 10 лѣтъ. Правительство царя Алексѣя стояло въ первые годы на той же точкѣ зрѣнія и не думало по своему почину отмѣнять урочныхъ лѣтъ; этимъ объясняется, что въ наказѣ переписчикамъ 1646 г. правительство лишь обѣщало, что какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ и по тѣмъ книгамъ крестьяне и бобыли будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“. Служилые люди не удовольствовались этимъ глухимъ обѣщаніемъ и на соборѣ 1648 года повели новый натискъ, который на этотъ разъ увѣнчался успѣхомъ: цѣль энергичной 12-лѣтней компаніи была достигнута, и Уложеніе отмѣнило вовсе урочныя лѣта.

Уложеніе—крупнѣйшій законодательный памятникъ не только XVII столѣтія, но и всей московской эпохи. Понятно поэтому, что въ немъ можно ожидать найти много матеріала для изученія юридическаго положенія крестьянства. Однако, обращающагося къ Уложенію для этой цѣли ждетъ большое разочарованіе; памятникъ не только не ставитъ себѣ цѣлью точно опредѣлить отношеніе крестьянъ къ государству и къ землевладѣльцу и ихъ положеніе среди другихъ сословій, но въ немъ даже нѣтъ сводки всего законодательнаго матеріала предшествующаго времени. Глава XI Уложенія, названная „судъ о крестьянахъ“, содержитъ лишь категорическую отмѣну урочныхъ лѣтъ и говоритъ о послѣдствіяхъ этой отмѣны: вся эта глава есть уставъ о бѣглыхъ, о ихъ сыскѣ, о судѣ надъ ними, о ихъ водвореніи на старыхъ мѣстахъ; такое спеціальное содержаніе главы объясняется тѣмъ, что отмѣна урочныхъ лѣтъ была насущнымъ вопросомъ момента для захватывавшаго господство служилаго сословія. Отмѣна урочныхъ лѣтъ превращала всякаго ушедшаго крестьянина въ бѣглаго; поэтому за такой отмѣной и должна была логически послѣдовать регламентація вопроса о побѣгѣ; это была задача Уложенія, и оно ее выполнило. Никакихъ другихъ цѣлей касательно крестьянства оно себѣ не ставило, и было бы напрасно требовать отъ него большаго.

Вопросъ о бѣглыхъ крестьянахъ и о борьбѣ съ ними остается и послѣ Уложенія, вплоть до Петра, главнымъ, или, лучше сказать, единственнымъ предметомъ заботъ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ издается не менѣе восьми указовъ о сыскѣ и отдачѣ владѣльцамъ бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи всякихъ чиновъ людямъ принимать и держать у себя бѣглыхъ, о взысканіи съ такихъ лицъ денежнаго штрафа и т. д. Борьба съ бѣгствомъ и съ бѣглыми пріобрѣтаетъ большіе размѣры, и можно думать, что правительственные указы этого времени являются лишь отголоскомъ стремленій и заботъ тогдашнихъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, наказъ Владимірскаго и Костромского вотчинника Мещеринова, данный имъ въ 1688 г. своему приказчику, посланному въ Алатырскій и Саранскій уѣзды для поимки бѣжавшихъ крестьянъ; наказъ этотъ знакомитъ съ мельчайшими подробностями прекрасно организованнаго поиска, ведшагося при помощи особыхъ агентовъ-спеціалистовъ. Десять лѣтъ спустя, „великій государь указалъ и бояре приговорили: для сыску и отдачѣ бѣглыхъ людей и крестьянъ во всѣ города послать сыщиковъ добрыхъ и знатныхъ и пожиточныхъ“; такъ частная инициатива была предшественницей дѣйствій правительства. Но борьба съ побѣгами не приводила къ ихъ искорененію; борьба эта и въ новомъ XVIII вѣкѣ осталась одною изъ главнѣйшихъ цѣлей крѣпостного законодательства.

Окончательное прикрѣпленіе крестьянина къ личности дворянина землевладѣльца безъ возможности для него законнаго ухода тѣсно сблизило когда-то свободнаго сельскаго тяглеца съ холопомъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія расширяется власть землевладѣльца надъ крестьяниномъ, постепенно подчиняется ему личность и трудъ послѣдняго, дается ему въ то же время возможность, по собственному почину, переводить крестьянина изъ деревни къ себѣ во дворъ; въ другихъ случаяхъ хозяйственныя соображенія заставляли землевладѣльца сажать холопа, жившаго въ его дворѣ на пашню и тѣмъ на самомъ дѣлѣ превращать его въ крестьянина. Фактическая близость крестьянина и холопа стала еще замѣтнѣе, когда перепись 1678 года впервые сдѣлала холоповъ участниками государственнаго тягла. Такъ сама жизнь засыпала историческую пропасть, отдѣлявшую первоначальнаго раба отъ свободнаго поселянина.

§ 26. Черныя земли; крестьянское землевладѣніе на сѣверѣ.

Ростъ частнаго дворянскаго землевладѣнія долженъ былъ оказывать такое же вліяніе на состояніе государственныхъ черныхъ земель, какое организація дворянской службы и превращеніе дворянъ въ первенствующее сословіе оказывали на крестьянскую свободу: убыль ихъ стояла въ

прямой связи съ ростомъ дворянскаго землевладѣнія; она была ему прямо пропорціональна. Чѣмъ сильнѣе была раздача земель дворянамъ, тѣмъ скорѣе убывали черныя земли; тамъ гдѣ останавливается помѣстная раздача, устойчиво сохраняются черныя земли. Мы уже знаемъ, что черныя земли центральныхъ старинныхъ областей страны были однимъ изъ главныхъ источниковъ, изъ котораго государство черпало земли для помѣстной раздачи въ XVI столѣтіи. Государство дѣйствовало при этомъ опираясь на то право верховной собственности, которое всегда принадлежало князю надъ черными землями. Раздача черныхъ земель въ XVI столѣтіи привела къ почти полному ихъ уничтоженію въ центрѣ, хотя послѣ смутнаго времени въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ междурѣчья Оки и верхней Волги еще сохранялись слѣды ихъ недавняго существованія. Такъ въ Кесемской волости Углицкаго уѣзда писцы 20-хъ годовъ XVII в. отмѣтили, „пустоши, что были деревни черныя“, въ Нерехтской волости Костромского уѣзда упомянуты пустоши черныхъ деревень, въ Тверскомъ уѣздѣ—22 пустоши черныхъ волостей, въ Ржевскомъ уѣздѣ—„лѣсная земля черныхъ волостей“. По всей вѣроятности жалкіе остатки когда то многочисленныхъ черныхъ земель центра, окончательно запустѣли въ смуту и болѣе не возстановлялись. Значительныя земельныя раздачи, препринятыя правительствомъ сейчасъ же послѣ смуты въ награду за службу и въ возмѣщеніе совершенно опустошенныхъ земель, окончательно разрушили въ 1615—16 гг. черное землевладѣніе въ Галицкомъ, Бѣлозерскомъ и южной части Вологодскаго уѣзда. Можно кажется, безошибочно сказать, что во второй четверти XVII столѣтія черныхъ земель вовсе не осталось въ центральныхъ областяхъ Московскаго царства. Съ этого времени ближайшими къ Москвѣ черными волостями оказались небольшіе остатки черныхъ земель Новгородскаго края (Сумерская волость, Старорусскаго уѣзда) и уцѣлѣвшія черныя земли русскаго сѣвера, простиравшіяся тамъ, гдѣ остановилась раздача земель дворянамъ, т. е. въ краяхъ Олонецкомъ, Двинскомъ, Вятскомъ, въ большей части Вологодскаго уѣзда, въ уѣздахъ Тотемскомъ и Великоустюжскомъ и въ Пріуральѣ.

Можетъ явиться вопросъ, почему при непрерывномъ поступательномъ движеніи Московской Руси къ югу въ новыхъ областяхъ не образовалось чернаго землевладѣнія. Оно не успѣло тамъ сформироваться, потому что черноземныя земли расхватывались и раздавались въ помѣстья и вотчины, отводились монастырямъ, записывались за дворцомъ, прежде чемъ на нихъ могли усѣсться колонисты того типа, какой господствовалъ въ сѣверной Руси въ удѣльные вѣка. Въ виду не ослабѣвавшаго военнаго значенія южныхъ областей, правительство старалось пользоваться въ военныхъ цѣляхъ всѣми приходившими туда вольными колонистами и даже отчасти тяглымъ населеніемъ, превращая

тяглецовъ въ служилыхъ людей особаго типа (см. ниже § 30); чтобы надѣлять ихъ земельными участками, правительство крѣпко держало въ своихъ рукахъ всю свободную землю.

Такъ черное землевладѣніе, исчезая въ центрѣ, не могло образоваться въ новыхъ государственныхъ областяхъ юга и поволжья и сохранилось только на сѣверѣ въ бассейнѣ Ледовитаго океана, въ Олонецкомъ краѣ и въ сѣверной части Камскаго бассейна. Черные люди русскаго сѣвера и въ XVII столѣтіи продолжали составлять такія же тяглыя общины, какія существовали въ удѣльной княжеской Руси и въ старинной Новгородской землѣ. Тяглыя общины русскаго сѣвера не имѣли однообразнаго устройства; иногда онѣ представляли какъ бы лѣстницу общинъ: самою мелкою была община сельская или деревенская, надъ ней возвышалась волостная; лѣстница въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ завершалась общиной всеуѣздной. Послѣдняя получила въ царствованіе Ивана IV даже государственное значеніе: ея выборные замѣнили собою княжескихъ намѣстниковъ и получили право судить населеніе, собирать съ него подати и вѣдать его въ административномъ отношеніи. Это былъ золотой вѣкъ сѣверно-русскихъ тяглыхъ общинъ; въ XVII столѣтіи онѣ уже теряютъ государственное значеніе, среди нихъ появляются присылаемые изъ Москвы воеводы и государство начинаетъ интересоваться ими преимущественно съ фискальной точки зрѣнія. Во внутреннія дѣла низшихъ ступеней болѣе крупныя общины вмѣшивались мало. Земельный строй былъ основанъ, какъ и во всей древней Руси, на складническомъ или долевомъ началѣ, уже описанномъ выше (§ 11 и 13). Ограниченныя поземельныя права, которыми обладала община при долевомъ землевладѣніи, обычно принадлежали на сѣверѣ или общинѣ сельской или же общинѣ волостной, если волость не была особенно обширной и не распадалась на отдѣльные сельскіе міры. Члены сѣверныхъ земельныхъ мірковъ, сидя на государевой землѣ, но считая ее своимъ постояннымъ и неотъемлемымъ владѣніемъ, безпрепятственно покупали, продавали, мѣняли свои участки и даже отдавали ихъ въ качествѣ вкладовъ на поминъ души въ монастыри и церкви. До половины XVII столѣтія всякія земельныя сдѣлки совершались безпрепятственно, но съ этого времени правительство начинаетъ подчеркивать свое значеніе какъ собственника черной земли и старается стѣснить право распоряженія ею со стороны ея владѣльцевъ; побудительной причиной къ этому является желаніе, чтобы черная земля неизмѣнно оставалась въ рукахъ тяглецовъ и чтобы поступленіе государственныхъ податей не подвергалось никакому уменьшенію: къ концу столѣтія правительство и добивается именно того, чтобы обращеніе черныхъ земельныхъ участковъ совершалось исключительно между членами тяглыхъ земскихъ мірковъ. Это было признакомъ уже существенно измѣ-

нившагося взгляда на черныя земли и сидѣвшихъ на нихъ крестьянъ: ихъ уже не считали равноправными членами государства, какъ въ XVI столѣтіи; на земли смотрѣли какъ на государственное достояніе, которое должно приносить доходъ, а сидѣвшихъ на нихъ тяглецовъ начинали разсматривать какъ государственныхъ крѣпостныхъ; этотъ взглядъ окончательно утвердился въ XVIII столѣтіи; онъ былъ перенесенъ на всѣхъ государственныхъ крестьянъ, въ составъ которыхъ вошли сѣверные черные крестьяне, и господствовалъ до реформы быта государственныхъ крестьянъ, проведенной гр. Киселевымъ въ 1837—1839 годахъ (см. ниже § 43 и 54). Можно указать три главнѣйшихъ причины такого коренного измѣненія въ судьбѣ сѣверно-русскихъ черныхъ крестьянъ: во первыхъ, ростъ государственныхъ податей, который не мало способствовалъ въ XVII столѣтіи также и росту крѣпостного права на земляхъ частновладѣльческихъ, во вторыхъ, бюрократизація управленія сѣвернымъ краемъ, выразившаяся въ появленіи тамъ воеводъ, впервые введенныхъ въ смутное время, но скоро окончательно тамъ упрочившихся и, въ третьихъ, разложеніе самихъ тяглыхъ общинъ, экономическая борьба между богатыми и бѣдными ихъ членами, гнетъ первыхъ и близорукое непониманіе того значенія, какое самоуправляющіяся тяглыя общины могли имѣть для ихъ членовъ и для всего края.

§ 27. Происхожденіе современной поземельной общины.

Сельская община въ русской исторіи имѣетъ различное значеніе, смотря по эпохѣ и по главнѣйшимъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ общинной организаціей. На первыхъ страницахъ настоящаго очерка указывалось, что въ началѣ нашей исторіи возможно еще, повидимому, наблюдать остатки общины родовой; позднѣе мѣсто родовой общины заступаетъ община тяглая, связанная общими податными обязанностями по отношенію къ князю и скрѣпленная общей отвѣтственностью всѣхъ ея членовъ, такъ называемой *круговой порукой*, которая, можетъ быть, является однимъ изъ пережитковъ родового строя; поземельное значеніе такой общины было невелико. Наконецъ, до настоящаго времени существуетъ сельская община, въ которой на ряду съ административно-податными функціями получили особенное развитіе поземельныя права, выражающіяся ярче всего въ уравнительныхъ передѣлахъ земли между ея членами. Современныя поземельныя права общины являются результатомъ многовѣковой эволюціи, зависѣвшей не только отъ самаго характера общины, но и отъ многообразныхъ экономическихъ причинъ. Сначала, при малочисленности населенія, при неограниченномъ земельномъ просторѣ и при отсутствіи конкуренціи на землю, господствуетъ ея *вольный захватъ*, выражаемый въ нашихъ древнихъ актахъ живо-

писной формулой *„куда топоръ, соха и коса ходили“*. Въ дальнѣйшемъ личный трудъ, прилагаемый къ расчисткѣ пашни и къ ея обработкѣ, и взаимныя отношенія людей, которые обрабатываютъ землю рядомъ, но независимо одинъ отъ другого, и не связаны кровнымъ родствомъ или общимъ происхожденіемъ, приводятъ къ воззрѣнію на результаты своего труда и на воздѣлываемую землю, какъ на свою личную собственность. Въ общемъ предпріятіи, какимъ является земледѣльческая работа, каждый имѣетъ свою долю, которая является его собственностью; онъ распоряжается ею по своему усмотрѣнію и передаетъ ее своимъ наслѣдникамъ; общинѣ, какъ цѣлому, принадлежатъ ограниченныя поземельныя права; она располагаетъ свободными долями, переверстываетъ угодія, не измѣняя долей. Это тотъ земельный бытъ, который долгое время господствовалъ во всѣхъ областяхъ, населенныхъ русскимъ народомъ, и былъ извѣстенъ у насъ подъ названіемъ *долевого, сябринаго* или *складническаго землевладѣнія*. Еще позднѣе поземельныя права общины расширяются: она является собственникомъ и распорядителемъ всей совокупности принадлежащихъ отдѣльнымъ ея членамъ земельныхъ угодій, она распредѣляетъ ихъ между своими наличными членами и заботится, чтобы каждый изъ нихъ могъ получить ту долю общинной земли, на которую онъ, какъ членъ общины, имѣетъ право; это земельный бытъ сельской общины, безраздѣльно господствовавшей у насъ до послѣдняго времени. Когда же появилась у насъ земельная община этого послѣдняго типа? Такъ какъ уравнительные передѣлы являются самымъ яркимъ признакомъ современной земельной общины, то вопросъ можно разрѣшить, установивъ, когда именно у насъ появились уравнительные передѣлы земли. О нихъ упоминается уже въ нѣкоторыхъ актахъ XVII столѣтія: „въ селѣ Шаморги (Липецкаго уѣзда) крестьяне между себя пашню дѣлятъ почасту, а мнѣ попу Ивану даютъ пашню худую“. Въ XVIII столѣтіи правительственные передѣлы уже существуютъ у дворцовыхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ. На это указываютъ слѣдующіе факты: депутатъ Ямбургскаго дворянства баронъ Вольфъ въ 1770 г. указывалъ, „что крестьяне самымъ точнымъ образомъ раздѣляютъ между собой по полосамъ свои поля“. Курская казенная палата, доказывая, какъ неудобно участковое землевладѣніе однодворцевъ, предлагаетъ „уравнять между ними земли (1788 г.) наподобіе дворцовыхъ, экономическихъ и прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ, въ каждомъ особо, поровну, т. е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ въ окладъ мужеска пола душъ“. Въ 1765 году императрицѣ предлагали ввести именно такое уравнительное землевладѣніе у черносошныхъ и дворцовыхъ крестьянъ въ Архангелогородской и Великоустюжской провинціяхъ, гдѣ еще сохранялась древняя тяглая община безъ уравнительныхъ передѣловъ:

„дѣлить имъ земли и раздѣлять въ волостяхъ недостаточнымъ равномѣрно такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ по числу людей, что кто снести можетъ, уравниваютъ". Это и было приведено въ исполненіе при начавшемся вскорѣ затѣмъ генеральномъ межеваніи. Во всякомъ случаѣ къ половинѣ XVIII столѣтія общинное землевладѣніе съ уравнительными передѣлами было уже господствующей формой землевладѣнія у великорусскаго крестьянства. Начало же земельныхъ передѣловъ слѣдуетъ относить ко времени не позднѣе первой половины предшествовавшаго столѣтія. Долгое время предлагались различныя неудовлетворительныя объясненія появленія у насъ поземельной общины съ уравнительными передѣлами. Теперь, однако, этотъ вопросъ можно считать разрѣшеннымъ окончательно. Наблюденія надъ мѣстностями, вновь заселенными русскими колонистами, съ полной очевидностью убѣдили, что образованіе поземельной общины съ уравнительными передѣлами находится въ непосредственной связи съ уменьшеніемъ земельнаго простора. Пока „топоръ, коса и соха" земледѣльца могутъ ходить повсюду безпрепятственно, каждый земледѣлецъ можетъ увеличить принадлежащій ему участокъ, поскольку позволяютъ силы его и его семьи; то же самое можно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлъ многолюдной семьи оставляетъ въ рукахъ раздѣлившихся слишкомъ малыя доли: чтобъ увеличить послѣднія, достаточно расчистить, распахать и освоить въ изобиліи находящуюся свободную землю. Наоборотъ, когда населеніе разростается, земельныя владѣнія плотно примыкаютъ одно къ другому и запаса свободныхъ земель болѣе нѣтъ, тогда растущему населенію землепашцевъ не остается ничего дѣлать другого, какъ уравнивать участки земли, чтобы каждому дать возможность обезпечить жизнь земледѣльческимъ трудомъ. Такое явленіе совершалось на глазахъ наблюдателей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири во второй половинѣ XIX столѣтія; то же самое совершалось въ Московскомъ государствѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Является, однако, вопросъ, подъ вліяніемъ какихъ непосредственныхъ причинъ, точнѣе сказать, по чьей иниціативѣ вводились первоначально передѣлы земли. Это должно было происходить по почину тѣхъ, кто считалъ себя распорядителемъ крестьянской земли и труда, т. е. помѣщиковъ и вотчинниковъ, монастырскихъ властей, дворцовыхъ прикащиковъ и т. д.; такое болѣе чѣмъ вѣроятное участіе владѣльческаго элемента въ образованіи у насъ поземельной общины современнаго типа заставляло многихъ изслѣдователей вопроса видѣть въ общинѣ прямое послѣдствіе крестьянской крѣпости; если это и не совсѣмъ такъ, то во всякомъ случаѣ развитіе крѣпостного права должно было въ извѣстной мѣрѣ содѣйствовать развитію поземельной общины современнаго типа. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Московскаго царства, гдѣ крѣпостная

неволя не получила развитія и гдѣ запасъ свободной земли держался дольше, тамъ устойчивѣе сохранялся и старинный крестьянскій земельный строй. Такъ было на русскомъ сѣверѣ, гдѣ складническое землевладѣніе уступило мѣсто общинному только въ концѣ XVIII вѣка и уже исключительно подъ вліяніемъ принудительныхъ мѣръ правительства.

§ 28. Дворцовое землевладѣніе.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ дворцовыя земли составляли у насъ одинъ изъ наиболѣе значительныхъ видовъ земельнаго капитала, доходы съ котораго и денежные и, главнымъ образомъ, натуральные были необходимы для содержанія княжескаго дворца съ его многочисленнымъ населеніемъ и сложнымъ хозяйствомъ. По мѣрѣ развитія помѣстнаго строя, дворцовыя земли стали расходоваться для помѣстной раздачи наряду съ землями черными, а также раздавались въ монастыри и церкви. Въ XVI столѣтіи убыль дворцовыхъ земель пополнялась продолжавшимся окняженіемъ земель черныхъ и отпиской на государя опальныхъ вотчинъ. Трудно рѣшить, сокращалось ли дворцовое землевладѣніе въ общемъ итогѣ или нѣтъ; во всякомъ случаѣ, въ концѣ вѣка дворцовыхъ земель было еще очень много. Въ смутное время земельный капиталъ дворца пострадалъ менѣе, чѣмъ денежная казна государства. Однако общее запустѣніе страны отразилось и на дворцовыхъ вотчинахъ; нѣкоторыя волости превратились въ совершенную пустыню. Послѣ смуты правительство должно было вновь произвести значительную раздачу дворцовыхъ земель. Въ 1612—13 годахъ въ однихъ только центральныхъ уѣздахъ государства было роздано думнымъ и московскимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, не менѣе 45000 десятинъ земли. Раздача дворцовыхъ земель продолжалась и въ дальнѣйшіе годы и производилась не только большимъ боярамъ и столичнымъ дѣятелямъ, но главнымъ образомъ городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Трата дворцоваго земельнаго капитала, достигшая въ 1613—1625 гг. нѣсколькихъ сотенъ тысячъ десятинъ, была настолько велика, что скоро явилась мысль объ ограниченіи ея дальнѣйшаго расходованія. 26 февраля 1627 года былъ изданъ государевъ указъ слѣдующаго содержанія: „если впредь учнутъ бить челомъ государю челобитчики о государевыхъ дворцовыхъ селахъ въ помѣстья и вотчины, то съ нынѣшняго числа такихъ селъ отнюдь никому не давать, для того что на государевъ обиходъ и на всякіе дворцовые расходы денегъ и хлѣба недостаетъ много, а пополнить неоткуда“. Указъ 1627 года дѣйствительно получилъ практическое значеніе и раздача дворцовыхъ земель сильно уменьшилась, хотя извѣстны отдѣльные случаи такой раздачи, относя-

щіяся ко времени до смерти царя Алексѣя Михайловича. Такъ бояринъ и дворецкій князь А. М. Львовъ, по нынѣшней терминологіи министръ царскаго двора, самъ принимавшій участіе въ составленіи указа 1627 года, получилъ въ 1634—35 гг. бо́льшую часть дворцовой Кимрской волости; довольно значительныя дворцовыя земли въ Балахнинскомъ уѣздѣ получили родственники царицы Евдокіи Лукьяновны—Стрѣшневы. Далѣе дворцовыя земли поступали вкладами въ монастыри на поминъ души умершихъ членовъ царскаго дома: патріарха Филарета (с. Домнино, Костромского уѣзда и нѣкоторыя Звенигородскія вотчины), царя Михаила Ѳеодоровича и его супруги, боярина Никиты Ивановича Романова, первой жены царя Алексѣя,—царицы Маріи Ильиничны, и т. д. Тѣмъ не менѣе во второй половинѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича и въ царствованіе его сына дворцовый земельный капиталъ не слишкомъ истощался.

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ раздача дворцовыхъ земель какъ будто усиливается: всего за $5^1/_2$ лѣтъ было роздано разнымъ лицамъ 2795 дворовъ; но съ начала 80-хъ годовъ масштабъ и характеръ раздачи дворцовыхъ земель уже совершенно измѣняются. Раздача боярамъ, царской роднѣ, придворнымъ дѣятелямъ и любимцамъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Возможно, что наблюдаемый съ 1682 года переворотъ въ раздачѣ дворцовыхъ земель стоитъ въ связи съ политическими обстоятельствами того времени: съ 1682 г. государственная власть на довольно долгій срокъ, до конца вѣка, переходитъ въ руки не разъ смѣнявшихъ другъ друга придворныхъ кружковъ. Подъ защитой высокихъ покровителей получали свои доли и болѣе мелкіе придворные чины; наконецъ, уже несомнѣнно въ связи съ политическими событіями эпохи воспользовались дворцовыми землями и стрѣльцы. Самые крупные куски дворцовыхъ земель достались въ это время многочисленнымъ фамиліямъ, вновь породнившимся съ царскимъ домомъ,—Милославскимъ, Нарышкинымъ, Апраксинымъ, Салтыковымъ, Лопухинымъ; значительныя пожалованія получили дѣятели переворотовъ 1682 и 1689 гг.—князья Хованскіе, кн. Б. А. Голицынъ, бояринъ Т. Н. Стрѣшневъ; въ числѣ пожалованныхъ можно встрѣтить дьяка Н. М. Зотова, а въ самомъ концѣ столѣтія и восходящую звѣзду—Меньшикова. Въ однѣхъ только областяхъ по Окѣ и верхней Волгѣ, составлявшихъ старинный центръ государства, за 18 лѣтъ, до 1700 года, было роздано 16.120 дворовъ и до 167.000 пахатной земли, не считая сѣнокосовъ и лѣсовъ, земельная площадь которыхъ должна была быть еще во много разъ больше.

Пополненіе дворцовыхъ земель едва ли соотвѣтствовало въ XVII столѣтіи ихъ расходованію. Источниками такого пополненія были нѣкоторыя вновь основываемыя села на заселявшемся русскомъ югѣ и отпи-

ска на государя частновладѣльческихъ вотчинъ. Опалъ въ XVII столѣтіи было сравнительно мало, поэтому отписка вотчинъ происходила почти только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти вотчины оказывались выморочными. Такимъ путемъ, дѣйствительно перешли во дворецъ вотчины угасшихъ князей Шуйскихъ, Мстиславскихъ, Воротынскихъ, Пожарскихъ, боковой вѣтви рода Романовыхъ и другихъ родовъ. Подчасъ подобныя наслѣдства, получаемыя дворцомъ бывали крупными, но ихъ едва ли было достаточно для покрытія постояннаго расхода дворцовыхъ земель; отписныя вотчины обыкновенно очень скоро уходили опять въ раздачу, но послѣдняя уносила, кромѣ того, и старинныя исконныя дворцовыя волости. Отписка выморочныхъ вотчинъ и основаніе новыхъ селъ на югѣ не могли возмѣстить тѣхъ $1^1/_2$—2 милліона десятинъ, не менѣе которыхъ было роздано отъ смуты до конца вѣка. Такимъ образомъ нужно думать, что за этотъ періодъ времени дворцовыя земли всетаки уменьшились въ общемъ итогѣ несмотря на предохранительный законъ 1627 года.

Раздача дворцовыхъ земель продолжалась и послѣ 1700 года. По подсчету, сдѣланному при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ въ 1732 году, дворцовый земельный капиталъ уменьшился въ царствованіе Петра Великаго чуть ли не вдвое и земли, находившіяся въ вѣдѣніи дворцовой канцеляріи XVIII вѣка, были лишь жалкимъ остаткомъ тѣхъ богатствъ, которыми вѣдалъ когда то московскій приказъ большого дворца. Убыль дворцовыхъ земель при Петрѣ Великомъ не должна возбуждать большого удивленія: переѣхавъ въ Петербургъ, императорскій дворъ уже не нуждался въ многочисленныхъ волостяхъ и селахъ, расположенныхъ вокругъ старой столицы и доставлявшихъ всякіе припасы на московскій дворецъ. Хозяйство петербургскаго дворца стало въ значительной степени болѣе денежнымъ, нежели хозяйство дворца московскаго, и это обстоятельство позволяло Петру расходовать дворцовыя земли безъ ущерба для дворцоваго хозяйства, которое онъ, кромѣ того, и значительно упростилъ противъ прежняго времени.

§ 29. Землевладѣніе духовенства.

Переходъ недвижимыхъ имуществъ во владѣніе монастырей и церквей, непрерывно продолжавшійся въ XV и XVI столѣтіяхъ, въ концѣ концовъ превратился въ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ соціально-экономическихъ вопросовъ, надъ которыми приходилось задумываться людямъ московскаго государства. Въ монастыри стали въ XVI вѣкѣ переходить вотчины, обязанныя службой; онѣ такимъ образомъ выходили изъ службы, а ихъ бывшіе хозяева бѣднѣли и принуждены были просить новаго земельнаго обезпеченія отъ государства: „села и пожни

изнурялись въ пустошьяхъ", а „воинскому чину оскудѣніе приходило веліе". Первою серьезною попыткою положить предѣлъ росту земельныхъ владѣній духовенства былъ указъ 1581 г., запрещавшій духовнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія. Однако этотъ указъ не получилъ большого практическаго значенія; въ обществѣ не понимали опасности дальнѣйшаго усиленія земельнаго капитала духовенства, а правительство видимо не слишкомъ настаивало на его примѣненіи; вслѣдствіе этого притокъ вкладовъ въ церковь не ослабѣвалъ: въ одинъ только Троицкій монастырь и въ одномъ только Московскомъ уѣздѣ съ 1593 по 1613 г. поступило до 2000 десятинъ земли. И правительство царя Михаила не слишкомъ заботилось о возстановленіи дѣйствія закона 1581 года; причиною этого было на первыхъ порахъ хаотическое состояніе всѣхъ государственныхъ дѣлъ и въ частности служилаго землевладѣнія, а въ частности личныя симпатіи царя и вліяніе его отца, 15 лѣтъ занимавшаго патріаршій престолъ. Вѣроятно не безъ участія патріарха Филарета были проведены даже нѣкоторыя смягченія въ указѣ 1581 года: въ 1620 году появился указъ, разрѣшавшій отдавать въ монастыри вотчины, пожалованныя за службу въ смуту, а въ 1622 г. былъ нарушенъ 40-лѣтній срокъ родового выкупа вотчины, пожертвованной въ монастырь: если о выкупѣ такой вотчины не было челобитія до 1613 года, то она оставалась за монастыремъ, потому что „тѣ вотчины застарѣли за монастыри многими лѣты".

И личнымъ своимъ примѣромъ государь способствовалъ увеличенію церковныхъ имѣній. Мы уже знаемъ, что во все время царствованія Михаила не прекращались пожалованія дворцовыхъ земель монастырямъ и церквамъ; впрочемъ, слѣдуетъ добавить, что русскіе государи XVII столѣтія и позднѣе не считали себя связанными ограничительнымъ законодательствомъ о церковныхъ имѣніяхъ: пожалованія монастырямъ изъ дворцовыхъ земель продолжались и при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Впрочемъ и личный примѣръ царя и патріарха Филарета и отмѣченныя выше измѣненія закона 1581 года представляютъ особенно большой интересъ вслѣдствіе того, что эти явленія были несомнѣннымъ отголоскомъ общественныхъ настроеній того времени. Русское общество считало, что пережитый имъ кризисъ смутнаго времени былъ наказаніемъ за его грѣхи: грѣхи слѣдовало замаливать жертвами Богу, а по тогдашнимъ условіямъ жизни легче и проще всего было жертвовать землю. Этимъ объясняется чрезвычайно обильный притокъ земельныхъ вкладовъ въ монастыри, замѣчаемый въ 1610—30-хъ годахъ. Жертвовали и богатые и бѣдные; давали вклады сильные люди; несли свою лепту и мелкіе городовые дворяне и черные крестьяне. Всѣ почти семьи, представители которыхъ были замѣтными дѣятелями смутнаго

времени, поминали ихъ души вкладами: среди вкладчиковъ мы видимъ Шуйскихъ, Скопиныхъ-Шуйскихъ, Шереметевыхъ, Мстиславскихъ, Сицкихъ, Романовыхъ, Одоевскихъ, Пожарскихъ и другихъ; о величинѣ вкладовъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: въ 1621 году послѣдній князь Мстиславскій далъ Московскому Симонову монастырю погостъ Срѣтенскій въ волости Черемхѣ Ярославскаго уѣзда съ 44 деревнями и погостъ Ильинскій съ 49 деревнями.

Лишь съ 30-хъ годовъ понемногу въ обществѣ начинаетъ утверждаться тотъ взглядъ, который уже высказанъ былъ правительствомъ въ указѣ 1581 года; объ этомъ свидѣтельствуетъ несомнѣнное уменьшеніе земельныхъ вкладовъ въ 40-хъ годахъ, когда дѣйствовало уже новое поколѣніе, не видавшее смуты. Новые взгляды общества подчинили себѣ и законодательство и заставили правительство измѣнить отношеніе къ вопросу о церковныхъ имѣніяхъ, какого оно держалось со времени смуты. 42-я статья XVII главы Уложенія, составленная, повидимому, не безъ прямого участія депутатовъ собора, подтвердила указъ 1581 года и запретила монастырямъ и церквамъ пріобрѣтать недвижимыя имущества какимъ бы то ни было образомъ.

Было бы конечно ошибочно думать, что постановленіе Соборнаго Уложенія, хотя и изданное подъ воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, могло радикально пресѣчь явленіе, успѣвшее пустить столь глубокіе корни въ русской жизни. И позднѣе было еще издано нѣсколько указовъ, подтверждавшихъ ограниченіе права духовныхъ учрежденій владѣть недвижимостью. Приведемъ одинъ изъ самыхъ послѣднихъ, интересный, потому что въ немъ запрещеніе пріобрѣтать земли дополнено запрещеніемъ духовенству мѣняться землями со служилыми людьми: въ 1701 году „великій государь указалъ къ патріаршимъ вотчинамъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель не покупать и въ монастыряхъ властямъ съ помѣщики и съ вотчинники жилыми и пустыми землями не мѣняться и въ помѣстномъ приказѣ мѣнъ не расписывать“. Тѣмъ не менѣе, постановленіе Уложенія слѣдуетъ считать эпохой въ исторіи разсматриваемаго вопроса: наблюденія надъ фактами показываютъ, что земельные вклады, уже уменьшившіеся въ 40-хъ годахъ, продолжаютъ уменьшаться и во второй половинѣ XVII столѣтія: они становятся рѣже и мельче, чаще всего даются уже не села и деревни, а пустоши; вмѣстѣ съ тѣмъ, характерно, что иногда въ числѣ вкладовъ попадаются помѣстныя земли—признакъ того, что ими уже распоряжаются какъ собственностью. За то послѣ Уложенія нѣсколько участились случаи мѣны земли свѣтскихъ людей съ духовенствомъ, причемъ мѣна нерѣдко служила средствомъ обхода закона, что и вызвало ея запрещеніе въ 1701 году. Приведемъ одинъ случай, показывающій, какимъ образомъ мѣна могла быть обходомъ закона о монастырскомъ землевладѣніи. Въ

1666 году Вологодская дворянка Патрекѣева промѣняла архіепископу Вологодскому и Бѣлозерскому пустое сельцо на 3 отдѣльныхъ монастырскихъ пустоши, но вмѣстѣ съ мѣновной была составлена другая запись, гласившая, что помѣщица отдавала вымѣненныя ею земли той же архіепископской каѳедрѣ въ аренду на 30 лѣтъ, плату же признавала полученной сполна. Такого рода записи сопровождались иногда и дальнѣйшимъ условіемъ: по прошествіи срока арендnаго договора вымѣненной землей предоставлялось „владѣть братіи вѣчно по сей записи“. Тѣмъ не менѣе, и такіе случаи мѣны, наблюдаемые, главнымъ образомъ, въ глухихъ и отсталыхъ уголкахъ страны, не въ силахъ поколебать общаго вывода о томъ, что ростъ монастырскаго землевладѣнія почти прекратился къ началу XVIII вѣка вслѣдствіе постепеннаго переворота во взглядахъ русскаго общества на этотъ вопросъ, ярко отразившихся на законодательствѣ XVII вѣка. За то принадлежавшими ему землями духовенство владѣло крѣпко: отчужденіе земель духовенства происходило очень рѣдко и этимъ путемъ духовенство почти не теряло своихъ недвижимыхъ имуществъ.

Въ заключеніе укажемъ, что хотя невозможно установить абсолютныхъ размѣровъ площади недвижимыхъ имѣній духовенства въ Московскомъ государствѣ, тѣмъ не менѣе, косвеннымъ путемъ можно придти къ заключенію, что площадь эта въ половинѣ XVII столѣтія, когда она достигла своихъ наибольшихъ размѣровъ, во всѣхъ уѣздахъ государства была значительно менѣе площади частнаго дворянскаго землевладѣнія, т. е. вотчинъ и помѣстій вмѣстѣ.

§ 30. Однодворцы.

Кромѣ описанныхъ выше крупныхъ видовъ служилаго землевладѣнія, въ Московскомъ государствѣ были извѣстны нѣкоторые спеціальные его виды. Однимъ изъ нихъ является землевладѣніе однодворцевъ. Однодворецъ—это дворянинъ, который самъ своими руками обрабатываетъ землю, живетъ „однимъ дворомъ“, не имѣя крѣпостныхъ крестьянъ: „да въ селѣ же Ильинскомъ живутъ дѣти боярскіе однодворцы, а крестьянъ и бобылей за ними нѣтъ“.

Происхожденіе однодворцевъ стоитъ въ непосредственной связи съ общимъ военнымъ положеніемъ, которое создалось послѣ смуты. Для защиты юга и для пополненія армій, ведшихъ малороссійскія войны 50—60-хъ годовъ XVII столѣтія и участвовавшихъ въ Чигиринскихъ походахъ противъ турокъ въ 70-хъ годахъ, нужны были многочисленныя военныя силы, при этомъ обученныя болѣе или менѣе по западному образцу. Такимъ образомъ создались служилые люди, получившіе названіе „*новоприборныхъ*“. Новыя ратныя силы дѣлились на двѣ

категоріи—на городовыхъ и полковыхъ. Въ началѣ 1675 года въ 27 городахъ Бѣлгородскаго разряда (т. е. въ предѣлахъ нынѣшнихъ Курской и Воронежской губерній), былъ произведенъ смотръ и разборъ ратныхъ людей новаго строя; при этомъ оказалось полковыхъ 10591 человѣкъ и родственниковъ ихъ мужескаго пола 16673 чел.; ратныхъ людей городовой службы было 20126 человѣкъ, у нихъ дѣтей и родственниковъ мужескаго пола 38389 человѣкъ. Очень значительно было число новоприборныхъ людей и въ другихъ городахъ и уѣздахъ нынѣшнихъ Воронежской, Курской, Тамбовской, Рязанской, Орловской и Тульской губерній. Чтобы довести ратныхъ людей на югѣ до столь внушительныхъ цифръ, Московское правительство пополняло ряды своего войска на югѣ людьми, взятыми изъ ратныхъ слоевъ населенія. Такъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вотчины Новоспасскаго монастыря Лебедянскаго уѣзда были отобраны въ казну, а жившіе въ нихъ крестьяне были зачислены въ „драгуны“. Въ 1640 году на свободные тяглые участки въ Лебедяни прибирали въ городовую службу—„изъ бобылей и изъ церковныхъ бобылей и изъ вольныхъ гулящихъ людей“. Въ декабрѣ 1660 года Московское правительство сдѣлало распоряженіе о принудительномъ верстаніи въ службу въ нѣсколькихъ южныхъ городахъ лицъ духовнаго званія—поповыхъ, дьяконовыхъ и дьячковыхъ дѣтей. Есть извѣстія, что въ 60 и 70 годахъ въ служилые люди на югѣ зачислялись бѣглые крестьяне и холопы. Въ общемъ новоприборные служилые люди, поселенные на южной окраинѣ Московскаго государства, по своему происхожденію представляли очень пестрый составъ. Бывшіе среди нихъ люди дворянскаго происхожденія были всѣ неродовитые, захудалые. Есть указанія, что въ одной и той же семьѣ одинъ братъ числился служилымъ, другой жилъ за какимъ нибудь помѣщикомъ или вотчинникомъ. Съ теченіемъ времени масса дѣтей боярскихъ южной окраины становилась все менѣе и менѣе дворянской. Въ этомъ же направленіи оказывало вліяніе экономическое положеніе новоприборныхъ служилыхъ людей южной окраины. Всѣ они должны быть отнесены къ разряду мелкопомѣстныхъ. Наибольшей дачей было 50—100 четвертей въ полѣ, т. е. 75—150 десятинъ, но часто попадались дачи въ 25, $12^1/_2$ и даже 6 четвертей въ полѣ т. е. отъ $37^1/_2$ до 9 десятинъ. Большинство новоприборныхъ имѣло, какъ уже указано выше, очень небольшое количество крестьянъ или даже не имѣло ихъ вовсе: во всемъ Оскольскомъ уѣздѣ въ 1617 году былъ только одинъ дворъ крестьянскій на 260 дворовъ помѣщичьихъ; въ 1626 году въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ числилось 320 помѣщиковъ; за ними было 250 дворовъ крестьянскихъ, 347 дворовъ бобыльскихъ; значитъ, на одного помѣщика приходилось въ среднемъ 0,7 крестьянскихъ и 1,1 бобыльскихъ дворовъ; въ 1651 году ни у одного изъ дѣтей боярскихъ

города Карпова не было ни крестьянъ ни бобылей. Отсутствіе крестьянъ и бобылей у новоприборныхъ служилыхъ людей отдаляло ихъ отъ дворянъ. Въ концѣ XVII столѣтія дѣти боярскіе однодворцы подвергались въ случаѣ неисправности въ платежѣ податей аресту и правежу наряду съ холопами и крестьянами. Въ общемъ, можно сказать, что во второй половинѣ XVII столѣтія въ южныхъ областяхъ Московскаго государства образовалась значительная масса мелкихъ служилыхъ людей, однодворцевъ въ собственномъ смыслѣ слова, дворянскій составъ которой былъ въ значительной степени разрѣженъ не дворянскими элементами; всѣ эти служилые люди фактически приближались по своему положенію къ крестьянамъ.

Въ виду того, что однородцы непрерывно сохраняли много оригинальныхъ чертъ какъ въ своемъ сословномъ положеніи, такъ и въ своемъ земельномъ строѣ, мы теперь же прослѣдимъ ихъ исторію до нашего времени. Законодательство Петра смотрѣло на однодворцевъ, именно, какъ на крестьянъ. Въ указѣ 22 января 1719 года о подачѣ ревизскихъ сказокъ однодворцы смѣшиваются съ государственными крестьянами. Кромѣ 74-хъ копѣечной подворной подати, однодворцы должны были платить 40 копѣекъ: „понеже на однодворцевъ, на черносошныхъ крестьянъ, татаръ и ясашныхъ и на пашенныхъ и на другихъ имъ подобныхъ государственныхъ крестьянъ, которые не за помѣщики, на тѣхъ положено сверхъ настоящаго подушнаго сбора, вмѣсто помѣщичья доходу, еще по 4 гривны съ души“.

Подушная подать и добавочный четырехгривенный сборъ былъ тѣмъ шагомъ, который превратилъ однодворцевъ въ особенный разрядъ государственныхъ крестьянъ. Въ XVIII столѣтіи была, однако, черта, которая еще отдѣляла однодворцевъ отъ крестьянства: однодворцы продолжали нести опредѣленныя военныя повинности, какъ это было и раньше. Съ 1717 года была учреждена *ландмилиція*—пограничная служба на южной границѣ, въ которую и были поверстаны часть однодворцевъ отъ 15 до 30 лѣтъ. Съ переселеніемъ ихъ изъ прежнихъ мѣстъ жительства далѣе на югъ, на границу нынѣшнихъ Харьковской и Екатеринославской губерній, повинность ландмилицкой службы продолжалась до 1779 года, когда ландмилицкіе полки были сравнены съ армейскими. Присоединеніе Крыма въ 1783 году сдѣлало совершенно ненужнымъ существованіе особаго ландмилицкаго войска. Вслѣдствіе этого въ томъ же 1783 году однодворцы были сравнены въ отправленіи рекрутской повинности и въ платежѣ податей съ прочими казенными крестьянами, причемъ они сохранили право служить въ войскахъ только 15 лѣтъ. Кромѣ ландмилицкой службы, однодворцы несли еще цѣлый рядъ повинностей—дорожную, содержаніе перевозовъ, постойную и др.

Другая чѣрта, которая очень долго напоминала о томъ, что однодворцы принадлежали къ дворянству, было ихъ право владѣть крѣпостными. Выше приведены примѣры, рисующіе число однодворческихъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ; по 3-й ревизіи (1760-е годы) ихъ было всего 17675 душъ мужескаго пола, по 4-й ревизіи (1780-ые годы)—21531 душъ. Въ 1834 году—около 11000, т. е. по одному крестьянину на 112 однодворцевъ. Однодворцы могли продавать крестьянъ только лицамъ своего званія; указомъ 1794 года имъ было запрещено отпускать ихъ на волю. Съ 1841 года правительство приступило къ постепенному выкупу однодворческихъ крестьянъ въ казну съ уплатой по 100 руб. за душу. До 1858 года казною было пріобрѣтено 7886 душъ; въ этомъ году повелѣно выкупить всѣхъ остальныхъ. Самихъ однодворцевъ по 8-ой ревизіи (1833—35 г.) было 1238000 ревизскихъ душъ.

Особый интересъ и значеніе представляетъ земельное устройство однодворцевъ. Люди низшихъ разрядовъ служилаго класса на южной окраинѣ испомѣщались почти всегда группами. Земля, соотвѣтственно долѣ каждаго члена группы, отводилась общей площадью, которую имъ предоставлялось раздѣлить между собою. Для устраненія возможной несправедливости при раздачѣ земли и для избѣжанія того, чтобы различнымъ людямъ доставались земли различнаго качества, вся пахатная земля разбивалась на нѣсколько частей или ярусовъ, соотвѣтственно своимъ качествамъ. Каждый членъ товарищества получалъ въ каждомъ ярусѣ полосу земли, величина которой соотвѣтствовала его помѣстному окладу, т. е. количеству четвертей (полудесятина), на которое онъ имѣлъ право: отсюда за однодворческимъ землевладѣніемъ утвердилось названіе *четвертное*, уцѣлѣвшее до сихъ поръ. Ярусъ дѣлился на узкія длинныя полосы. Лѣсъ, выгонъ и сѣнокосъ находились въ общемъ неразмежеванномъ пользованіи. Повидимому, возможны были переверстки земельныхъ угодій, но право на извѣстную долю, и притомъ опредѣленную, оставалось вѣчнымъ. Части владѣній каждаго дробились по числу наслѣдниковъ. Владѣніе однодворцевъ оставалось неизмѣнно *долевымъ*. Оно напоминало до мельчайшихъ подробностей землевладѣніе сѣверныхъ складниковъ-крестьянъ и земельный бытъ владѣльцевъ неразмежеванныхъ помѣстій XVI—XVII вѣковъ.

Послѣ приравненія помѣстныхъ земель къ вотчиннымъ однодворцы стали продавать свои земли. Указъ 1727 года призналъ эти продажи, но запретилъ допускать ихъ впредь; однако, указъ этотъ, подкрѣпленный межевой инструкціей 1766 года, не примѣнялся строго. Равномѣрный раздѣлъ земель между наслѣдниками уменьшалъ однодворческіе участки: раздробленіе земель и черезполосица становились все бо́льшими. Подъ вліяніемъ этого возникали просьбы о прирѣзкѣ земель и переверсткѣ земель поровну между наличными душами селеній. Такъ

какъ удовлетворить вторую просьбу было легче, чѣмъ первую, то съ половины XVIII столѣтія сталъ замѣтенъ переходъ отъ долевого или „*четвертного*“ землевладѣнія къ землевладѣнію общинному съ уравнительными передѣлами. Начавшись во второй половинѣ XVIII вѣка, передѣлы однодворческихъ земель происходили чаще всего въ 30—50-хъ годахъ XIX столѣтія; правительство поддерживало это теченіе. Обращеніе четвертного землевладѣнія въ общинное происходило неравномѣрно по различнымъ частямъ территоріи, занятой однодворцами; въ восточной окраинѣ (въ губерніяхъ Воронежской, Тамбовской, Рязанской) этотъ процессъ начался ранѣе, шелъ энергичнѣе и завершился почти полнымъ переходомъ отъ долевого къ общинному землевладѣнію. Ближе къ западу (губерніи Тульская, Курская, западная часть Орловской) четвертное землевладѣніе сохранялось устойчивѣе. Въ 1851 г. по формамъ землевладѣнія однодворцы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 453.000 ревизскихъ душъ владѣли землею по четвертямъ; 737.000 по душамъ, т. е. на общинномъ правѣ. Переходъ отъ четвертного землевладѣнія къ общинному продолжался, однако, и позднѣе, несмотря на то, что этому создалось сильное препятствіе вслѣдствіе преобразованія быта государственныхъ крестьянъ въ 60-хъ годахъ, когда четвертная пашня была записана за главами семействъ и была допущена продажа четвертныхъ земель людямъ всѣхъ сословій. Общая картина четвертного землевладѣнія въ настоящее время та же, что и въ XVII вѣкѣ; его вліяніе на земледѣліе надо считать отрицательнымъ, потому что малоземельные хозяева часто не подчиняются обязательному сѣвообороту, но добиваются приговора объ уничтоженіи обязательнаго пара и тогда пашутъ свои участки до полнаго ихъ истощенія.

§ 31. Ямское землевладѣніе.

Другимъ особымъ видомъ служилаго землевладѣнія было землевладѣніе *ямщиковъ*. *Ямъ* слово татарское и значитъ, повидимому, дорога, путь. Еще въ XV столѣтіи Московскими князьями для сношенія съ ордой, а потомъ и для сношеній съ главнѣйшими городами своего княжества были устроены правильныя сообщенія посредствомъ особыхъ людей, служба которыхъ состояла исключительно въ перевозкѣ княжескихъ грамотъ и другихъ государственныхъ документовъ изъ столицы въ главные города страны и обратно. Мало по малу дѣло развивалось и въ XVI—XVII столѣтія *ямская гоньба* происходила между Москвою и всѣми крупными городами царства; она обезпечивала также и правительственныя сношенія между столицей и пограничными областями. Для сношеній частныхъ лицъ ямская гоньба не была предназначена.

Вознагражденіе ямщиковъ за ихъ службу было построено на тѣхъ

же основаніяхъ, какъ и вознагражденіе служилыхъ людей. Составляя особое сословіе, для котораго ямская гоньба, связанная съ содержаніемъ лошадей и подводъ, была сословной повинностью, ямщики жили особыми слободами и получали для своего обезпеченія участки земли, которыми въ виду малаго размѣра долей владѣли сообща, какъ складники, подобно другимъ коллективнымъ землевладѣльцамъ старой Руси. О размѣрахъ земельныхъ угодій, отводившихся ямщикамъ, и объ организаціи этого вида землевладѣнія можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: въ Москвѣ существовало пять Ямскихъ слободъ соотвѣтственно пяти главнымъ дорогамъ, шедшимъ отъ Москвы; вдоль дорогъ были расположены нѣсколько дополнительныхъ придаточныхъ ямовъ, составлявшихъ одно административное цѣлое съ самой слободой; Московскія слободы, изъ которыхъ въ каждой было по нѣскольку десятковъ дворовъ, владѣли землею въ такихъ размѣрахъ:

1. Слобода Дорогомиловская (Смоленская дорога) съ придаточными ямами имѣла . . . . . 679,5 дес. пашни и перел.
2. „ Коломенская (дорога на югъ) . 495 „ „ „ „
3. „ Рогожская (дорога во Владиміръ и Нижній-Новгородъ) . . . . 342 „ „ „ „
4. „ Переяславская (дорога въ Ярославль, Вологду и Архангельскъ). 381 „ „ „ „
5. „ Тверская (дорога въ Тверь и Новгородъ) . . . . . 732 „ „ „ „

Такимъ образомъ, въ Москвѣ и ея уѣздѣ, гдѣ сходились всѣ главныя дороги страны, было всего 2639,5 десятинъ пахатной земли во владѣніи ямщиковъ; земли Владимірскихъ ямщиковъ занимали всего 1317 десятинъ. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что этотъ служилаго землевладѣнія, стоявшій особнякомъ, былъ количественно весьма незначителенъ.

§ 32. Землевладѣніе городскихъ жителей.

О главнѣйшемъ видѣ неслужилаго землевладѣнія, — землевладѣніи крестьянскомъ, уже говорилось выше. По мѣрѣ обособленія города и деревни и закрѣпощенія послѣдней въ большей части Московскаго государства, тяглое сословіе, когда то единое, стало разбиваться на двѣ половины: крестьянъ и горожанъ или *посадскихъ людей*. Посадскіе люди съ теченіемъ времени наряду съ другими сословіями получили свое сословное тягло, которое заключалось въ веденіи торговли, въ занятіяхъ промыслами и въ безвозмездномъ исполненіи различныхъ порученій правительства по части всякихъ денежныхъ сборовъ, продажи

казеннаго вина и т. п. Всѣ посадскіе жители имѣли право владѣть землей внутри города и въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Въ писцовыхъ наказахъ XVII столѣтія предписывается межевать и записывать за посадскими людьми выгонныя земли, рыбныя ловли, мельницы, расположенныя близъ города, не опредѣляя точно ни разстоянія, въ какомъ эти угодія должны были быть отъ города, ни ихъ размѣровъ (впервые размѣры городскаго землевладѣнія опредѣлены были межевой инструкціей 1766 г., см. § 40). Владѣть землею „въ уѣздѣ“, т. е. имѣть вотчины, имъ запрещалось, такъ какъ это противорѣчило ихъ сословному тяглу, а скупка дворянскихъ вотчинъ могла стать препятствіемъ для правильнаго несенія службы дворянами съ ихъ вотчинныхъ земель. Зато Московское правительство по возможности оберегало посадскихъ людей отъ вторженія въ городъ другихъ сословій; дворянамъ разрѣшалось имѣть въ городѣ только осадные дворы для военнаго времени; крестьянъ, селившихся въ городѣ и иногда конкурировавшихъ съ посадскими людьми въ торговлѣ и промыслахъ, старались или удалить изъ города или же включить въ число посадскихъ людей. Такъ въ 1650 году крестьяне, переселившіеся въ г. Бѣжецкъ изъ сосѣднихъ Троицкихъ вотчинъ, были возвращены въ свои деревни, торговля ихъ прекращена и лавки закрыты; то же случилось и въ нѣкоторыхъ городахъ Суздальскаго края, напримѣръ въ Шуѣ; наоборотъ, всѣ подгородныя слободы Москвы, населенныя владѣльческими, дворцовыми и монастырскими крестьянами, были включены Соборнымъ Уложеніемъ въ составъ города, а жители ихъ обращены въ Московскихъ посадскихъ людей.

Только одинъ разрядъ неслужилаго сословія издавна пользовался правомъ вотчиннаго землевладѣнія: это были *гости*,—высшій слой посадскаго населенія, приписанный къ столицѣ, но имѣвшій право торговать по всему Московскому государству и исполнявшій самыя отвѣтственныя порученія правительства. Наблюденія надъ фактической стороной убѣждаютъ, что вотчины гостей дѣйствительно существовали, но были очень неравномѣрно распредѣлены въ странѣ; ихъ болѣе всего было на сѣверѣ, въ области, гдѣ пролегала большая торговая дорога изъ Москвы къ Бѣлому морю; капиталисты Сѣвернаго края, происходившіе изъ мѣстныхъ черныхъ крестьянъ, богатѣя и получая званіе гостей, пріобрѣтали вотчины въ своемъ родномъ краѣ, состоявшія иногда изъ нѣсколькихъ деревень и занимавшія очень большую площадь. Наоборотъ, въ центральныхъ уѣздахъ государства вотчинъ гостей не было почти вовсе; какъ рѣдкое исключеніе попадались онѣ въ окрестностяхъ столицы; далѣе къ югу онѣ, кажется, совершенно отсутствовали.

Не смотря, однако, на сравнительную малочисленность вотчинъ гостей законодательство второй половины XVII вѣка смотрѣло на нихъ

недоброжелательно и старалось стѣснять понемногу это исконное право гостей. Такая тенденція выразилась въ указѣ 15 іюня 1666 года, подтвержденномъ 19 іюня 1679 г., которымъ разрѣшалось записывать въ помѣстномъ приказѣ, т. е. утверждать купчія на вотчины, пріобрѣтенныя гостями, только по *подписнымъ челобитнымъ* самихъ гостей, иначе сказать по особымъ ихъ ходатайствамъ, восходившимъ до боярской думы и самого государя. Указъ этотъ слѣдуетъ привести въ связь съ помянутымъ выше общимъ запрещеніемъ посадскимъ людямъ владѣть землями въ уѣздѣ: оба явленія указываютъ, что уже въ XVII столѣтіи право владѣть вотчиной разсматривалось какъ право исключительно дворянское, неразрывно соединенное съ обязательствомъ службы. Стѣсненіе землевладѣнія гостей свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что во второй половинѣ вѣка такое воззрѣніе постепенно прогрессировало. Мы увидимъ, что въ XVIII столѣтіи оно сдѣлало дальнѣйшіе и значительные успѣхи (§ 39).

§ 33. Образованіе вольного казачества.

Въ предыдущемъ изложеніи неоднократно приходилось указывать на колонизаціонное движеніе, начавшееся въ Московскомъ государствѣ въ XVI столѣтіи (§§ 15, 22, 30). Оно направлялось на югъ и выражалось въ томъ, что черноземный край, прилегавшій съ юга къ Московскому государству, заселялся прежде всего вольными колонистами, уходившими со среднерусскаго суглинка и песка въ надеждѣ найти плодородную землю и избавленіе отъ податныхъ тяготъ; но за ними неумолимо двигалось и само государство; оно основывало города, проводило валы, устраивало засѣки, которыя должны были преградить доступъ крымскимъ татарамъ и насаждало служилое землевладѣніе, чтобы дать защитниковъ новому краю. Многіе изъ первыхъ насельниковъ края, вольныхъ колонистовъ, подчинялись вновь настигшей ихъ здѣсь власти Московскаго государства, становились военными защитниками его южныхъ границъ или опять обращались въ тяглецовъ—крестьянъ или посадскихъ. Тѣ, кто не хотѣлъ помириться съ новымъ положеніемъ вещей, и новые выходцы, не переставшіе появляться изъ внутреннихъ областей государства, должны были въ поискахъ привольнаго житья уходить далѣе на низовья большихъ русскихъ рѣкъ, къ Черному и Каспійскому морямъ. Здѣсь, освободившись отъ власти Московскаго государства, они устраивали свою жизнь на новыхъ началахъ, образуя военныя братства, ведшія непрерывную борьбу съ вѣковыми врагами русскаго народа—татарами и нападавшія даже на Турцію и Малую Азію; борьба эта служила для нихъ и средствомъ для существованія. Вольные русскіе люди, основавшіеся на югѣ русской равнины съ самаго

начала, получили названіе *казаковъ*; слово „казакъ“ или „козакъ“ происхожденія татарскаго и, повидимому, обозначаетъ особый видъ коннаго развѣдочнаго войска. Ранѣе всего выходцы изъ Московскаго царства основались на Низовьяхъ Дона и Волги. Позднѣе становятся извѣстными еще два великорусскихъ казачьихъ центра—казаки Яицкіе и Гребенскіе. Появленіе послѣднихъ стоитъ въ связи съ отношеніями, которыя установились между казаками и Московскимъ царствомъ. Рядомъ съ великорусскимъ казачествомъ, къ западу образовалось казачество Днѣпровское, пополняемое главнымъ образомъ выходцами изъ западной Руси. Ограничимся теперь казаками великорусскаго происхожденія.

Достовѣрныя свѣдѣнія о Донскихъ казакахъ начинаются со второй половины XVI вѣка. Въ 1570 году царь Иванъ IV находился уже въ сношеніяхъ съ самостоятельной Донской казачьей общиной. Въ то же самое время Московское правительство, желая укрѣпить въ своихъ рукахъ весь Волжскій путь, концы котораго сдѣлались его достояніемъ со времени покоренія Казани и Астрахани, начинаетъ вытѣснять вольное казачество съ средняго и нижняго теченія Волги. Очень вѣроятно, что именно въ связи съ этимъ гоненіемъ на Волжскихъ казаковъ стоитъ появленіе двухъ наиболѣе далекихъ казачьихъ общинъ на рр. Яикѣ, (Уралѣ) и Терекѣ. О поселеніи въ XVI столѣтіи русскихъ вольныхъ казаковъ на Яикѣ извѣстно только по преданію; но еще въ XVII столѣтіи Яицкіе казаки смотрѣли на Донъ какъ на свою метрополію. Казачество Терское или Гребенское становится извѣстнымъ около того же времени. Отношеніе упомянутыхъ трехъ казачьихъ общинъ къ Московскому правительству складывались не совсѣмъ одинаково; Донское было ближе всего отъ Москвы; колонизація русскаго юга постепенно еще болѣе приближала Донъ къ областямъ Московскаго государства; черезъ область Донскихъ казаковъ велись въ XVII вѣкѣ постоянныя сношенія Москвы съ ближнимъ востокомъ; вслѣдствіе этого отношенія Дона къ Москвѣ пріобрѣтаютъ болѣе постоянный характеръ, хотя по существу они далеко не всегда одинаковы: въ смутное время Донскіе казаки приходятъ грабить Московское царство, позднѣе между Дономъ и Москвой устанавливаются дружескія сношенія, которыя къ концу XVII вѣка уже переходятъ въ окончательное подчиненіе Дона Москвѣ. Казачество Гребенское, само по себѣ очень малочисленное, уже съ 1586 года признаетъ власть царскихъ воеводъ только что основанной крѣпости Терковъ; зависимость эта, однако, неоднократно прерывалась вслѣдствіе слабости русской власти въ Предкавказьѣ; окончательно она окрѣпла только при Петрѣ. Въ противоположность Донскому и Терскому казачеству, казачество Яицкое оставалось въ теченіе XVII вѣка болѣе самостоятельнымъ; только съ 1670 года его подчиненіе Москвѣ

сдѣлалось болѣе прочнымъ и его стали наряжать на службу по усмотрѣнію Московскаго правительства.

Внутреннее устройство всѣхъ казачьихъ общинъ въ первое время ихъ существованія было почти одинаковымъ: его важнѣйшія черты заключались въ общемъ владѣніи земельными угодіями при полномъ отсутствіи частной собственности, во всеобщемъ равенствѣ и управленіи посредствомъ выборныхъ. Землевладѣніе не имѣло въ началѣ большого значенія у казаковъ; казаки Яицкіе и Гребенскіе и позднѣе занимались почти исключительно рыболовствомъ. Однако, занятіе хлѣбопашествомъ, неизмѣнно влекшее за собою освоеніе земли, бывшей достояніемъ всего казачества, шло совершенно въ разрѣзъ казачьему строю: этимъ объясняются искусственныя попытки задержать развитіе землевладѣнія въ самомъ зародышѣ; въ XVII столѣтіи рѣшеніемъ войскового округа было запрещено подъ страхомъ наказанія занятіе хлѣбопашествомъ. Впрочемъ соціальная и экономическая эволюція Донского казачества приводила къ результатамъ противоположнымъ тѣмъ, къ которымъ стремился войсковой округъ. Уже въ XVII вѣкѣ казаки на Дону жили осѣдлой жизнью; существовали городки и станицы; вопросъ о пропитаніи этого населенія могъ быть разрѣшенъ только развитіемъ земледѣлія. Само войско очень рано стало распадаться на два слоя: казаковъ *голутвенныхъ*—бездомныхъ бѣдняковъ, представителей первобытной казачьей вольницы и казаковъ *домовитыхъ*, зажиточныхъ, осѣдлыхъ, сильныхъ экономически; изъ нихъ въ болѣе позднее время выбиралось войсковое управленіе; домовитое казачество имѣло прочныя связи съ Москвой и пользовалось постоянной поддержкой Московскаго правительства. Домовитое казачество обрабатывало и присваивало себѣ земли несмотря на когда то изданныя запрещенія воздѣлывать землю. Въ XVIII столѣтіи, когда Донское казачество уже вошло въ составъ имперіи въ качествѣ его нераздѣльной части, потомки домовитыхъ казаковъ окончательно завоевали себѣ привиллегированное положеніе; къ XIX столѣтію они сдѣлались мѣстнымъ землевладѣльческимъ дворянствомъ. Имѣнія этого привиллегированнаго слоя были заселены частью измельчавшими и обѣднѣвшими казаками, частью крестьянами, разными путями попадавшими въ землю войска Донского изъ внутреннихъ губерній; нерѣдко крестьянъ переселяли сами донскіе землевладѣльцы. Жившіе на частновладѣльческихъ земляхъ мѣстные обыватели сохраняли до конца XVIII столѣтія право свободнаго перехода на другія земли, если были въ состояніи разсчитаться съ землевладѣльцемъ; указомъ 12 декабря 1796 г. это право было уничтожено одновременно съ правомъ перехода крестьянъ во всей Новороссіи. Съ этого времени судьба Донского крестьянства тѣсно сливается съ судьбами остального великорусскаго крестьянства.

Литература: *Неволинъ.* Исторія гражданскихъ законовъ. 3 т. Спб. 1851 и въ „Собраніи соч.“ т. 3—5 Спб. 1857—59. *Ключевскій.* Курсъ русской исторіи т. II, т. III. М. 1906—1908. *Его же:* Исторія сословій въ Россіи. М. 1913. *Рождественскій.* Служилое землевладѣніе въ Моск. государствѣ XVI вѣка. Спб. 1897. *Готье.* Замосковный край въ XVII в. М. 1906. *Седашевъ.* Очерки и матеріалы по исторіи землевладѣнія Моск. Руси въ XVII в. М. 1912 (въ Извѣстіяхъ Константиновскаго Межевого Института, вып. II и III и отдѣльно). *Огановскій.* Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи. М. 1911. *Сторожевъ.* Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду. Спб. 1906. *Сторожевъ.* Указная книга помѣстнаго приказа. М. 1889. (Описаніе Докум. и Бумагъ Моск. Архива Мин. Юстиціи, т. VI и отдѣльно). *Бѣляевъ.* О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ Государствѣ. М. 1851. (Временникъ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ т. XI). *Лаппо.* Тверской уѣздъ въ XVI столѣтіи. М. 1894 (Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. и отдѣльно). *Павловъ-Сильванскій.* Государевы служилые люди. Спб. 1898. *Шумаковъ.* Мѣна. Журн. Мин. Нар. Просв. 1906, № 11. *Ивановъ П.* Сябры помѣщики. Ж. М. Н. Пр. 1903, № 12. *Дьяконовъ.* Очерки государственнаго и общественнаго строя древней Руси. Спб. 1907, 1908, 1910, 1912. *Платоновъ.* Очерки по исторіи смуты. Спб. 1900, 1901, 1910 (гл. II). *Сухотинъ.* Земельныя пожалованія при царѣ Владиславѣ. М. 1911.

Чичеринъ. Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в. (Въ опытахъ по исторіи русскаго права. М. 1858). *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси. М. 1860; слѣд. изд.: 1879, 1891, 1903. *Энгельманъ.* Исторія крѣпостного права въ Россіи; перев. подъ ред. Кизеветтера. М. 1900. *Побѣдоносцевъ.* Историческія изслѣдованія и статьи. Спб. 1876. *Ключевскій.* Происхожденіе крѣпостного права. *Его же:* Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи (Р. Мысль 1885 и 1886 гг. и Первый сборникъ статей. Опыты и изслѣдованія. М. 1913). *Дьяконовъ.* Очерки изъ исторіи сельскаго населенія Московской Руси. Спб. 1898. Великая Реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ т. I. М. 1911. *Лаппо-Данилевскій.* Организація прямого обложенія отъ Смутнаго времени до эпохи преобразованій. Спб. 1890. *Его же:* Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московской Руси XVI—XVII вѣковъ. (Въ отчетѣ о 41 присужденіи премій гр. Уварова). *Его же:* Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ сельскаго населенія въ Россіи. (Въ сборникѣ „Крестьянскій строй“. Спб. 1905). *Ефименко А. Я.* Изслѣдованія народной жизни. М. 1884. *Соколовскій П.* Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб. 1878. *Сергѣевичъ.* Русскія юридическія древности. 3 т. Спб. 1890—1903. *Рожковъ.* Сельское хозяйство Московской Руси XVI вѣка. М. 1899. *Рождественскій.* Къ исторіи отмѣны урочныхъ лѣтъ (въ сборникѣ статей въ честь В. О. Ключевскаго. М. 1909). *Богословскій.* Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII столѣтіи. 2 т. М. 1909—1912. *Островская М.* Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера. Спб. 1913. *Ивановъ П.* Земельные союзы и передѣлы крестьянъ на сѣверѣ. (Труды Археограф. комиссіи Моск. Археол. Общества, т. II. М. 1901). *Его же:* Къ исторіи крестьянскаго землевладѣ-

нія на сѣверѣ (Тамъ же, т. I, М. 1900). *Клочковъ.* Къ вопросу о складникахъ. Ж. М. Н. П. 1901, № 11. *Милюковъ.* Статья „Крестьяне“ въ Энц. слов. Брокгауза и Эфрона, т. 32.

Haxthausen. Studien über die innern Zustände des Volkslebens und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands 3 vols. Berlin 1847—52. *Чичеринъ.* Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи. *Его же:* Еще о сельской общинѣ (объ статьи въ „Опытахъ по ист. р. права“. М. 1858). *Бѣляевъ.* Разборъ соч. Чичерина. „Обзоръ ист. развитія сельской общины“. *Его же:* Еще о сельской общинѣ. *Его же:* Споръ о сельской общинѣ С. Соловьева. (Всѣ статьи въ журналѣ „Р. Бесѣда“. 1856, кн. 1, 2, 4). *Keussler.* Zur Geschichte und Kritik des Bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland 2 т. 1876—82. *Соколовскій.* Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877. *Куплевасскій.* Состояніе сельской общины въ XVII вѣкѣ на дворцовыхъ земляхъ и на земляхъ духовенства и свѣтскихъ владѣльцевъ. Кіевъ. 1877. *Leroy-Beaulieu.* L'Empire des tzars et les Russes 3 vols. Paris 1881—1889. *Качоровскій.* Русская община. Спб. 1901, М. 1906. *В. В.* Крестьянская община (Въ „Итогахъ экономич. изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики“. М. 1892). *Кауфманъ.* Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста. М. 1908. *Сергѣевичъ.* Крестьянскія права и общинное землевладѣніе въ Архангельской губерніи. Ж. М. Юстиціи. 1907, № 2. *Павловъ-Сильванскій.* Феодализмъ въ удѣльной Руси. Спб. 1910. *Архангельскій.* Къ вопросу о происхожденіи русской общины. (Въ сборникѣ статей въ честь Д. А. Корсакова. Казань. 1913). *Приклонскій.* Народная жизнь на сѣверѣ. М. 1884. *Лалошъ.* Сельская община въ Олонецкой губерніи. Отечеств. Записки. 1874, № 2. *Щербина.* Сольвычегодская земельная община. От. Зап. 1879, №№ 7 и 8. *Щепотьевъ.* Къ исторіи разрушенія сложныхъ формъ общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ. Р. Мысль. 1883, № 12. *Добротворскій.* Поземельная община въ Орловскомъ уѣздѣ Вятск. губ. Р. Мысль. 1884, № 9.

Милютинъ. В. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. М. 1861. *Павловъ.* Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Одесса. 1871. *Горчаковъ.* О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода. Спб. 1871; *его же:* Монастырскій приказъ. Спб. 1868. *Суворовъ.* Псковское церковное землевладѣніе въ XVI—XVII вв. Ж. М. Н. П. 1905—1907 гг. *Покровскій.* Казанскій архіерейскій домъ. Казань. 1906. *Сторожевъ.* Монастырское землевладѣніе на Вологдѣ по даннымъ 1627—1630 гг. (Въ сборникѣ статей въ честь В. О. Ключевскаго. М. 1909). *Грековъ.* Новгородскій домъ св. Софіи. Опытъ изученія организаціи и внутреннихъ отношеній крупной церковной вотчины. Спб. 1914.

Гурляндъ. Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ. Ярославль. 1901. *Благовѣщенскій.* Четвертное право. М. 1899. *Шмелевъ.* Нѣсколько замѣчаній объ однодворцахъ. (Отчетъ о 2-мъ присужденіи премій, учрежд. Харьков. земельнымъ банкомъ при Харьк. Университетѣ. Харьковъ. 1901).

Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. М. 1894. *Багалѣй.* Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. государства. М. 1887. *Бѣляевъ.* О сторожевой

и станичной службѣ на Польской украйнѣ Моск. государства. М. 1846 (въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. Росс. и отдѣльно).

Броневскій. Исторія Войска Донского. 3 т. Спб. 1834. *Савельевъ.* Трехсотлѣтіе Войска Донского. Спб. 1870. *Сухоруковъ.* Историческое описаніе земли Войска Донского. Новочеркасскъ. 1867—72; 2-ое изд. тамъ же 1906. *Рябининъ.* Уральское казачье войско. Спб. 1866. *Стариковъ.* Краткій историческій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска. Оренб. 1890. *Попко.* Терскіе казаки. Спб. 1880. *Фелицынъ.* Кубанское казачье войско. Воронежъ. 1880.

ГЛАВА VII.

Имперія въ XVIII столѣтіи.

§ 34. Общія замѣчанія о соціальной и земельной политикѣ Петра.

Забота о благѣ государства, какъ онъ его понималъ, стояла въ дѣятельности Петра всегда на первомъ планѣ; это проявлялось на каждомъ шагу какъ въ упорной борьбѣ со Швеціей за преобладаніе на берегахъ Балтійскаго моря, такъ и въ сдѣланной Петромъ попыткѣ переустроить страну на новыхъ началахъ, что составляло преимущественный предметъ его заботъ въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни. Заботясь о преуспѣяніи и благѣ всей страны, какъ цѣлаго, Петръ, поэтому, былъ менѣе склоненъ заботиться объ одностороннемъ благѣ какой-нибудь отдѣльной группы своихъ подданныхъ. Уже въ XVII столѣтіи политика земельная стала въ тѣсную связь съ политикой сословной; наслѣдіе, полученное Петромъ въ сферѣ сословной политики, выражалось въ уже замѣтномъ стремленіи сдѣлать владѣніе землею исключительнымъ правомъ дворянства и въ неуклонномъ развитіи крѣпостного права; Петръ былъ слишкомъ крупной личностью, чтобъ слѣпо подчиниться намѣтившемуся ходу вещей; онъ былъ съ другой стороны слишкомъ занятъ разрѣшеніемъ своихъ задачъ по веденію войны, организаціи арміи и перестройки государственныхъ учрежденій, чтобы выступать въ качествѣ соціальнаго реформатора. Вслѣдствіе этого общее направленіе его соціальной политики не отличается послѣдовательностью; въ его законодательствѣ можно встрѣтить не мало противорѣчій, объясняемыхъ требованіями момента, нерѣдко мимолетными и случайными.

Петръ, не жалѣя, раздавалъ земли съ населявшими ихъ крестьянами въ частныя руки; такъ заставляло его поступать безденежье, соединенное съ сознаніемъ необходимости оплачивать службу своихъ сподвижниковъ. Раздача въ особенности коснулась дворцовыхъ селъ и волостей; вотъ нѣсколько примѣровъ земельныхъ пожалованій за первые 10 лѣтъ единодержавія Петра. Бояринъ Т. Н. Стрѣшневъ получилъ въ 1689—1690 гг. 263 двора съ 3750 десятинами пашни въ Московскомъ и

Суздальскомъ уѣздѣ; въ 1690—91 г. членамъ породнившейся съ Петромъ семьи Лопухиныхъ было дано въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ 406 крестьянскихъ дворовъ и около 6000 десятинъ пашни, въ тѣ же самые годы различные представители семьи Нарышкиныхъ были надѣлены подъ самою Москвою 166 дворами при 1500 десятинъ пахотной земли.

Въ первые годы XVII столѣтія сподвижники преобразователя получили пожалованія еще болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, какія давались въ 1689—1700 гг. Такъ Меньшиковъ получилъ въ Московскомъ уѣздѣ волости Домодѣдовскую, Гуслицу, Гвоздну и села верхнее и нижнее Мячково съ 1270 дворами и около 20000 пахатной земли. Бояринъ Б. П. Шереметевъ получилъ обширную Юхотскую волость въ Ярославскомъ уѣздѣ—1700 дворовъ, 1800 десятинъ пашни и огромное количество лѣса. Князю Григорію Ѳедоровичу Долгорукову досталась въ Московскомъ уѣздѣ Хотунская волость (700 дворовъ, 9000 дес. пашни и большіе лѣса). Такая же раздача производилась и по другимъ областямъ государства; не лишенъ интереса общій итогъ ея за 1682—1711 годы: всего изъ дворцовыхъ земель было роздано 43659 дворовъ и около милліона десятинъ земли.

Податная реформа Петра, выразившаяся въ введеніи подушной подати взамѣнъ прежняго подворнаго обложенія (1722 г.), не имѣла исключительно фискальнаго значенія: обязательная записка всѣхъ тяглыхъ людей въ подушный окладъ и тщательный подсчетъ населенія, какого не практиковалось ранѣе, сдѣлали изъ этой реформы цѣлую революцію, предпринятую въ видахъ пользы государству. Необходимость найти рабочія руки для нарождающейся національной промышленности заставила Петра приписывать населенныя земли къ фабрикамъ и заводамъ (объ этомъ ниже § 35).

Перечисленныя мѣры, предпринятыя во имя государственнаго блага, складывались не къ выгодѣ низшихъ классовъ; но это не значитъ, чтобы Петръ сознательно игнорировалъ интересы меньшой братіи; тамъ гдѣ требовала того государственная польза, Петръ выступалъ ихъ защитникомъ. Въ указѣ о порядкѣ набора солдатъ, изданномъ передъ началомъ войны со Швеціей, когда государственная польза требовала усиленія войска, разрѣшалось оставлять на службѣ съ уплатой по 11 р. за каждую душу всѣхъ тѣхъ холоповъ и крестьянъ, которые, „побѣжавъ отъ всякихъ чиновъ людей“, были зачислены въ солдаты. Это постановленіе шло совершенно въ разрѣзъ съ вѣковой политикой Московскаго правительства по отношенію къ бѣглымъ, а что оно не было мертвою буквою, объ этомъ свидѣтельствуетъ Посошковъ, разсказывающій, какъ сурово расправлялись въ Преображенскомъ приказѣ съ тѣми, кто, мѣшалъ его осуществленію.

§ 35. Указъ о единонаслѣдіи и его отмѣна.

Въ сферѣ чисто земельныхъ отношеній къ царствованію Петра Великаго относится указъ, имѣющій громадное значеніе по своей сущности и чрезвычайно типичный для Петровскаго законодательства какъ по формѣ своей, такъ и по содержанію: это именной указъ 23 марта 1714 года о порядкѣ наслѣдованія движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ. Онъ является логическимъ завершеніемъ всей предшествующей исторіи служилаго землевладѣнія, онъ типиченъ для Петра по своей подробной мотивировкѣ и ясно показываетъ, что Петръ во имя государственной пользы, какъ онъ ее понималъ, не задумывался ломать самые старинные и крѣпкіе русскіе юридическіе обычаи. Существующій порядокъ наслѣдованія недвижимости не удовлетворяетъ Петра потому, что дробленіе земельной собственности между многими наслѣдниками должно неминуемо привести къ обѣдненію дворянскихъ семействъ и къ обремененію крестьянъ помѣщичьими поборами, что въ свою очередь ослабитъ ихъ силу какъ плательщиковъ государственныхъ податей; наконецъ, дворяне „имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малый, ни въ какую пользу государства безъ принужденія служить не будутъ, но ищетъ всякій уклоняться и жить въ праздности“. Во избѣжаніе такихъ невыгодныхъ для государства явленій вводится новый порядокъ, устанавливающій, чтобы „недвижимыхъ вещей, т. е. родовыхъ, выслуженныхъ и купленныхъ вотчинъ и помѣстій (оба вида дворянскихъ земель названы здѣсь вмѣстѣ, и, такимъ образомъ, слиты въ одну общую дворянскую собственность) также и дворовъ не продавать, и не закладывать, но обращаться онымъ въ родъ“ такимъ образомъ, что владѣлецъ недвижимаго имѣнія можетъ передать свое недвижимое имѣніе тому изъ своихъ сыновей, кого онъ изберетъ, „другіе же дѣти обоего пола да награждены будутъ движимыми имѣніями, кромѣ онаго одного, который въ недвижимыхъ наслѣдникомъ будетъ“. При наличности однѣхъ дочерей поступаютъ такимъ же образомъ. Если владѣлецъ умираетъ безъ завѣщанія, то недвижимое имѣніе обязательно переходитъ старшему сыну (или во второмъ случаѣ старшей дочери). Не получившіе недвижимости называются кадетами и должны оставаться на обязательной службѣ только до 40 лѣтъ, послѣ чего могутъ „итти въ чинъ купеческій или какое знатное художество и въ духовные“.

Указъ о единонаслѣдіи считали позднѣе „изящнѣйшимъ благодѣяніемъ“, которое Петръ Великій оказалъ дворянству; такія рѣчи имѣли, конечно, въ виду обращеніе помѣстій въ дворянскую собственность; однако, какъ указано выше, указъ 1714 года явился завершеніемъ долгаго историческаго процесса и былъ въ извѣстной мѣрѣ признаніемъ уже существующаго факта. Кромѣ того, Петръ не освободилъ дворянства отъ его обязательной службы; за уклоненіе отъ службы полагался

при Петрѣ даже кнутъ и шельмованіе. Но въ главной своей части, въ установленіи единонаслѣдія, законъ 1714 года создавалъ положеніе необычное, и вводилъ принципъ совершенно новый для русскаго права, признававшаго всегда равенство правомочныхъ наслѣдниковъ. Единонаслѣдіе было очень не по вкусу дворянамъ, съ трудомъ мирившимся съ новымъ порядкомъ. Естественно, поэтому что наступившая послѣ смерти Петра эпоха дальнѣйшаго развитія дворянскаго могущества, не замедлила сказаться на судьбѣ непопулярнаго среди дворянъ закона: его отмѣна, послѣдовавшая въ 1731 году была первой изъ льготъ которой дворяне добились послѣ смерти Петра Великаго.

Указъ 1731 года отнюдь не имѣетъ одного лишь отрицательнаго значенія: отмѣняя единонаслѣдіе, онъ вводилъ правила наслѣдованія недвижимыхъ имуществъ, которыя оставались въ силѣ до изданія нынѣ дѣйствующаго закона 1911 года. Указъ 1731 г. повелѣвалъ дѣла о наслѣдствѣ вершить по Уложенію и по новоуказнымъ статьямъ, изданнымъ въ дополненіе къ нему; такимъ образомъ, какъ бы вновь въ полномъ объемѣ вводилось различіе между вотчиной родовой и вотчиной купленой. Однако, произведенное указомъ о единонаслѣдіи сліяніе вотчинъ и помѣстій оставалось въ силѣ: это заставляло вновь пересмотрѣть вопросъ объ обезпеченіи женщинъ. По прежнему законодательству женщины лишь въ очень ограниченныхъ случаяхъ наслѣдовали вотчинныя земли; между тѣмъ, съ превращеніемъ всѣхъ земель въ вотчины, для государства уже не было основанія ни даже возможности надѣлять дворянскихъ вдовъ и дочерей прожиточными помѣстьями. Чтобы выйти изъ затрудненія, былъ избранъ средній путь: за женщинами было признано право получать по наслѣдству вотчинныя земли, но размѣры получаемыхъ ими долей были заимствованы изъ помѣстнаго права. По закону 1731 года вдова получала 15 четвертей изъ каждыхъ 100 четвертей наслѣдственной земли; дочери въ половину меньше; доли эти ни что иное какъ среднее ариѳметическое изъ существовавшихъ въ XVII столѣтіи окладовъ прожиточныхъ помѣстій; съ переводомъ на простыя дроби наслѣдственныя доли женщинъ по указу 1731 года составляютъ $^1/_7$ для вдовы и $^1/_{14}$ для дочерей, нормы прочно и надолго утвердившіяся въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ.

§ 36. Земли при заводахъ и фабрикахъ и поссесіонные крестьяне.

Въ исторіи землевладѣнія царствованіе Петра ознаменовалось появленіемъ также новаго вида земельнаго владѣнія. Когда Петръ обратилъ особое вниманіе на развитіе русской промышленности, сейчасъ же возникъ вопросъ объ обезпеченіи фабрикъ рабочими руками, такъ какъ при господствѣ крѣпостного права едва ли можно было разсчитывать на достаточное количество вольнонаемныхъ рукъ.

Вопросъ былъ разрѣшенъ тѣмъ, что фабричныя работы стали исполняться такимъ же крѣпостнымъ трудомъ, какъ и сельскія работы въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. И въ этомъ случаѣ Петръ остался вѣренъ всегдашней своей утилитарной тенденціи во внутреннемъ законодательствѣ. Несмотря на то, что представленіе объ исключительномъ правѣ дворянъ на владѣніе землею, какъ собственностью, уже успѣло къ началу XVIII вѣка развиться довольно значительно, Петръ, имѣя въ виду выгоды государства, не задумался стать на противоположную точку зрѣнія. Въ 1721 году послѣдовалъ указъ, разрѣшавшій „для размноженія заводовъ какъ шляхетству такъ и купецкимъ людямъ къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно съ позволенія бергъ и мануфактуръ коллегіи, токмо подъ такою кондиціею: дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того какъ шляхетству такъ и купечеству тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать и на выкупъ никому не отдавать, развѣ кто похочетъ для необходимыхъ своихъ нуждъ тѣ деревни и съ тѣми заводы продать, то такимъ продавать съ позволенія бергъ-коллегіи“.

Фабрики и заводы основывались почти во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи, однако можно намѣтить двѣ области, гдѣ указъ 1721 года нашелъ себѣ наибольшее примѣненіе: это была вопервыхъ Московская губернія, занимавшая тогда весь центръ страны, и область уральскихъ горныхъ заводовъ: и тутъ и тамъ приписка крестьянъ къ заводамъ способствовала значительному сокращенію числа незакрѣпощенныхъ крестьянъ. Въ сѣверномъ Пріуральѣ законъ 1721 года привелъ даже къ полному исчезновенію черныхъ крестьянъ въ этой искони свободной крестьянской мѣстности.

Покупка населенныхъ имѣній къ фабрикамъ и заводамъ происходила и въ послѣпетровское время, хотя общее направленіе соціальной политики XVIII вѣка, слагавшееся односторонне въ пользу дворянъ, внесло съ теченіемъ времени нѣкоторыя ограниченія для фабрикантовъ-купцовъ: такъ въ 1752 г. для фабрикантовъ и заводчиковъ недворянъ было установлено опредѣленное количество душъ, которыя они могли покупать пропорціонально размѣрамъ завода или фабрики; на желѣзныхъ заводахъ на одну доменную печь по 160 дворовъ; на мѣдныхъ заводахъ по 50 дворовъ или по 200 душъ м. п. на каждые 1000 пудовъ выплавляемой мѣди; на различныхъ фабрикахъ отъ 12 до 42 душъ къ каждому станку. Нѣсколько позднѣе 29 марта 1762 г. при Петрѣ III приписка новыхъ селеній къ фабрикамъ и заводамъ была запрещена; „пока новое положеніе конфирмовано не будетъ“; при развитіи дѣла предлагалось „довольствоваться вольными наемными за договорную плату людьми“. Указъ этотъ былъ подтвержденъ и Ека-

териной II. Однако, въ самомъ концѣ столѣтія Павелъ I вновь разрѣшилъ покупать земли и крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ въ размѣрахъ, дозволенныхъ указомъ 1752 г., подтверждая условія, чтобы купленныя земли и крестьяне состояли за фабриками и заводами, но не за ихъ владѣльцами. Въ законодательствѣ императора Павла устанавливается и терминъ *поссессіонные крестьяне*, который утвердился за землями и крестьянами, приписанными къ фабрикамъ и заводамъ.

Наблюденія надъ фактами показываютъ, что существовало очень сильное стремленіе обходить всѣ выше приведенные ограничительные указы, а главное измѣнить самое существо поссессіоннаго владѣнія, т. е. добиться отдѣленія крестьянъ и ихъ земель отъ приписки къ промышленному предпріятію и обратить ихъ въ крѣпостныхъ крестьянъ на общихъ основаніяхъ.

Очень трудно въ точности установить, какое количество земли было приписано или прикуплено къ фабрикамъ и заводамъ. Нѣкоторое понятіе объ этомъ могутъ дать данныя о числѣ поссессіонныхъ крестьянъ по ревизіямъ XVIII столѣтія. За фабрикантами и заводчиками въ деревняхъ ихъ людей и крестьянъ:

по 2-ой ревизіи:	по 3-ей ревизіи:	по 5-ой ревизіи:
(1740-е гг.) 14.432 души м. пола.	(1760-е гг.) 16.256 д. м. пола.	(1790-ые гг.) около 28.000 душъ м. пола.

При этомъ наибольшее ихъ число всегда оказывалось въ губерніяхъ Московской, Казанской (къ которой тогда принадлежало Пріуралье) и Сибирской.

§ 37. Закрѣпощеніе земли въ исключительное владѣніе дворянъ.

Внутренняя исторія Россіи въ XVIII вѣкѣ характеризуется чрезвычайно сильнымъ развитіемъ могущества дворянства. Пройдя періодъ первоначальнаго накопленія матеріальныхъ силъ въ XVII столѣтіи, испытавъ нѣкоторую задержку въ ростѣ своего вліянія при Петрѣ, дворянство послѣ его смерти стремится стать дѣйствительно господствующимъ сословіемъ въ имперіи. Стремленіе это выражается въ постепенномъ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы, увѣнчанномъ указомъ о вольности дворянства 1762 г. Проекты ограниченія царской власти, обсуждавшіеся въ дворянскихъ кругахъ въ 1730 году, свидѣтельствуютъ о желаніи первенствующаго сословія завоевать и прочную политическую власть; хотя ограничительныя попытки успѣхомъ не увѣнчались, однако, политическое господство было фактически достигнуто дворянствомъ при Елизаветѣ Петровнѣ и продолжалось въ царствованіе Екатерины II. Въ области гражданскихъ и экономическихъ отношеній, составляющихъ предметъ настоящаго очерка, ростъ дворян-

скаго могущества сказывался въ стараніяхъ устранить отъ владѣнія землею всѣхъ не дворянъ и закрѣпостить землю дворянамъ также, какъ это было сдѣлано съ крестьянскимъ трудомъ, въ дальнѣйшемъ расширеніи площади дворянскаго землевладѣнія и въ доведеніи власти помѣщика надъ крестьяниномъ до предѣловъ ея историческаго развитія. Эти процессы подлежатъ болѣе подробному разсмотрѣнію.

Какъ извѣстно, уже въ допетровскую эпоху замѣчалось стремленіе ограничить права не дворянъ владѣть землею, выразившееся въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ Уложенія и въ позднѣйшемъ стѣсненіи землевладѣнія гостей. Послѣ Петра та же тенденція стала проводиться съ гораздо большей энергіей и коснулась всѣхъ лицъ и группъ, которыя, фактически владѣя землею, не принадлежали къ дворянству.

Относящіяся сюда распоряженія начинаются указомъ 25 октября 1730 года, подтвердившемъ запрещеніе Уложенія покупать и принимать въ закладъ общины боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и владѣльческимъ крестьянамъ; тѣмъ, кто владѣетъ недвижимыми имѣніями, предписывалось распродать ихъ „съ объявленія сего указа конечно въ полгода“, иначе имѣнія подлежали конфискаціи. Въ царствованіе Елизаветы Петровны были проведены новыя мѣры, которыя окончательно сдѣлали землю исключительнымъ достояніемъ дворянскаго сословія. Уже инструкція ревизорамъ 2-й ревизіи отъ 16 дек. 1743 г. проводитъ мысль, что, за нѣкоторыми строго опредѣленными исключеніями, владѣніе землею тѣсно связано съ владѣніемъ людьми, которое уже давно было исключительнымъ правомъ дворянъ. Во время ревизіи обнаружилось, что несмотря на многократные запретительные указы, въ имперіи оказалось довольно много людей тяглаго происхожденія, которые безпрепятственно владѣли людьми и землями; это привело къ изданію новаго указа 19 марта 1746 года гласившаго, что „впредь купечеству, (кромѣ тѣхъ, которымъ къ заводамъ и фабрикамъ по силѣ указовъ къ покупкѣ дозволеніе дается), архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ и боярскимъ людямъ и крестьянамъ и написаннымъ въ цехъ, такожъ казакамъ и ямщикамъ и прочимъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, кромѣ тѣхъ, кому по Уложенію и по указамъ помѣстья и вотчины и крѣпостныхъ людей имѣть велѣно, людей и крестьянъ съ землями и безъ земель покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей онымъ нигдѣ не писать“. Еще строже смотритъ на недворянское землевладѣніе Елизаветинская инструкція межевщикамъ 1754 г. Соединяя съ межеваніемъ ревизію правъ владѣнія землею, она заключаетъ рядъ строжайшихъ предписаній о ликвидаціи не дворянскаго землевладѣнія, кромѣ уже упомянутыхъ выше разрядовъ населенія, она отказываетъ въ правѣ владѣть землею приказнымъ людямъ и даже дѣтямъ чиновниковъ и оберъ-офицеровъ, отцы

которыхъ не успѣли дослужиться до дворянства. Какъ общее правило, всѣмъ, не имѣющимъ права владѣть землею, предписывается продать имѣнія въ полугодичный срокъ подъ страхомъ конфискаціи. Въ 1758 г. сенатъ разъяснилъ, что пунктъ межевой инструкціи, который разрѣшалъ закрѣплять земли за чиновниками и оберъ-офицерами не дворянами, относится только къ тѣмъ лицамъ, которые получали первый чинъ до изданія межевой инструкціи; на будущее время пунктъ не имѣетъ силы и на получившихъ чинъ послѣ изданія инструкціи не распространяется. Около того же времени приказные изъ не дворянъ вздумали толковать существующіе законы въ томъ смыслѣ, что будто бы имъ запрещалось пріобрѣтать только землю и людей съ землею, но что это запрещеніе не распространялось на покупку людей безъ земли; само собою разумѣется, что на подобное толкованіе послѣдовало новое подтвержденіе всѣхъ прежнихъ указовъ въ полномъ ихъ объемѣ (2 іюля 1756 г.). Въ ограничительныхъ указахъ не разъ оговаривается, что ихъ дѣйствіе не относится до лицъ и соціальныхъ группъ, которымъ не смотря на ихъ недворянское происхожденіе, разрѣшается Уложеніемъ и особыми изданными позднѣе указами владѣть землею. Такія оговорки только подчеркиваютъ общее правило, по которому право владѣть землею, кромѣ государства и духовныхъ учрежденій, составляло въ XVIII вѣкѣ исключительное право дворянскаго сословія. Пріобрѣтать землю было разрѣшено: 1) прежнихъ службъ служилымъ людямъ, т. е. однодворцамъ, ландмилицкимъ полкамъ, отставнымъ солдатамъ и т. п. потомкамъ низшихъ слоевъ допетровскаго служилаго сословія; 2) черносошнымъ крестьянамъ русскаго сѣвера; (правительство даже оберегало этотъ видъ землевладѣнія: такъ въ 1761 году было запрещено совершать купчія на продажу земель черносошныхъ крестьянъ) эти двѣ категоріи считались, однако, только постоянными владѣльцами государственныхъ земель; 3) прежнимъ патріаршимъ и архіерейскимъ дѣтямъ боярскимъ; 4) жителямъ нѣкоторыхъ посадовъ, напр. Смоленска, (право данное Сигизмундомъ III и подтвержденное Алексѣемъ Михайловичемъ) и сѣверно-русскихъ посадовъ (Великій Устюгъ, города Вятскаго края). Окончательно эти права были опредѣлены при производствѣ Екатерининскаго генеральнаго межеванія.

§ 38. Развитіе крѣпостного права и ростъ дворянскаго землевладѣнія.

Ростъ зависимости крестьянина отъ помѣщика въ XVIII столѣтіи заключается, во первыхъ, въ увеличеніи власти помѣщика надъ личностью крестьянина; во вторыхъ, въ увеличеніи права хозяйственнаго распоряженія крестьянскимъ трудомъ. Еще въ XVII столѣтіи помѣщики

присвоили себѣ отвѣтственность за исправный платежъ податей крестьянами. При Петрѣ было установлено, чтобы крестьянинъ, отлучавшійся изъ вотчины или помѣстья, бралъ съ собою особый паспортъ *(поручная запись или кормежная память)*: такимъ образомъ, стѣснялось право крестьянъ распоряжаться своимъ трудомъ и имуществомъ. Такъ какъ семейная жизнь крестьянина стояла близко къ жизни хозяйственной, надъ которой наблюдалъ землевладѣлецъ, то и семейная жизнь крестьянина начала становиться подъ надзоръ помѣщика. Въ XVIII в. помѣщики присваиваютъ себѣ право женить своихъ крестьянъ. Въ XVIII вѣкѣ развились широкія притязанія и на самую личность крестьянина. Еще въ XVII столѣтіи землевладѣльцы, какъ правительственные уполномоченные, стали присваивать себѣ уголовную юрисдикцію надъ крестьянами. Въ 1727 г. было отмѣнено право дворовыхъ поступать на военную службу, не спросясь у господина. Указъ 1760 г. разрѣшалъ за продерзостные поступки ссылать крестьянъ на поселеніе. Изданный 18 февраля 1762 г. указъ о вольности дворянской, снявшій съ дворянъ ихъ вѣковую обязанность служить государству, не сопровождался облегченіемъ крестьянской службы на дворянскую пользу. Наоборотъ, сейчасъ же вслѣдъ за нимъ появились новые указы, отличавшіе положеніе крѣпостныхъ. Сенатскій указъ 1762 г. разрѣшилъ перевозить крестьянъ съ одного мѣста на другое по простому заявленію въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ 1765 году появился указъ о правѣ помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ каторжную работу. Въ 1767 г. было запрещено крестьянамъ подавать челобитныя съ жалобами на помѣщика. Годы ближайшіе за изданіемъ только что приведенныхъ указовъ слѣдуетъ считать временемъ наивысшаго развитія крѣпостного права. Серьезныхъ признаковъ его смягченія нельзя замѣтить до самаго конца царствованія Екатерины II; однако еще при ней былъ изданъ указъ, который нельзя не привести здѣсь, такъ какъ его можно считать за первую ласточку грядущаго освобожденія: это указъ 6 апрѣля 1775 года, запрещавшій крестьянъ, „единожды отъ помѣщиковъ своихъ съ отпускными на волю отпущенныхъ и въ новую ревизію изъ подушнаго оклада исключаемыхъ, ни за кого въ подушный окладъ опять не записывать и симъ средствомъ вѣчно не укрѣплять“.

Второй шагъ по пути улучшенія положенія крѣпостныхъ крестьянъ былъ сдѣланъ преемникомъ Екатерины II, императоромъ Павломъ. 5 апрѣля 1797 г., въ день своей коронаціи, Павелъ издалъ манифестъ, въ которомъ говорилось слѣдующее: „почитаемъ долгомъ нашимъ передъ Творцомъ подтвердить по всей имперіи нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣліевъ остаю-

щіеся въ недѣлю 6 дней, по ровному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ". О практическомъ значеніи манифеста 5 апрѣля господствовало долго единодушное отрицательное мнѣніе: указывали, что установивъ трехдневную барщину манифестъ тѣмъ самымъ повысилъ количество крестьянскаго труда въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ барщина отбывалась два дня; отмѣчали, что и соблюдался манифестъ слабо: тѣмъ не менѣе, значеніе его, какъ перваго ограниченія правъ помѣщика распоряжаться трудомъ крестьянина, не подлежитъ сомнѣнію.

Площадь дворянскаго землевладѣнія продолжала въ XVIII столѣтіи очень быстро увеличиваться, главнымъ образомъ, за счетъ государственныхъ земель, населенныхъ черносошными или прежними дворцовыми крестьянами. При пожалованіяхъ цѣнился преимущественно трудъ крестьянъ и поэтому самыя пожалованія исчислялись въ XVIII столѣтіи количествомъ ревизскихъ душъ. Населенныя земли жаловались очень часто и по самымъ различнымъ поводамъ. Такъ въ 1737 году правительство, желая прикрѣпить къ службѣ на горныхъ заводахъ офицеровъ техниковъ, назначило въ дополненіе къ ихъ денежному жалованію по 10 крестьянскихъ дворовъ каждому. Гвардейскіе солдаты, способствовавшіе возведенію на престолъ Елизаветы Петровны, получили каждый отъ 29 до 45 душъ, а офицеры—сотни и тысячи крестьянъ. Восшествіе на престолъ Екатерины II обошлось государству въ 18000 крестьянскихъ душъ. Но особенно много жаловали фаворитамъ, которыми такъ богатъ XVIII вѣкъ. Меньшиковъ получилъ отъ Петра до 100.000 душъ крестьянъ, Разумовскимъ Елизавета подарила почти столько же; Потемкинъ, съ молоду бѣдный Смоленскій дворянинъ, владѣлъ въ концѣ жизни 200.000 душъ. Если подсчитать пожалованія населенныхъ земель, хотя бы по нѣкоторымъ царствованіямъ, то выйдетъ, что Петръ Великій роздалъ всего приблизительно 175.000 ревизскихъ душъ, Екатерина II—до 400.000, а въ коронацію императора Павла, послѣдняго государя, который жаловалъ населенныя имѣнія частнымъ лицамъ, было роздано до 100.000 ревизскихъ душъ. Во всякомъ случаѣ Россія къ концу XVIII столѣтія была несравненно болѣе крѣпостной, чѣмъ въ началѣ столѣтія.

§ 39. Численность крестьянъ и ихъ распредѣленіе въ XVIII вѣкѣ.

Приводимыя ниже цифры даютъ понятіе о числѣ крѣпостныхъ и незакрѣпощенныхъ крестьянъ по ревизіямъ XVIII столѣтія. По относительному числу крѣпостныхъ крестьянъ можно косвенно судить и о размѣрахъ частнаго дворянскаго землевладѣнія въ данной мѣстности.

По 2-й ревизіи (1743 г.) въ Великороссіи было 3.443.293 души, или 53,7% всего крестьянскаго населенія, крѣпостныхъ противъ 3.000.000 душъ государственныхъ крестьянъ. По 3-й ревизіи 1760-ые годы) было 3.786,771 душъ крѣпостныхъ—(52,9%) и 3.400.000 душъ гос. крестьянъ. По 4-й ревизіи (1781—83 г.) крѣпостныхъ: 5.092.869 душъ (53,3%) государственныхъ—4.470,600 душъ. По 5-й ревизіи (1794—6 гг.) крѣпостныхъ 5.700.465 душъ или 53,1%; государственныхъ—5.000.000 душъ. Такимъ образомъ число крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссіи въ процентномъ отношеніи составляло намного болѣе половины всего крестьянства и не слишкомъ увеличивалось: это происходило, потому что главныя пожалованія Екатерининскаго времени производились въ Малороссіи и въ западныхъ русскихъ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши.

Во вновь присоединенныхъ мѣстностяхъ число крѣпостныхъ было относительно гораздо выше: въ Эстляндіи и Лифляндіи оно, напримѣръ, составляло до 85% всего сельскаго населенія. По отдѣльнымъ мѣстностямъ % крѣпостныхъ по отношенію ко всему крестьянскому населенію выражался по даннымъ 4-ой ревизіи такими цифрами:

Калужская губ.	83.	Симбирская губ.	52.
Смоленская и Тульская губ.	80.	Пензенская „	51.
Рязанская губ.	75.	Тамбовская „	45.
Костромск. и Псковск. губ. .	72.	Воронежская „	37.
Нижегородская губ. . . .	69.	Вологодская „	34.
Орловская „ . . .	68.	Пермская „	33.
Владимірская „ . . .	67.	Уфимская „	21.
Московская „ . . .	66.	Казанская „	18.
Тверская „ . . .	64.	Олонецкая „	6.
Саратовская „ . . .	56.	Вятская „	2.
Новгородская „ . . .	55.	Архангельск. и Сибирь. . .	0.

Число крупныхъ владѣльцевъ не было особенно большимъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія:

Владѣльцы имѣвшіе менѣе 10 душъ составляли 32%.

„ „ „ 10—32 душъ „ 30, 7%.

„ „ „ 30—60 „ „ 13, 4%.

„ „ „ 60—100 „ „ 7, 7%.

Такимъ образомъ, только 16—17% владѣли болѣе, чѣмъ 100 д. Однако, въ ихъ рукахъ было очень значительное число крестьянъ. Вотъ примѣры: Гр. П. Б. Шереметеву въ 1761 г. принадлежали въ Великороссіи 44561 душа. Гр. К. Г. Разумовскій по 4-й ревизіи въ Великороссіи владѣлъ до 45.000 д.; Гр. А. С. Строгановъ по 3-й ревизіи владѣлъ 23.000; братья Орловы вмѣстѣ имѣли 27.000 душъ.

Изъ всего числа крѣпостныхъ въ эпоху 4 и 5 ревизій было 44%

оброчныхъ крестьянъ и 56% барщинныхъ крестьянъ. Барщина уже тогда господствовала въ черноземныхъ губерніяхъ; оброкъ—въ губерніяхъ къ сѣверу отъ Оки. Въ оброчныхъ вотчинахъ всей помѣщичей земли приходилось на душу среднимъ числомъ около 14 десятинъ, изъ нихъ пахатной 3,8 десятины; въ барщинныхъ—10,1 десятины, изъ нихъ пахатной 4,4 десятины. Изъ этого количества земли на долю крестьянъ, (за вычетомъ земли въ помѣщичьемъ владѣніи), приходилось въ нечерноземной полосѣ до 8 десятинъ на душу; въ черноземной около—6,6 десятинъ. Это и составляло средній крестьянскій надѣлъ того времени. Есть указанія, что со стороны правительства принимались нѣкоторыя мѣры для обезпеченія такого крестьянскаго надѣла. Кромѣ надѣла, крестьяне обыкновенно пользовались свободно помѣщичьимъ лѣсомъ, а нерѣдко также имѣвшимися оброчными статьями, напр., рыбными ловлями. Въ иныхъ случаяхъ помѣщики облагали такія оброчныя статьи особымъ платежемъ. Малоземелье уже и тогда давало себѣ чувствовать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, хотя скорѣе въ видѣ исключенія. Государство, однако, не принимало еще мѣръ къ устраненію этого явленія. Малоземелье могло быть и искусственнымъ: иногда попадались такіе владѣльцы, которые находили для себя выгоднымъ совершенно обезземеливать своихъ крестьянъ и превращать ихъ въ батраковъ на барской пашнѣ. Объ этомъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ Радищевъ; убѣждаютъ въ существованіи такихъ обезземеленныхъ крѣпостныхъ и данныя генеральнаго межеванія.

Повинности въ пользу помѣщика никогда не были опредѣлены закономъ. Въ XVIII столѣтіи, какъ и раньше, они опредѣлялись частью установившимися обычаями, частью усмотрѣніемъ помѣщиковъ. Очень часто барщинные и оброчные крестьяне находились въ одномъ и томъ же имѣніи; на преобладаніе тѣхъ и другихъ вліяли не только почвенныя и климатическія условія, но и степень зажиточности помѣщика: у мелкихъ помѣщиковъ преобладала вездѣ барщина.

Величина оброка во второй половинѣ XVIII столѣтія выражалась слѣдующими цифрами:

1760-ые годы.	1—2	руб. въ	годъ на душу.
1770 „ „	2—3	„	„ „
1780 „ „	4	„	„ „
1790 „ „	5	„	„ „

Возвышеніе оброка стояло въ связи съ паденіемъ цѣнности денегъ. Многіе помѣщики, кромѣ денежнаго оброка, требовали еще различныхъ припасовъ натурою—сѣна, овса, дровъ, грибовъ и т. д.; все это сами крестьяне должны были отвозить въ резиденцію помѣщика.

Положеніе барщинныхъ крестьянъ было въ общемъ гораздо хуже, чѣмъ положеніе оброчныхъ крестьянъ. Обычно помѣщикъ требовалъ

отъ крестьянъ половину его времени; но эта половина бывала расположена очень различно. Въ отдѣльныхъ случаяхъ въ XVIII вѣкѣ наблюдались большія злоупотребленія крестьянскимъ трудомъ: въ одной крестьянской челобитной, поданной Екатеринѣ II, крестьяне жалуются, что ихъ заставляютъ работать каждый день, не освобождая даже по воскресеньямъ и самымъ большимъ праздникамъ. Какъ оброчные крестьяне такъ и барщинные должны были платить господину поборы натурой; кромѣ того, крестьяне были обязаны еще прясть и ткать на господъ.

Особенностью нашего крѣпостного быта были дворовые. Происхожденіе свое дворовые ведутъ 1) отъ прежнихъ холоповъ, 2) отъ крестьянъ, которыхъ помѣщики еще въ XVIII вѣкѣ получили возможность переводить къ себѣ во дворъ для домашней службы. У богатыхъ помѣщиковъ число дворовыхъ доходило до нѣсколькихъ сотенъ. Гр. Орловъ имѣлъ до 500 слугъ, гр. Разумовскій—300 слугъ въ Батуринѣ, 200—въ Петербургѣ и т. д.

Стремленіе имѣть большую дворню въ столицѣ объяснялось тщеславіемъ; въ деревняхъ этого могла требовать безопасность или же условія хозяйства. Чрезмѣрное увеличеніе дворни было иногда обременительнымъ для крестьянъ и часто вызывало жалобы.

§ 40. Генеральное межеваніе; его значеніе въ исторіи землевладѣнія.

Наряду съ основнымъ процессомъ въ исторіи русскаго землевладѣнія XVIII вѣка, заключавшимся въ превращеніи земли вмѣстѣ съ сельскимъ населеніемъ въ дворянскую собственность, во второй половинѣ вѣка происходятъ явленія большой важности, которыя частью подводятъ итоги прошлаго, частью вносятъ новыя начала въ область русскаго землевладѣнія. Генеральное межеваніе фиксируетъ нѣкоторые виды землевладѣнія, до тѣхъ поръ неясно очерченные, какъ съ юридической такъ и съ бытовой стороны; секуляризація церковныхъ земель заканчиваетъ многовѣковой періодъ развитія церковныхъ имѣній и является началомъ новой эпохи для землевладѣнія духовныхъ учрежденій; вызовъ иностранныхъ колонистовъ приводитъ къ образованію совершенно новаго вида землевладѣнія; наконецъ, признаніе за дворянами преимущественнаго права владѣть землею приводитъ къ тому, что разнообразныя группы мелкихъ землевладѣльцевъ не дворянъ объединяются постепенно въ одно громадное по численности сословіе государственныхъ крестьянъ; къ концу XVIII вѣка образованіе государственныхъ крестьянъ можно признать дѣломъ законченнымъ.

Генеральное межеваніе, предпринятое Екатериной II начиная съ

1766 года, было дѣломъ, настоятельная необходимость котораго выяснилась еще въ XVII столѣтіи. Землевладѣніе служилое отличалось очень большой дробностью и чрезполосностью, которыя происходили отъ того, что дворяне должны были сами себѣ отыскивать помѣстья и притомъ въ соотвѣтствіи съ пожалованными ими земельными окладами. Нерѣдко бывало, что нѣсколько помѣщиковъ получали землю заразъ въ одномъ кускѣ и владѣли ею сообща, безъ размежеванія; какъ чрезполосность такъ и общее владѣніе были постояннымъ источникомъ земельныхъ споровъ, тяжбъ и даже самовольныхъ захватовъ. Остальные виды частнаго землевладѣнія, допускаемые закономъ, были недостаточно фиксированы и опредѣлены; кромѣ того, недостаточная разграниченность владѣній и здѣсь дѣлала возможными тяжбы и споры; земли государственныя плохо оберегались и очень легко становились предметомъ захвата со стороны частныхъ лицъ. Правительство очень рано, еще задолго до Петра, сознавало необходимость точнаго размежеванія земель въ странѣ.

Описанія 20-хъ годовъ XVII столѣтія сопровождались частичнымъ межеваніемъ; въ необходимыхъ случаяхъ писцы выступали въ роли межевщиковъ. Въ 80-хъ годахъ при царевнѣ Софіи было въ послѣдній разъ предпринято валовое письмо, которое слѣдуетъ считать и первой попыткой генеральнаго межеванія; однако, валовые писцы 80-хъ годовъ, обязанные не только межевать земли, но описывать селенія и воздѣлываемыя земли, а также тщательно провѣрять право владѣнія каждымъ участкомъ земли, не могли справиться со своей сложной задачей, а правительство не обнаружило достаточно терпѣнія, чтобъ выждать окончанія долгой и кропотливой работы; въ 1686 году писцы были окончательно отозваны. При Петрѣ общее межеваніе земель не особенно занимало правящія сферы; но въ обществѣ прекрасно сознавали его необходимость; по крайней мѣрѣ знаменитый публицистъ Петровскаго времени Посошковъ много говоритъ о межеваніи частныхъ земель и подробно излагаетъ мѣры, которыя по его мнѣнію должны быть приняты для его осуществленія. Въ 1731 году былъ изданъ указъ, возвѣщавшій о намѣреніи правительства произвести генеральное межеваніе земель, но межеваніе осталось на бумагѣ, и всю первую половину XVIII столѣтія приходится считать эпохой затишья въ дѣлѣ межеванія. Болѣе серіозная попытка была произведена въ царствованіе Елизаветы Петровны; однако, сложность задачъ, возложенныхъ на Елизаветинскихъ межевщиковъ, была не многимъ менѣе, нежели та, которую испытывали писцы времени Софіи; работы ихъ подвигались медленно; въ теченіе 11 лѣтъ былъ обмежеванъ одинъ только Московскій уѣздъ да и то не весь. Дѣло пошло успѣшно только, когда, согласно межевой инструкціи 1766 года, межеваніе поставили на иныя начала, и сузивъ

задачу землемѣровъ, ограничили ихъ дѣло техническимъ размежеваніемъ, поручая имъ ревизію права владѣнія землею лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ исторіи землевладѣнія генеральное межеваніе имѣетъ значеніе главнымъ образомъ потому, что имъ были признаны и оформлены такіе виды землевладѣнія, которые хотя и существовали ранѣе, но мало или даже вовсе не были предметомъ законодательной мысли.

Въ межевой инструкціи, изданной 25 мая 1766 года и долженствовавшей служить руководствомъ при работѣ межевыхъ канцелярій и землемѣровъ, мы находимъ прежде всего точное опредѣленіе размѣровъ землевладѣнія городскаго; городъ владѣлъ землею и ранѣе, потому что городскимъ жителямъ былъ необходимъ выгонъ для скота; это было всѣми признано еще съ того времени, когда русская городская жизнь только что зарождалась и городъ мало чѣмъ отличался отъ деревни. Межевая инструкція отводила для выгоновъ пространство земли радіусомъ въ двѣ версты вокругъ каждаго города и въ 4 версты вокругъ Москвы; тамъ, гдѣ это было нужно, для пополненія въ составъ выгона отмежевывались и „государственныя порожжія земли“. Землевладѣніе было признано необходимой принадлежностью каждой церкви: для этого къ тѣмъ церквамъ, которыя не имѣли своей земли, было предписано для пропитанія причта примежевывать участки, пропорціонально всей приходской крестьянской землѣ, а если удобной земли было мало, то и изъ владѣльческихъ земель. Инструкція точно опредѣлила также количество земли, которое должно было непремѣнно остаться у монастырей послѣ секуляризаціи 1764 года. Межевая инструкція не измѣняла существовавшихъ узаконеній, которыми регулировалось исключительное по своему характеру право землевладѣнія однодворцевъ, старыхъ службъ служилыхъ людей, отставныхъ солдатъ, черносошныхъ крестьянъ и сѣверныхъ посадскихъ людей; но она предписывала межевать только окружную межу селеній, жители котораго принадлежали къ одной изъ помянутыхъ выше группъ, и такимъ образомъ нѣсколько мѣняла форму владѣнія, подчеркивая его общій характеръ и тѣмъ облегчая переходъ къ уравнительно-общинному владѣнію, а иногда даже предписывая его вводить; въ такое же точно положеніе были поставлены инородцы средняго и нижняго Поволжья, владѣвшіе землями по писцовымъ книгамъ XVII вѣка, и ямщики: и у этихъ двухъ категорій мелкихъ землевладѣльцевъ землемѣры намѣчали только окружную межу, не входя въ размежеваніе отдѣльныхъ участковъ. Впрочемъ, хотя представители всѣхъ помянутыхъ сейчасъ группъ населенія сидѣли на земляхъ государственныхъ, межевая инструкція считала ихъ собственниками своихъ участковъ, что не мѣшало, однако, государству очень властно распоряжаться судьбою такихъ собственниковъ (см. ниже

§ 43). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ инструкціи сказывается тотъ дворянскій духъ, который склоненъ былъ признавать за первенствующимъ сословіемъ исключительное право владѣть землею: такъ за бывшими Смоленскими рейтарами, испомѣщенными въ Смоленскомъ, Бѣльскомъ, Рославльскомъ и Дорогобужскомъ уѣздахъ, и за бывшими патріаршими и архіерейскими дѣтьми боярскими было предписано межевать земли на общемъ основаніи, только если они не положены въ подушный окладъ и принадлежатъ, слѣдовательно, къ привилегированному сословію, въ противномъ же случаѣ вопросъ разсматривался въ межевой экспедиціи сената и въ вотчинной коллегіи. Отмѣтимъ въ заключеніе, что межевая инструкція точно опредѣлила количество земли, отводимой подъ дороги, назначивъ 60 саженъ ширины для Петербургско-Московской дороги, по 30 саженъ на всѣ такъ называемыя „большія“ дороги и по 3 сажени для дорогъ проселочныхъ.

§ 41. Монастырское землевладѣніе. Секуляризація 1764 года.

Общій ходъ исторіи монастырскаго землевладѣнія до Петра I указываетъ, что значеніе монастыря, какъ земельнаго собственника, уменьшается въ особенности со времени Уложенія.

Церковная политика Петра I опредѣлялась необходимостью имѣть денежныя средства для войны. Въ томъ же 1700 году, когда началась война со Швеціей, созрѣла мысль о казенномъ управленіи церковными имуществами. По мысли „прибыльщика“ Курбатова былъ возстановленъ въ 1701 г. *монастырскій приказъ*. Въ монастырскомъ приказѣ было сосредоточено до 1720 г. не только управленіе церковными имѣніями, но и всей церковью. Однако, первой и основной его задачей было управленіе вотчинами патріаршими, архіерейскими и монастырскими.

Въ теченіе времени до 1720 г. многія церковныя вотчины были изъяты изъ вѣдѣнія монастырскаго приказа и переданы въ вѣдомство Преображенскаго приказа, Олонецкихъ желѣзныхъ заводовъ, ямского приказа и другихъ учрежденій. Государство не стѣснялось тѣмъ, что полнаго перехода церковныхъ земель во владѣніе казны не произошло и отводило монастырскія имѣнія на содержаніе вновь заводимыхъ казенныхъ предпріятій. Отсюда произошло раздѣленіе церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ на два разряда: *„опредѣленныхъ“* на содержаніе монастырей и *„заопредѣленныхъ“*, не закрѣпленныхъ за монастырями и переданныхъ въ непосредственное владѣніе государственныхъ учрежденій. Названія эти удержались гораздо дольше, чѣмъ существовалъ монастырскій приказъ.

Въ 1721 г. былъ учрежденъ св. синодъ; въ связи съ этимъ стоитъ новое устройство управленія церковными имѣніями. Въ первомъ же

докладѣ синода испрашивалось разрѣшеніе вѣдать „патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины сборами и правленіемъ“ въ синодѣ, „того ради, что оныя отъ гражданскихъ правителей пришли въ скудость и пустоту“, а „духовная коллегія, (такъ первоначально долженъ былъ называться синодъ) присягою обязалася какъ въ вѣрности, такъ и въ исканіи интереса царскаго величества, противъ прочихъ коллегій не меньше“. Петръ утвердилъ докладъ и такимъ образомъ монастырскій приказъ былъ уничтоженъ какъ самостоятельное учрежденіе, сохранившись какъ подчиненное синоду учрежденіе хозяйственнаго, распорядительнаго и судебнаго характера.

Этотъ второй монастырскій приказъ былъ въ 1724 г. преобразованъ по образцу камеръ-коллегіи и названъ *„камеръ-конторой синодальнаго правительства“*. Въ этомъ переименованіи ясно сказалась тенденція правительства приблизить новое учрежденіе къ камеръ-коллегіи и этимъ подчинить управленіе церковныхъ имѣній свѣтскому правительству. Такая тенденція встрѣчала противодѣйствіе со стороны духовныхъ властей. Глухая борьба продолжалась 40 лѣтъ и завершилась секуляризаціей. На такой исходъ въ значительной степени повліяло хозяйственное состояніе монастырскихъ вотчинъ.

По 2-й ревизіи за синодомъ числилось 37.426 душъ м. пола, за архіерейскими каѳедрами—116.376, за монастырями—728.736, за соборами и церквами—23.767, а всего 906.305, (не включая Малороссіи), при общемъ числѣ $6^1/_2$ милл. крестьянъ, т. е. всего 14,1% сельскаго населенія Великороссіи и Сибири. По 3-й ревизіи (1760-е годы) ихъ было 991.761 или 13.8%.

Примѣрами, дающими понятіе о владѣніяхъ отдѣльныхъ монастырей и каѳедръ, служатъ слѣдующія цифры: Новгородская епархія владѣла 21.500 душъ; Чудовъ монастырь—18.700, Ростовскій архіерейскій домъ—16.340. Троице-Сергіевскій монастырь—106.000, Александро-Невскій—25.500, Кириловъ Бѣлозерскій—21.500, Савинъ Сторожевскій—16.000 Московскій Вознесенскій—15.500, Іосифовъ Волоколамскій—11.500 и т. д.

Монастырское хозяйство со всѣми его недостатками и ужасное положеніе монастырскихъ крестьянъ особенно ярко сказалось въ царствованіе Елизаветы Петровны. Какъ барщина, такъ и оброкъ на монастырскихъ земляхъ были особенно тяжелы. Не одно обремененіе работами и поборами вызывало неудовольствіе монастырскихъ крестьянъ; они нерѣдко подвергались вымогательствамъ и истязаніямъ какъ и крѣпостные частныхъ владѣльцевъ. Жалобы на архимандритовъ, посельскихъ старцевъ, управлявшихъ имѣніями, и на другія монастырскія власти раздавались очень часто. Объ устройствѣ управленія монастырскими вотчинами лучше всего судить по порядкамъ Троицкой Лавры. Хозяйственными дѣлами въ Лаврѣ завѣдовалъ „соборъ“ изъ

старшихъ монаховъ и при немъ канцелярія изъ монастырскихъ служекъ. Монастырскій соборъ назначалъ управителей своихъ вотчинъ главнымъ образомъ изъ монастырскихъ служекъ, срокомъ на 1 годъ. Управители на мѣстахъ имѣли очень широкую власть—судебную, хозяйственную, административную. Злоупотребленія монастырскихъ властей возбуждали со стороны крестьянъ недовольство, волненія и жалобы. Постоянное ихъ повтореніе, наконецъ, обратило на себя вниманіе правительства.

Въ 1758 г. послѣ продолжительныхъ волненій крестьянъ Новоспасскаго монастыря сенатъ назначилъ комиссію для разслѣдованія дѣла, несмотря на протесты синода. Въ эту комиссію, просуществовавшую до 1762 г., было адресовано очень много жалобъ; она собрала обширный матеріалъ, но не предпринимала активныхъ шаговъ, чтобы уничтожить злоупотребленія духовенства. Однако, уже въ царствованіе Елизаветы Петровны было признано невозможнымъ оставить монастырскія вотчины въ прежнемъ управленіи. Въ 1757 году Елизавета приказала издать указъ о передачѣ управленія монастырскихъ имѣній отставнымъ офицерамъ, которые еще по закону Петра должны были получать пропитаніе отъ монастырей; впрочемъ указъ 1757 года не успѣлъ осуществиться до кончины императрицы.

Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ довольно дѣятельно обсуждался въ кратковременное царствованіе Петра III. Въ январѣ 1762 г. Петръ III велѣлъ сенату вновь имѣть конференцію съ синодомъ о монастырскихъ крестьянахъ. 16 февраля было предписано немедленно выполнить предположенія Елизаветы Петровны. 21 марта было велѣно учредить *коллегію экономіи* въ Москвѣ, а въ Петербургѣ ея контору, съ церковныхъ крестьянъ сверхъ 70 гривеннаго подушнаго оклада собирать рублевый оброкъ, а на содержаніе монастырей отпускать деньги, опредѣленныя петровскими штатами (не получившими окончательнаго утвержденія) 1724 года; землю, которую крестьяне пахали на своихъ владѣльцевъ,—отдать крестьянамъ. Офицеры, дѣйствительно, вступили въ управленіе вотчинами несмотря на страшное недовольство духовенства мѣрами императора.

Екатерина по воцареніи желала въ одно и то же время заручиться поддержкой духовенства и не раздражать крестьянъ, отдавая ихъ опять подъ управленіе монастырей. Она возбудила въ сенатѣ вопросъ о средствахъ на содержаніе духовенства. Туда же она передала и просьбу духовенства о возвращеніи вотчинъ. Однако, мнѣніе бывшаго канцлера Елизаветы Бестужева-Рюмина, къ которому Екатерина обратилась за совѣтомъ, рѣшило на первое время дѣло въ пользу духовенства. 12 августа 1762 г. была уничтожена коллегія экономіи и крестьяне возвращены монастырямъ. Но это былъ со стороны Екатерины дипломатическій пріемъ, направленный къ выигрышу времени. Какъ

только Екатерина II почувствовала себя твердо на престолѣ, она стала продолжать политику послѣднихъ лѣтъ Елизаветы. 29 ноября 1762 г. была учреждена комиссія для разработки вопроса объ управленіи церковными имѣніями изъ 3 духовныхъ и 5 свѣтскихъ лицъ. Комиссія, опредѣливъ доходы духовныхъ учрежденій, должна была выработать штаты и устроить судьбу крестьянъ. Въ январѣ 1763 г. Екатерина утвердила докладъ комиссіи объ управленіи вотчинами посредствомъ управителей изъ армейскихъ офицеровъ. 12 мая 1763 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи вновь *коллегіи экономіи*. Временно половина земель была взята въ непосредственное управленіе коллегіи экономіи, а другая половина оставлена въ непосредственномъ завѣдованіи духовенства. Волненія крестьянъ продолжались и въ первые годы царствованія Екатерины. Быть можетъ это обстоятельство ускорило окончательное рѣшеніе судьбы монастырскихъ имѣній. 26 февраля 1764 г. былъ изданъ указъ о секуляризаціи, по которому всѣ монастырскія вотчины передавались въ управленіе коллегіи экономіи, а крестьяне, сверхъ 70 коп. подушнаго оклада, должны были платить еще 1 р. 50 к., взамѣнъ повинностей въ пользу духовныхъ вотчинниковъ. Монастыри, архіерейскіе дома и другія духовныя учрежденія получили опредѣленное содержаніе отъ казны, а для ихъ необходимыхъ хозяйственныхъ нуждъ за ними были оставлены небольшіе участки прилегающей къ нимъ земли, размѣры которыхъ были опредѣлены межевой инструкціей 1766 г.

По предложенію комиссіи крестьянамъ были переданы всѣ тѣ земельныя угодія, которыми они пользовались при монастырскомъ владѣніи. Правительство при осуществленіи указа 1764 г. старалось во всякомъ случаѣ, чтобы всѣ крестьяне получили извѣстный минимумъ надѣла. Нормы надѣловъ на душу по нынѣшнимъ губерніямъ Великороссіи были слѣдующіе (въ десятинахъ):

	Дес.		Дес.		Дес.
Тульская . . .	5,1	Смоленская . .	8,2	Костромская . .	20,3
Калужская. . .	6,3	Тамбовская . .	8,8	Вологодская . .	24
Московская . .	7	Тверская . . .	9,8	Сибирская. . .	28
Ярославская . .	7	Псковская. . .	10,7	Новгородская. .	34
Владимірская. .	8	Орловская. . .	15		
Курская . . .	8	Нижегородская .	19,7		

Количество пахатной земли колебалось отъ 2,6 (Моск. губ.) до 5 дес. (Новгор. и Тамбовск.). Въ общемъ эти цифры по тогдашнимъ обстоятельствамъ слѣдуетъ признать не особенно малыми.

Указомъ 13 августа 1764 года для управленія хозяйственной частью учреждены *казначеи;* они же были и представителями крестьянъ по судебнымъ дѣламъ. Управленіе казначеевъ не очень благопріятно

отражалось на крестьянахъ, такъ какъ казначеи были по выраженію Новгородскаго губернатора Сиверса, одного изъ лучшихъ администраторовъ Екатерининскаго времени, „піявками крестьянъ“.

Центральными органами управленія экономическими крестьянами были *экономическія правленія* въ Ярославлѣ, Ельцѣ, Казани и Вологдѣ“.

Въ 1786 году совершился послѣдній актъ секуляризаціи: были отобраны монастырскія владѣнія въ Кіевской и Черниговской губерніяхъ, а въ 1788 г. перешли въ казну имѣнія тѣхъ монастырей Харьковской, Воронежской, Екатеринославской и Курской губ., которыя пользовались одинаковыми правами съ малороссійскими. Такимъ образомъ, къ концу XVIII в. закончило свое существованіе монастырское землевладѣніе въ Россіи.

Реформу эту надо считать одной изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ благодѣтельныхъ мѣръ, проведенныхъ въ царствованіе Екатерины, такъ какъ ею часть крестьянъ была поставлена въ значительно лучшія условія нежели ранѣе. Однако секуляризація не была дополнена запрещеніемъ монастырямъ пріобрѣтать земли вновь. Этимъ была создана возможность появленія земельныхъ владѣній духовныхъ учрежденій въ будущемъ. Не были отобраны въ казну и ненаселенныя земли, принадлежавшія приходскимъ церквамъ. Впрочемъ въ позднѣйшее время фактически ростъ земель былъ очень незначителенъ и въ настоящее время онъ занимаетъ едва замѣтное мѣсто среди другихъ видовъ русскаго землевладѣнія.

Секуляризація, конечно, возбудила большое негодованіе среди нѣкоторой части духовенства и даже вызвала рѣзкую критику дѣйствій императрицы со стороны одного изъ видныхъ представителей духовенства, Ростовскаго архіепископа Арсенія Мацѣевича, лишеннаго за это сана и сосланнаго въ заточеніе.

§ 42. Колонизаціонная политика.

По ученію экономической школы меркантилистовъ, еще продолжавшей имѣть много сторонниковъ до половины XVIII столѣтія, богатство каждой страны зависитъ отъ возможно большаго скопленія въ ней благородныхъ металловъ. Чтобы удержать золото и серебро отъ отлива за границу и чтобы вызвать приливъ его въ страну, государство должно стремиться къ преобладанію вывоза надъ ввозомъ, а это казалось возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если промышленность въ странѣ достаточно развита; развитія же она можетъ достигнуть при достаточномъ количествѣ населенія: ибо чѣмъ населеннѣе страна, тѣмъ болѣе она можетъ развить свою промышленную дѣятельность. Такимъ обра-

зомъ, процвѣтаніе страны ставилось въ прямую связь съ количествомъ ея населенія; отсюда понятно и стремленіе правительства всѣми доступными средствами увеличить численность населенія въ имперіи. Нѣкоторыя мѣры въ этомъ направленіи были принимаемы еще въ первой половинѣ вѣка; въ началѣ царствованія Екатерины II была произведена широко задуманная попытка заселить пустынныя южныя области имперіи.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія вниманіе правительства привлекало болѣе всего Закамье, входившее въ составъ губерній Казанской и учрежденной въ 1744 году губерніи Оренбургской. Въ началѣ 1730-ыхъ годовъ была выдвинута далѣе на югъ укрѣпленная линія взамѣнъ основанной еще въ XVII столѣтіи закамской укрѣпленной черты; нѣсколькими годами позднѣе началось созиданіе Оренбургской укрѣпленной линіи, опоясывавшей съ юга еще незамиренную тогда Башкирію и отдѣлявшей ее отъ среднеазіатскихъ степей. Для заселенія мѣстностей по новой Закамской границѣ (нынѣшняя сѣверная часть Уфимской и Самарской губ. и юго-восточная часть Казанской губ.) и Оренбургской линіи (отъ Самары къ Оренбургу и далѣе на сѣверо-востокъ вверхъ по Яику и Ори) предположено было воспользоваться отставными военными чинами, вслѣдствіе чего и было разрѣшено селиться тамъ „отставнымъ драгунамъ, солдатамъ матросамъ съ свободными паспортами, кто пожелаетъ быть паки въ службѣ нашей“. Поселенцамъ предполагалось отводить по 10—15 десятинъ земли на семью, давать имъ необходимое вооруженіе и ссуду деньгами (5—10 руб. на семью) и хлѣбомъ на проѣздъ и обзаведеніе. Поселеніе должно было быть исключительно добровольнымъ и производиться для безопасности, большими слободами. Земли, отведенныя отставнымъ, могли переходить только по наслѣдству и не могли быть ни продаваемы, ни закладываемы, ни отдаваемы въ приданое; при этомъ для земель отставныхъ военныхъ былъ вновь введенъ только что отмѣненный законъ о единонаслѣдіи.

Несмотря на льготы и пособія поселенцамъ дѣло шло весьма туго; тогда правительство сдѣлало переселеніе отставныхъ принудительнымъ, снабдивъ въ то же время переселенцевъ еще новыми пособіями и льготами; благодаря такимъ мѣропріятіямъ къ концу 1740 г. поселенцевъ оказалось 967 человѣкъ. О дальнѣйшемъ ходѣ заселенія отставныхъ военныхъ чиновъ въ Заволжьѣ даютъ понятія данныя о ихъ численности по 3, 4 и 5 ревизіямъ:

Казанскія поселенія; душъ:

3-ья рев. 1763—67 гг.	4-ая рев. 1783 г.	5-ая рев. 1794—96 гг.
3.762	4.444	4.609

Оренбургскія поселенія; душъ:

—	—	10.695

Цифры невелики и показываютъ, что надежды на заселеніе юго-восточныхъ окраинъ отставными воинскими чинами не оправдались на дѣлѣ.

Быть можетъ сознаніе, что добровольные или во всякомъ случаѣ легальные переселенцы въ Оренбургскій край никогда не будутъ являться въ достаточномъ числѣ, заставило первыхъ устроителей этого края допускать къ поселенію „изъ разныхъ людей охотниковъ, а болѣе бродящихъ и объявляющихъ о себѣ, что прописные отъ подушнаго окладу“, т. е. узаконивать тамъ бѣглыхъ изъ центральныхъ преимущественно мѣстностей имперіи; указами 1730 и 40-хъ годовъ было разрѣшено принимать на службу въ крѣпости Оренбургской линіи бѣглыхъ, число которыхъ въ сравнительно короткое время достигло нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Если первую половину XVIII вѣка въ исторіи южныхъ окраинъ Россіи можно назвать по преимуществу временемъ устроенія Оренбургскаго края, то со вступленія на престолъ Екатерины II начинается постепенное устройство и заселеніе нижняго теченія Волги и закрѣпленныхъ за имперіей мѣстностей между Слободской Украйной (нынѣшн. Харьковской губ.) и Чернымъ моремъ.

Въ 1764 году изъ мѣстностей, лежавшихъ къ югу отъ Слободской Украйны, была образована новая Новороссійская губернія; въ 1774 году, когда по Кучукъ-Кайнарджійскому миру Россія пріобрѣла всѣ берега Азовскаго моря и низовья Днѣпра и Буга, пустынная Новороссія еще увеличилась. Въ 1775 году запасъ свободныхъ земель тамъ еще возросъ, такъ какъ манифестомъ 3 августа этого года Запорожская Сѣчь была уничтожена, земли ея присоединены къ Новороссійской губерніи, а бывшіе казаки, оставшіеся подъ русскимъ владычествомъ, были переселены на Кубань, гдѣ было такимъ образомъ положено основаніе новой русской колоніи—кубанскому казачьему войску.

Уже опыты первой половины столѣтія показали, что населеніе внутренней Россіи, безъ того рѣдкое, не было въ состояніи выдѣлить изъ себя достаточнаго количества переселенцевъ для колонизаціи областей, вновь вошедшихъ въ составъ имперіи; за недостаткомъ своихъ пришлось обратиться къ иностраннымъ колонистамъ. Первый опытъ былъ произведенъ въ царствованіе Елизаветы Петровны: начиная съ 1753 года въ Россію переселилось нѣкоторое количество славянъ преимущественно изъ австрійскихъ и турецкихъ владѣній; они получили земли съ обязанностью участвовать въ оборонѣ южныхъ границъ ихъ новой родины; заселили они въ сѣверо-восточной части нынѣшней Екатеринославской губерніи мѣстность, получившую въ то время названіе „Славяно-Сербіи“. Въ тѣ же годы былъ поставленъ также и вопросъ о приглашеніи колонистовъ изъ западной Европы: первоначально

предполагалось пригласить французскихъ протестантовъ, которые уже успѣли такъ много сдѣлать для процвѣтанія пріютившей ихъ Пруссіи; однако семилѣтняя война помѣшала на время движенію этого дѣла.

Вопросъ о приглашеніи иностранныхъ колонистовъ былъ вновь поставленъ на очередь при Екатеринѣ II. 4 декабря 1762 г. былъ изданъ манифестъ, приглашавшій всѣхъ иностранцевъ, за исключеніемъ евреевъ, селиться въ Россіи, и обѣщавшій имъ „монаршую милость и благоволеніе“. Для завѣдованія дѣломъ приглашенія и разселенія иностранныхъ колонистовъ былъ созданъ особый центральный административный органъ, получившій названіе *„канцеляріи опекунства иностранныхъ“*. Руководящія указанія для дѣятельности этого учрежденія изложены въ манифестѣ 23 іюня 1763 года. Колонисты могутъ записываться въ купечество или же селиться колоніями на свободныхъ и удобныхъ для хлѣбопашества мѣстахъ, они получаютъ льготы отъ податей на продолжительные сроки и сохраняютъ свободу вѣроисповѣданія; поселившіеся особыми колоніями пользуются правомъ самостоятельной внутренней юрисдикціи, безъ вмѣшательства русскихъ властей. Для основанія колоній были первоначально отведены мѣста преимущественно по нижнему теченію Волги (въ нынѣшнихъ Саратовской и Самарской губерніяхъ), въ Воронежской губерніи, въ предѣлахъ Валуйскаго уѣзда и въ Оренбургскомъ краѣ по рѣкѣ Сакмарѣ. Нѣсколько позднѣе для иностранныхъ колонистовъ стали отводить мѣста и въ Новороссійской губерніи (нынѣшнія Екатеринославская, Херсонская и сѣв. часть Таврической губерніи). Здѣсь главнымъ и единственнымъ въ сущности распорядителемъ дѣла былъ генералъ губернаторъ Новороссіи—Потемкинъ.

Основаніе иностранныхъ колоній было организовано двоякимъ образомъ: правительство частью само черезъ своихъ агентовъ вербовало колонистовъ и селило ихъ въ колоніяхъ, которыя считались *коронными* и находились въ непосредственномъ завѣдованіи „канцеляріи опекунства“; нерѣдко, однако, правительство отводило участки земли въ распоряженіе частныхъ предпринимателей изъ иностранцевъ, называвшихся *„вызывателями“*;—(это имѣло мѣсто, впрочемъ, только въ Поволжьѣ) послѣдніе обязаны были набрать колонистовъ и поселить ихъ на отведенномъ участкѣ. Въ коронныхъ колоніяхъ поселенцы считались собственниками земли; въ вызывательскихъ они становились въ своеобразныя зависимыя отношенія къ вызывателямъ, напр., платили имъ десятую часть урожая. Вызыватели обнаруживали наклонность эксплуатировать колонистовъ и земли считать своею собственностью; на этой почвѣ между вызывателями и колонистами возникли раздоры, приведшіе къ тому, что правительство въ 1779 году обратило всѣ вызывательскія колоніи въ коронныя, а вызывателямъ, за утрату ихъ правъ выдало денежное вознагражденіе.

По національности огромное большинство колонистовъ были нѣмцы преимущественно изъ мелкихъ государствъ Германіи; крупныя государства Европы энергично противились вербовкѣ у себя колонистовъ для Россіи; однако, среди нѣмецкихъ колоній Поволжья было основано также нѣсколько колоній съ французскимъ населеніемъ, впрочемъ, позднѣе онѣмечившимся. Въ Новороссійскій край были переселены шведы съ острова Даго; въ періодъ между Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ и присоединеніемъ Крыма туда выселено было изъ Крымскихъ владѣній тамошнее христіанское населеніе, состоявшее изъ грековъ и армянъ; колонисты были размѣщены по берегамъ Азовскаго моря; затѣмъ въ Новороссію стали переселяться изъ Германіи члены секты *меннонитовъ;* ихъ переселеніе продолжалось и въ царствованіе императора Александра I.

Всѣ переселенцы получали довольно значительные участки земли, исчислявшіеся подворно: участки доходили до 60 десятинъ и отводились въ собственность поселенцамъ; платить государственныя подати поселенцы должны были по прошествіи льготныхъ лѣтъ. Хозяйство въ колоніяхъ вводилось трехпольное. Такъ появился въ южныхъ областяхъ имперіи новый видъ землевладѣльцевъ, существующій и до сихъ поръ.

§ 43. Происхожденіе государственныхъ крестьянъ.

Группа населенія Россіи, извѣстная подъ названіемъ государственныхъ крестьянъ и достигавшая по даннымъ восьмой ревизіи т. е., въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, внушительной цифры въ 7.809.355 ревизскихъ душъ, или 15.980.019 душъ обоего пола, была чрезвычайно различна по происхожденію многочисленныхъ своихъ составныхъ частей. Основнымъ ядромъ ея были остатки древняго русскаго чернаго крестьянства, уцѣлѣвшіе отъ закрѣпощенія. Крѣпостное право въ своемъ территоріальномъ распространеніи на сѣверъ и востокъ остановилось, не заходя далѣе Вологды, Тотьмы и теченія Ветлуги, потому что раздавать служилымъ людямъ помѣстья такъ далеко отъ границъ государства не было никакого смысла; правда, позднѣе, при Петрѣ, много крестьянскаго люда въ Пріуральѣ было приписано къ заводамъ, но все же значительная часть русскаго сѣвера сохранила свою старинную свободу. Къ чернымъ или, какъ ихъ чаще теперь называли, *черносошнымъ* крестьянамъ русскаго сѣвера примыкали и по происхожденію и по схожимъ условіямъ жизни крестьяне сибирскіе и бывшіе дворцовые крестьяне центральныхъ областей, уцѣлѣвшіе отъ раздачъ въ частныя руки. Въ восточныхъ губерніяхъ, преимущественно въ среднемъ Поволжьѣ, въ составъ государственныхъ крестьянъ вошли тюркскіе и финскіе ино-

родцы, которые подчинились московской державѣ еще въ XVI столѣтіи, долгое время платили правительству дань—*ясакъ*, и назывались поэтому *ясачными людьми*. Перечисленныя группы составляли главную массу государственныхъ крестьянъ, составляя по свѣдѣніямъ спеціальныхъ ревизоровъ 1836 и 1837 гг. свыше 5 милліоновъ мужского пола. Въ южной части Великороссіи въ число государственныхъ крестьянъ были включены сельскіе жители, совершенно иного, некрестьянскаго происхожденія, это были *однодворцы*, испомѣщенные большими группами на южныхъ, требовавшихъ постоянной защиты, границахъ; они фактически превратились въ крестьянъ хлѣбопашцевъ, сохранивъ отъ прежняго своего состоянія нѣкоторыя особенности земледѣлія, напр., право владѣть крѣпостными (см. выше § 30). Области, увеличившія собою имперію съ запада и юго-запада, также пополнили обширную группу государственныхъ крестьянъ; такъ къ государственнымъ крестьянамъ были причислены позднѣе, при Александрѣ I, *малороссійскіе казаки* Черниговской и Полтавской губерній. Старыя польскія области принесли, если не многочисленныя, то довольно разнообразныя группы сельскихъ жителей, примкнувшихъ къ государственнымъ крестьянамъ. Это были сельскіе обыватели изъ лицъ, принадлежавшихъ къ польской шляхтѣ, но не доказавшихъ своего дворянскаго происхожденія, *панцырные бояре*—также потомки мелкихъ служилыхъ людей стариннаго литовскаго великаго княжества, крестьяне старостинскихъ, т. е. бывшихъ казенныхъ имѣній Рѣчи Посполитой и крестьяне земель, конфискованныхъ отъ польскихъ помѣщиковъ. Присоединенная въ началѣ XIX вѣка Бессарабія сдѣлала свой вкладъ въ общую массу: водворенные на казенныхъ земляхъ *однодворцы и царане*—свободные хлѣбопашцы, сидѣвшіе на казенныхъ земляхъ или снимавшіе участки у частныхъ владѣльцевъ, были включены въ составъ государственныхъ крестьянъ.

Къ этимъ стариннымъ группамъ, какъ коренного русскаго населенія, такъ и населенія вновь присоединенныхъ областей, слѣдуетъ прибавить и такія, которыя сложились какъ прямое послѣдствіе законодательной дѣятельности правительства: сюда относятся крестьяне *„экономическіе“*, когда-то населявшіе земли духовныхъ учрежденій и отобранные въ казну Екатериной II въ 1764 году, (см. выше § 41) и, наконецъ, *свободные хлѣбопашцы*, освобожденные изъ неволи съ землею по закону 1803 года.

Уже одно перечисленіе важнѣйшихъ группъ, составлявшихъ общую массу государственныхъ крестьянъ, показываетъ, какъ мало было между всѣми ними общаго. Однако, несмотря на различное происхожденіе, условія жизни, создавшіяся въ XVIII столѣтіи, мало-помалу сближали ихъ между собою и создавали нѣчто общее, даже тамъ, гдѣ ранѣе не было и слѣдовъ его. Сказанное прежде всего относится

къ основнымъ и наиболѣе многочисленнымъ группамъ, — крестьянамъ черносошнымъ, ясачнымъ инородцамъ и однодворцамъ, составлявшихъ въ сложности около $^3/_4$ общей массы государственныхъ крестьянъ; тѣ, которые входили въ составъ ихъ позднѣе, подчинялись уже намѣтившемуся ходу вещей и раздѣляли судьбу трехъ основныхъ группъ. Этимъ общимъ была политика имперскаго правительства XVIII вѣка, постепенно превращавшая первоначально свободныя группы населенія въ особый видъ казеннаго имущества, назначеніемъ котораго было доставлять доходъ государству.

Первымъ актомъ правительства по пути постепеннаго порабощенія государственныхъ крестьянъ было введеніе подушной подати, наложившей на тяглыя массы гораздо болѣе чувствительное, чѣмъ ранѣе, податное ярмо. Строже проводилось начало прикрѣпленія крестьянъ къ тому мѣсту, гдѣ они были приписаны, строже выколачивались подати и накоплявшіяся недоимки. Не даромъ во второй четверти XVIII вѣка государственные крестьяне убѣгали со своихъ мѣстъ жительства почти не менѣе, чѣмъ крестьяне владѣльческіе. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. объединило одинаковымъ управленіемъ всѣ разряды незакрѣпощенныхъ въ частное владѣніе крестьянъ. Общее завѣдованіе ими поручалось казенной палатѣ. „Въ тѣхъ городахъ и округахъ“, гласила 335 статья учрежденія, „гдѣ жительство имѣютъ однодворцы, или всякихъ прежнихъ службъ служилые люди, или черносошные, или государственные крестьяне, то для таковыхъ дозволяется въ губерніи учредить по усмотрѣнію главнокомандующаго, смотря на пользу и нужды и соображаясь съ обширностью губерніи, у десяти до тридцати тысячъ душъ по одному суду, подъ названіемъ нижняя расправа“; задачей этого учрежденія было отправлять правосудіе по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, касающимся государственныхъ крестьянъ; апелляціонной инстанціей служитъ учреждаемая въ губернскомъ городѣ верхняя расправа; составъ обоихъ учрежденій долженъ былъ быть частью выборный, частью назначаемый; присутствіе чиновниковъ и значеніе ихъ въ управленіи государственными крестьянами лишь усугубляло то рабство, въ которое мало-по-малу переходили когда то свободные сельскіе жители.

Какъ извѣстно, за учрежденіемъ о губерніяхъ послѣдовало законодательное утвержденіе правъ и обязанностей сословій; вслѣдъ за грамотой дворянству и городовымъ положеніемъ 1785 г., опредѣлившимъ права городского населенія, должна была быть издана жалованная грамота государственнымъ крестьянамъ; намъ хорошо извѣстно теперь, что былъ составленъ даже проектъ такой грамоты, который, однако, такъ и остался не утвержденнымъ; права государственныхъ крестьянъ не были опредѣлены Екатериной, не было регламентировано и ихъ

внутреннее устройство. Послѣдній пробѣлъ былъ отчасти заполненъ императоромъ Павломъ, издавшимъ законъ 7 августа 1797 года. Законъ этотъ и завершилъ собою мѣры правительства XVIII вѣка по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ.

Законъ 7 августа вводилъ двѣ ступени въ организаціи крестьянства; двухстепенная организація была удержана и всѣми позднѣйшими законами объ устройствѣ крестьянъ. Селенія государственныхъ крестьянъ раздѣляются на волости не болѣе 3000 ревизскихъ душъ въ каждой. Во главѣ волости находится волостное правленіе, состоящее изъ волостного головы, старосты или выборнаго того же селенія, въ которомъ находится волостное правленіе и писарь. Волостныя и сельскія власти обнародываютъ распоряженія правительства, наблюдаютъ за благочиніемъ и безопасностью въ волости, собираютъ подати и недоимки; насколько точно регламентированы обязанности выборныхъ волостныхъ властей, насколько смутно и неопредѣленно очерчены права волостного схода: сходъ, „на который должны жители по одному съ каждаго двора, или сколько приказано будетъ при всякомъ случаѣ, немедленно поспѣшать“, избираетъ должностныхъ лицъ, волостныхъ и сельскихъ, производитъ раскладку податей, совершаетъ и кое-какія другія дѣла по управленію волости, но совершаетъ ихъ „въ тишинѣ“, „внимая тому, что имъ приказано и въ точности исполняя приказаніе подъ штрафомъ за неповиновеніе“.

Государственные крестьяне, организованные вышеописаннымъ образомъ по селеніямъ и волостямъ, были подчинены въ полицейскомъ отношеніи исправнику, въ финансовомъ отношеніи—казенной палатѣ; въ судебномъ отношеніи, по упраздненіи императоромъ Павломъ I „расправъ“,—палатамъ гражданской и уголовной и ввѣрялись попеченію губернатора. Послѣдовавшія въ первые годы царствованія Александра I перемѣны въ высшемъ управленіи имперіей окончательно опредѣлили организацію управленія государственными крестьянами и ихъ положеніе среди другихъ разрядовъ русскаго населенія.

§ 44. Удѣлы.

Положеніе объ Императорской Фамиліи, изданное въ день коронаціи императора Павла въ 1797 году, содержало между прочимъ очень важныя постановленія, касавшіяся крестьянъ и ихъ землевладѣнія. Для обезпеченія содержанія Императорской Фамиліи были учреждены *„Удѣлы“*, въ составъ которыхъ было зачислено нѣсколько милліоновъ десятинъ земли въ имперіи вмѣстѣ съ населявшими ихъ крестьянами. Сюда введены были:

а) значительная часть старинныхъ дворцовыхъ крестьянъ, находив-

шихся въ XVII столѣтіи въ вѣдѣніи дворцовыхъ приказовъ, а позднѣе—дворцовой канцеляріи.

б) нѣкоторая часть старинныхъ черносошныхъ крестьянъ на сѣверѣ, т. е. старинныхъ свободныхъ крестьянъ.

в) нѣкоторое число экономическихъ крестьянъ (см. выше § 41). Общее число крестьянъ, вошедшихъ въ составъ удѣльныхъ, было нѣсколько менѣе полумилліона ревизскихъ душъ.

Удѣльныя имѣнія, будучи въ порядкѣ управленія владѣніями государственными, въ поземельномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ имѣли характеръ помѣщичьихъ имѣній. Сообразно съ этимъ, крестьяне, населявшіе удѣльныя имѣнія, по ограниченіямъ въ своихъ личныхъ правахъ отличались отъ прочаго незакрѣпощеннаго крестьянства и были какъ бы крѣпостными Императорской Фамиліи. Крестьяне въ земельномъ отношеніи пользовались землею отъ удѣльнаго вѣдомства и обязаны были за это, кромѣ государственныхъ и мірскихъ повинностей, платить оброкъ и отбывать различныя повинности въ пользу удѣловъ. Земли, находившіяся въ пользованіи удѣльныхъ крестьянъ, раздѣлялись на двѣ категоріи: однѣ составляли постоянный тягловый надѣлъ изъ однѣхъ удобныхъ земель, а другія были запасными землями; пользованіе постояннымъ надѣломъ и несеніе повинностей за него было обязанностью для крестьянъ; пользованіе запасными землями не имѣло обязательнаго характера. Организація удѣльныхъ крестьянъ была аналогична съ организаціей крестьянъ государственныхъ по закону 1797 года.

Литература. См. литературу къ главѣ VI; кромѣ того: *Ключевскій.* Курсъ русской исторіи т. IV. М. 1911. *Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе Екатерины II т. I. Спб. 1881, 2-ое изд. 1903, т. II 1901. *Семевскій.* Крестьянскій вопросъ въ XVIII в. и первой половинѣ XIX в. т. I. Спб. 1888. *Якушкинъ.* Очерки русской поземельной политики XVIII в. М. 1890. *Трефильевъ.* Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе Имп. Павла. Харьковъ. 1904. *Туганъ-Барановскій.* Исторія русской фабрики. Спб. 1898. *Корсакъ.* О формахъ промышленности. М. 1861. *Романовичъ-Словатинскій.* Дворянство въ Россіи. Спб. 1870, 2-ое изд. Кіевъ. 1912. *Великая реформа.* Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. М. 1911 т. I. *Германъ.* Исторія русскаго межеванія. М. 1907, 2-ое изд. М. 1910. *Писаревскій.* Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. М. 1908. *Писаревскій.* Внутренній распорядокъ въ колоніяхъ Поволжья при Ек. II. Варшава 1914. *Верховскій.* Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Вел. Спб. 1909. *Денъ.* Населеніе Россіи по первой ревизіи 2 т. М. 1902. *Струве.* Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованіе по экономической исторіи Россіи XVIII и XIX в. М. 1913.

ГЛАВА VIII.

Малороссія въ XVI—XVIII вв.

§ 45. Заселеніе Малороссіи въ XVI столѣтіи.

Современная Малороссія, занимая, главнымъ образомъ, среднее Поднѣпровье, совпадаетъ географически съ центральными областями древней Кіевской Руси. Запустѣніе этихъ областей въ XII—XIII вѣкахъ, бывшее, какъ извѣстно, основной причиной паденія древнѣйшаго русскаго государства на цѣлыхъ два слишкомъ столѣтія опредѣлило историческую судьбу средняго Поднѣпровья. Запустѣніе это—неоспоримый фактъ; въ исторической наукѣ существуетъ разногласіе лишь относительно его размѣровъ; по мнѣнію однихъ территорія бывшихъ Кіевской и Черниговской земель стала послѣ татарскаго погрома настоящей пустыней; по мнѣнію другихъ въ ней непрерывно сохранялось населеніе, хотя и довольно рѣдкое. Какъ бы то ни было, съ половины XV столѣтія, въ замершихъ земляхъ по среднему Днѣпру начинается новое колонизаціонное движеніе, шедшее преимущественно изъ внутреннихъ частей Литовско-русскаго государства; его возникновеніе слѣдуетъ объяснить ослабѣніемъ татаръ въ степяхъ, позволившихъ литовскому правительству обратить вниманіе на закрѣпленіе своихъ южныхъ окраинъ. Съ переходомъ южно-русскихъ областей въ составъ Польши по Люблинской уніи 1569 года заселеніе пріобрѣло еще болѣе интенсивный характеръ.

Колонизація Поднѣпровья въ XV—XVI вѣкахъ велась литовскимъ, а позднѣе, особенно энергично, польскимъ правительствомъ; сначала строились замки, цѣлью которыхъ была военная защита отъ татаръ; замки также отдавались иногда въ личное держаніе. Укрѣпленные замки, напримѣръ Остеръ, Любечъ, Нѣжинъ, Каневъ и другіе имѣли такое же значеніе какъ города, основанные Иваномъ IV въ Польской и Сѣверской украйнахъ: они были первымъ этапомъ колонизаціи. Въ первые моменты своего существованія они обыкновенно были только укрѣпленными пунктами, снабженными гарнизономъ, но по мѣрѣ того

какъ основывались новые замки, прежніе остроги, остававшіеся позади, внутри страны, становились, какъ и въ Московскомъ государствѣ ядромъ, вокругъ котораго группировалось мирное населеніе. Совершенно, опять таки, аналогично съ колонизаціоннымъ процессомъ на южныхъ окраинахъ Московскаго государства, вслѣдъ за военной колонизаціей шла колонизація частновладѣльческая. Крупные дѣятели, вельможи, получали громадныя территоріи пустой земли чаще всего на ленномъ правѣ и въ собственность. Такъ въ 1585 г. Стефанъ Баторій далъ князю Константину Острожскому „привилей“ на постройку города Переяславля. Заселеніе нынѣшней Полтавской губерніи съ конца XVI вѣка до половины XVII-го тѣсно связано съ семьею князей Вишневецкихъ, самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ этомъ краѣ. Сеймовымъ постановленіемъ 1590 г. была узаконена раздача пустыхъ земель въ вѣчную собственность лицамъ шляхетскаго происхожденія. Такимъ образомъ, заселеніе средняго Поднѣпровья приводило къ установленію въ немъ господства шляхетскаго землевладѣнія вообще, а въ частности землевладѣнія крупнаго,—вотчинъ и личныхъ держаній магнатовъ. Въ процессѣ заселенія южныхъ областей Московской Руси было отмѣчено немаловажное значеніе колонизаціи вольной, которая обыкновенно предшествовала колонизаціи правительственной. Само собою разумѣется, что элементы вольной колонизаціи существовали и въ юго-западной Руси, но особенности мѣстной соціальной и экономической исторіи придали этой колонизаціи нѣсколько иной сравнительно съ Московской Русью характеръ и привели къ другимъ результатамъ. Изъ внутреннихъ областей юго-западной Руси сельское населеніе уходило на югъ, ища въ степномъ привольѣ свободы отъ крѣпостной неволи, которая, какъ извѣстно, въ западной половинѣ Руси развилась ранѣе нежели въ восточной; земельная реформа, предпринятая при Сигизмундѣ Августѣ, сопряженная съ измѣреніемъ земли на „волоки“ и съ переселеніемъ крестьянъ, дала колонизаціонному стремленію къ югу новый толчокъ. Свободные колонисты официально назывались крестьянами *непослушными;* впрочемъ, за ними рано укрѣпился другой народный терминъ *„казаки“* (см. § 33), ставшій затѣмъ общеупотребительнымъ. Осаживаясь на южномъ пограничьѣ и сохраняя на новыхъ мѣстахъ исконныя и привычныя формы земельнаго быта (§ 6) казаки сталкивались съ колонизаціей частновладѣльческой, ведшейся тамъ въ большомъ масштабѣ. Крупные вотчинники, болѣе сильные экономически и пользовавшіеся поддержкой литовскаго и польскаго правительствъ, старались подчинить себѣ казачество и поставить его въ такія же условія, въ которыхъ уже находились крѣпостные или послушные крестьяне въ ихъ имѣніяхъ. Національная рознь полонизованной шляхты и русскаго крестьянства и религіозная вражда между православными и католиками

обостряла эти отношенія еще болѣе и приводила къ выселенію казаковъ далѣе въ степь, гдѣ уже во второй половинѣ XVI столѣтія возникъ такой же центръ вольнаго казачества какъ на Дону и на Волгѣ, получившій названіе Запорожской Сѣчи; организація Сѣчи была аналогична организаціи донского казачества, но военно-анархическія ея черты были выражены еще рѣзче. Очень возможно, что на это вліяли возстанія, періодически возникавшія въ Малороссіи въ первой половинѣ XVII столѣтія; они носили характеръ національно-религіозной борьбы всего русскаго населенія противъ польской шляхты и католичества и въ нихъ принимали одинаковое участіе и казаки осѣдлые и запорожцы и крѣпостные крестьяне. Послѣднее изъ такихъ возстаній, начатое въ 1648 г. подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, имѣло огромное вліяніе на историческія судьбы страны и кореннымъ образомъ измѣнило ея земельные порядки.

§ 46. Вліяніе возстаній XVII столѣтія на землевладѣніе. Заселеніе Слободской Украйны.

Успѣшныя возстанія малорусскаго казачества и побѣды Хмельницкаго надъ поляками имѣли прямымъ послѣдствіемъ потерю шляхтой привиллегированнаго положенія и ея обширныхъ земельныхъ владѣній, а частью даже и изгнаніе ея изъ предѣловъ Малороссіи. Крупныя имѣнія съ ихъ хозяйствомъ и съ разнородными повинностями, которыми было обложено жившее въ нихъ „послушное“ населеніе, все было уничтожено волнами казачьихъ возстаній. Тѣ изъ прежнихъ владѣльцевъ, которые не были изгнаны, принуждены были войти въ демократическую массу казаковъ и слиться съ ней. Земли, принадлежавшія крупнымъ землевладѣльцамъ полякамъ и самому польскому правительству, были захвачены народомъ, считавшимъ ихъ общимъ достояніемъ. На землѣ, ставшей такимъ образомъ свободной, народъ, никѣмъ не стѣсняемый, началъ разселяться, гдѣ и какъ хотѣлъ. Въ правобережной Малороссіи этотъ процессъ былъ потомъ вновь нарушенъ ея полнымъ разореніемъ турками въ 70-хъ годахъ XVII вѣка, а позднѣе возвращеніемъ ея подъ власть Польши. Въ Малороссіи лѣвобережной, гдѣ на довольно долгій періодъ установился общественный и политическій строй, вытекшій изъ казачьихъ возстаній, онъ выразился особенно ярко: въ общемъ, въ Малороссіи въ XVII столѣтіи началась почти та же самая землевладѣльческая эволюція, какая обычно наблюдается въ краѣ, впервые подвергающемся заселенію, т. е. происходила вольная заимка земли по большей части коллективными группами осѣдлыхъ казаковъ и превратившихся въ казаковъ крестьянъ.

Само собой разумѣется, что перемѣны, внесенныя возстаніями въ

земельный строй лѣвобережной Малороссіи не были вездѣ одинаковы и равномѣрны; въ то время какъ на югѣ, въ Полтавщинѣ, обновленіе землевладѣльцевъ было полное, на сѣверѣ, въ Черниговскомъ краѣ, сохранились нѣкоторыя земли монастырей, право владѣнія которыми неоднократно подтверждалось гетманами; въ этихъ мѣстностяхъ сохранилось и гораздо больше остатковъ землевладѣній оказачившейся шляхты.

Борьба малорусскаго казачества съ Польшей имѣла еще одно послѣдствіе, о которомъ необходимо упомянуть: послѣдовательная неудача нѣсколькихъ возстаній, предшествовавшихъ движенію Хмѣльницкаго, заставила нѣкоторыхъ жителей лѣвобережной Малороссіи искать новыхъ мѣстъ жительства къ востоку, на земляхъ входившихъ въ сферу вліянія Московскаго государства. Въ 1639 году гетманъ Яковъ Остряниnъ съ отрядомъ казаковъ около 800 человѣкъ былъ принятъ на службу Московскимъ государемъ и былъ поселенъ за предѣлами Польской украйны въ основанномъ вновь городѣ Чугуевѣ. Первый опытъ оказался, впрочемъ, неудачнымъ; колонисты въ началѣ 40-ыхъ годовъ ушли съ отведенныхъ имъ мѣстъ. Однако позднѣе эмиграція возникла вновь и поддерживалась въ теченіе всей 3-ьей четверти XVII столѣтія войнами и внутренними потрясеніями, отъ которыхъ продолжала страдать Малороссія. Край, заселенный малорусскими колонистами, получилъ названіе *Слободской* т. е. вольной Украйны. Здѣсь были основаны города Сумы, Ахтырка, Острогожскъ, Харьковъ и позднѣе Изюмъ, сдѣлавшіеся центрами пяти слободскихъ *полковъ*,—автономныхъ организацій съ выборной казачьей старши́ной, организованныхъ по точному подобію такихъ же полковъ, на которые дѣлилась освободившаяся отъ польскаго владычества Малороссія; такая же аналогія существовала и въ земельномъ строѣ обѣихъ областей: и въ Слободской Украйнѣ землею завладѣвали группы казаковъ по праву вольной заимки; подобно землямъ остатковъ шляхты, гетмановъ и членовъ старшины лѣвобережной Малороссіи и въ Слободскихъ полкахъ появляются земли, принадлежащія *полковникамъ* и членамъ старшины, т. е. основателямъ, организаторамъ новыхъ полковъ и ихъ сподвижникамъ.

§ 47. Формы крестьянскаго землевладѣнія. Происхожденіе подворнаго владѣнія.

Съ землевладѣніемъ малороссійскихъ крестьянъ въ настоящее время неразрывно связано представленіе о подворной формѣ владѣнія, при которой собственникомъ крестьянской земли является не юридическое лицо—община, а отдѣльные дворохозяева. Высказывалось не разъ мнѣніе, что подворное крестьянское землевладѣніе является исконною

особенностью Малороссіи. На самомъ дѣлѣ формы землевладѣнія, которыя установились въ эпоху казачьихъ возстаній, вовсе не отличались оригинальностью; крестьянское землевладѣніе развивалось обычнымъ путемъ, лишь постепенно эволюціонируя отъ коллективнаго къ индивидуальному. Въ сѣверной части страны, гдѣ крестьянское землевладѣніе сохранялось отъ болѣе ранняго времени и не было измѣнено земельными реформами XVI вѣка, удерживалась земельная община въ ея древней формѣ (§ 6) близкой къ долевому землевладѣнію русскаго сѣвера. Нѣчто близкое къ этой формѣ землевладѣнія установилось и тамъ, гдѣ имѣла мѣсто новая крестьянская колонизація, т. е. въ Полтавщинѣ и Слободской Украйнѣ: колонисты садились на свободную землю группами и владѣли ею сообща; вольный захватъ приводилъ къ коллективному землевладѣнію, гдѣ субъектомъ владѣнія, хотя можетъ быть и не совсѣмъ отчетливо, представлялась совокупность колонистовъ, т. е. земельная община, въ которой, однако, не существовало уравнительныхъ передѣловъ, а наслѣдованіе происходило такимъ же образомъ, какъ и при землевладѣніи долевомъ или складническомъ.

Остатки формъ землевладѣнія, господствовавшихъ среди малорусскаго крестьянства въ XVII и началѣ XVIII столѣтій, не исчезли и понынѣ. Наблюденія надъ современнымъ состояніемъ крестьянскаго землевладѣнія въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ показываютъ, что не смотря на повсемѣстное господство подворнаго владѣнія, нѣкоторые остатки древнѣйшаго общиннаго строя еще сохраняются. Такъ при нѣкоторыхъ селеніяхъ наряду съ подворными участками еще встрѣчаются пахотныя угодія, сѣнокосы и рыбныя ловли, составляющіе коллективную собственность всего селенія и подвергаемыя переверсткамъ и передѣламъ; въ другихъ селеніяхъ всѣ усадебныя земли считаются собственностью всего селенія: въ случаѣ если усадебный участокъ становится выморочнымъ или владѣлецъ его выходитъ изъ общины, участокъ возвращается во владѣніе сельскаго общества, которое распоряжается имъ по своему усмотрѣнію при отдачѣ новому лицу; однако, земля, отводимая члену общины, остается въ постоянномъ владѣніи его и его наслѣдниковъ.

Разъ землевладѣніе малорусскихъ крестьянъ XVII столѣтія существенно отличалось по своей формѣ отъ современнаго, то естественно возникаетъ вопросъ, почему господствовавшая ранѣе община складническаго типа почти исчезла, уступивъ мѣсто подворному владѣнію. Можно указать на двѣ причины такой коренной перемѣны. Во первыхъ выдѣленіе изъ среды казаковъ господствующаго слоя,—казачьей старшины (см. § 48), сопровождалось созданіемъ особыхъ земельныхъ владѣній, сначала входившихъ въ составъ общины, затѣмъ изъ нея выдѣлявшихся и становившихся независимою отъ общины собственностью

ихъ владѣльцевъ, которые такимъ образомъ отрывали эти земли отъ общины, опираясь на свою власть и вліяніе, и закрѣпляли земли за собою. Во вторыхъ, и это въ данномъ случаѣ еще важнѣе, стремленіе къ захвату общинныхъ земель, замѣчавшееся со стороны членовъ казачьей старшины, вызывало подражаніе и со стороны рядовыхъ казаковъ. Отдѣльныя лица изъ казаковъ, пользуясь тѣмъ, что при громадномъ земельномъ просторѣ земля еще не представляла большой цѣнности въ глазахъ казаковъ членовъ общины, захватывали съ вѣдома или даже безъ вѣдома общины отдѣльные участки земли, а иногда покупали ихъ у общинъ; непониманіе со стороны общины важности сохраненія ея земельной территоріи въ неприкосновенности приводило къ тому, что захваченный участокъ навсегда уходилъ отъ общины и закрѣплялся въ личную собственность. Процессъ этотъ, начавшійся вѣроятно на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій, постепенно развивался и къ концу XVIII вѣка сдѣлалъ подворное землевладѣніе господствующимъ въ крестьянской средѣ.

§ 48. Образованіе и ростъ дворянскаго землевладѣнія. Закрѣпощеніе крестьянъ.

Во второй половинѣ XVII столѣтія Малороссія, освободившаяся отъ польскаго владычества, представляла собою военный лагерь на демократической подкладкѣ: вся страна приняла на время обликъ, напоминавшій во многомъ Запорожье и Донъ. Равенство правъ и обязанностей было полное: каждый могъ занимать изъ неисчерпаемаго запаса земель сколько у него хватало силъ занять, всѣ должности по управленію были выборныя и каждый имѣлъ активное и пассивное право выбора. Мало по малу, однако, въ соціальномъ строѣ Малороссіи стало намѣчаться разслоеніе на три отдѣльныхъ группы: кто хотѣлъ и могъ нести военную службу, примыкалъ къ военному сословію, за которымъ закрѣпилось названіе *казаковъ*; кто не хотѣлъ или не могъ быть казакомъ, для того военная служба замѣнялась отбываніемъ податей и повинностей: это были крестьяне, или какъ ихъ называли въ Малороссіи *посполитые;* затѣмъ изъ общей демократической массы стала обособляться среда, изъ которой выходила казачья *старшина*, т. е. должностныя лица; изъ казачьей старшины, къ которой примкнули также уцѣлѣвшіе въ Малороссіи остатки прежней польско-малорусской шляхты, образовалось постепенно малороссійское дворянство.

Малороссія, представлявшая собою войско, дѣлилась на полки, а полки на сотни; каждая сотня выбирала своихъ должностныхъ лицъ или, какъ говорили, свой *„урядъ“;* полкъ—свой, а все войско—общій войсковой или генеральный урядъ. Наблюдалось нерѣдко, что въ ка-

зачьи уряды выбирались представители однихъ и тѣхъ же семействъ; уряды переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, вслѣдствіе чего войсковая старшина постепенно пріобрѣтала характеръ привиллегированнаго сословія; соціальный слой, изъ котораго пополнялся войсковой урядъ, составилъ высшую казачью аристократію, носившую названіе *бунчуковыхъ товарищей*, какъ бы находившихся при гетманѣ. Какъ только въ Малороссіи намѣтились элементы привиллегированнаго сословія, тотчасъ же въ его рукахъ стали собираться земельныя богатства. Накопленіе земель въ рукахъ старшины шло двоякимъ путемъ. Уже вскорѣ послѣ гетманства Хмѣльницкаго стали раздавать войсковыя земли, носившія названія *ранговыхъ маетностей;* получавшій такія земли пріобрѣталъ право на обязательный трудъ жившаго тамъ населенія; при нѣкоторой наклонности урядовъ стать наслѣдственными, нѣкоторыя изъ ранговыхъ маетностей позднѣе перешли въ собственность старшины. Въ XVIII столѣтіи малорусскіе дворяне укрѣпляли за собою ранговыя маетности пользуясь связями и протекціями при дворѣ и достигли того, что къ концу гетманства Разумовскаго (1764 г.) такія маетности исчезли вовсе. Еще болѣе значительнымъ источникомъ обогащенія малорусскихъ дворянъ было пріобрѣтеніе земель посредствомъ захвата и скупки земель. Такъ какъ запасъ свободныхъ земель постепенно сокращался, то главное значеніе получила покупка земли у казаковъ и посполитыхъ, въ особенности у послѣднихъ, какъ слоя населенія менѣе всего способнаго къ энергичному отпору. Правительство смотрѣло очень недоброжелательно на обезземеленіе посполитыхъ и казаковъ, но несмотря на запретительные указы, не разъ издававшіеся въ XVIII столѣтіи, скупка земель продолжалась непрерывно. При Разумовскомъ (1750—1764 гг.), который всецѣло былъ игрушкой въ рукахъ мѣстнаго дворянства, скупка земель шла особенно быстро; вопреки указамъ, онъ разрѣшалъ покупку земель у казаковъ и посполитыхъ, хотя и съ оговоркой, чтобы земли покупались „малою частью“ и неоднократно утверждалъ явно противозаконныя сдѣлки на землю, совершенныя его приближенными. Скупка казачьихъ и посполитыхъ земель была явленіемъ отрицательнымъ не только потому, что она вела къ обезземеленію нисшаго населенія; скупка часто носила принудительный характеръ. Панъ, т. е. дворянинъ, землевладѣлецъ, членъ казачьей старшины, пользуясь своей властью и вліяніемъ, заставлялъ казака или посполитаго продать себѣ за безцѣнокъ нужный участокъ земли, а иногда прямо захватывалъ его, прикрывая насиліе фиктивной сдѣлкой, на которую другая сторона соглашалась поневолѣ.

Въ результатѣ сначала посполитые, а потомъ и казаки, изъ собственниковъ земель, занятыхъ ими въ эпоху казачьихъ возстаній, превратились въ безземельныхъ арендаторовъ, батраковъ и, наконецъ,

въ крѣпостныхъ. Послѣднее обстоятельство было почти механическимъ послѣдствіемъ перехода земель въ руки малорусскаго дворянства. Посполитому или казаку, принужденному разстаться со своей землей, уйти обычно было некуда; онъ оставался сидѣть на прежнемъ мѣстѣ, неся повинности въ пользу новаго хозяина земли; посполитые, какъ соціально болѣе слабые, первые обратились въ подневольныхъ работниковъ на панскія хозяйства; за ними въ XVIII столѣтіи послѣдовали и казаки, которые съ замиреніемъ страны сдѣлались такими же крестьянами, какъ и посполитые.

Однако, панство имѣло и еще одинъ способъ обезпечивать за собой обязательный трудъ населенія: малорусское панство XVIII столѣтія до извѣстной степени повторило исторію польско-малорусской шляхты XVI столѣтія: и оно колонизовало принадлежавшія ему пустыя земли, призывая на нихъ свободныхъ людей различнаго происхожденія, которые садились на эту землю съ обязательствомъ нести въ пользу владѣльца различныя повинности. Повинности опредѣлялись не закономъ, а мѣстными обычаями, шаткими и мало опредѣленными, отчего, конечно, всегда выигрывала сильная сторона, т. е. владѣльцы; за людьми сидѣвшими на панской землѣ, оставалось право уходить, разсчитавшись съ хозяиномъ; фактически задолженность почти всегда препятствовала имъ это дѣлать. Такимъ образомъ, освободившееся въ XVII вѣкѣ малорусское крестьянство очень быстро вновь прошло весь тотъ путь закрѣпощенія, какой выпалъ на долю великорусскаго крестьянства за сто лѣтъ до того; одинаковыя явленія привели къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Борьба противъ самовольныхъ уходовъ и желаніе во что бы то ни стало удержать у себя крестьянина земледѣльца повлекло за собою активную борьбу противъ права ухода крестьянина; мѣстныя власти, т. е. та же казачья старшина, съ начала XVIII столѣтія стараются уничтожить право перехода; въ 1707 году гетманъ Мазепа приказываетъ преслѣдовать всѣхъ уходящихъ съ панскихъ земель. Въ 1739 г. войсковая канцелярія запрещаетъ переходы подъ угрозой смертной казни. Несмотря на отмѣну этого распоряженія, гетманъ Разумовскій въ 50-ыхъ годахъ издавалъ распоряженія, запрещавшія посполитамъ, уходившимъ отъ владѣльцевъ, брать съ собою даже свое движимое имущество: это было косвеннымъ запрещеніемъ переходовъ. Такимъ образомъ, почва для окончательнаго уничтоженія права перехода была уже вполнѣ подготовлена, когда послѣдовалъ указъ Екатерины II 3 мая 1783 г. объ устройствѣ податного дѣла въ малороссійскихъ губерніяхъ, въ которомъ между прочимъ находимъ повелѣніе „каждому изъ поселянъ оставаться въ своемъ мѣстѣ и званіи гдѣ онъ по послѣдней ревизіи записанъ“. Хотя указъ 1783 г. офиціально преслѣдовалъ фискальныя цѣли, однако, на самомъ дѣлѣ, приведенное постановленіе было

внесено въ него подъ вліяніемъ общаго направленія внутренней политики XVIII столѣтія и стараній уже вполнѣ сформировавшагося малорусскаго дворянства занять одинаковое положеніе съ дворянствомъ великорусскимъ; этого оно достигло нѣсколько позднѣе въ 1785 году, когда дѣйствія жалованной грамоты россійскому дворянству были распространены и на Малороссію. Указъ 1783 г. уравнялъ его съ великорусскимъ дворянствомъ въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ; исторія малорусскаго крестьянства, со времени указа 1783 г. неразрывно сливается съ исторіей всего русскаго крестьянства.

Краткій очеркъ исторіи землевладѣльческихъ отношеній въ Малороссіи убѣждаетъ еще разъ въ постоянномъ и опредѣленномъ отношеніи существующемъ между коллективнымъ землевладѣніемъ, опирающимся на первоначальную заимку и появляющимся позднѣе крупнымъ индивидуальнымъ землевладѣніемъ: второе развивается за счетъ перваго и поглощаетъ его, въ то же время подчиняя себѣ трудъ земледѣльца: исторія Малороссіи XVII—XVIII вѣка можетъ служить особенно наглядным примѣромъ этого процесса по быстротѣ его развитія и по близости описанныхъ явленій къ нашему времени.

Литература къ главѣ VIII.

См. литературу къ главѣ III; сверхъ того:

Лазаревскій. Малороссійскіе посполитые крестьяне. Черниговъ 1866, 2-е изд. К. 1908. *Лазаревскій.* Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. 5 томовъ. Кіевъ 1892—1999. *Лазаревскій.* Описаніе старой Малороссіи т. I—III. К. 1888—1902 гг. *Лучицкій.* Общинное землевладѣніе въ Малороссіи. (Устои 1882 г. № 7). *Его же.* Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ (Отеч. Записки, 1882 г., № 11). *Его же.* Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII вѣкѣ. *Его же* „Общинныя формы землевладѣнія въ Днѣпровскомъ побережьѣ“. (Объ статьи въ Земскомъ Обзорѣ 1883 и 1884 гг.). *Его же.* Заиманщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи (Юрид. вѣстникъ 1890 г. № 3). *Мякотинъ.* Прикрѣпленіе крестьянства въ лѣвобережной Малороссіи, Р. Богатство 1894 г. №№ 2, 3, 4. *Барвинскій.* Крестьяне въ лѣвобережной Украйнѣ въ XXII—XVIII вѣкахъ. (Зап. Харьк. Университета, 1909 г. Кн. 1—3 и отдѣльно). *Багалѣй.* Очерки изъ исторіи колонизаціи степной Украйны Московск. Государства (въ Чтеніяхъ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и отдѣльно) М. 1888. *Багалѣй.* Очерки изъ русской исторіи, т. II. Монографіи и статьи по исторіи Слободской Украйны. Харьковъ 1913 г. *Головинскій.* Слободскіе казачьи полки. II. 1864 г. *Ефименко А. Я.* „Очерки исторіи правобережной Украйны“; „Малорусское дворянство и его судьба“. „Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси. (Всѣ три статьи помѣщены въ сборникѣ Южная Русь. II 1905 г.). *Архіепископъ Филаретъ.* „Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи“ Черн. 1873 г. *Его же.* „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи“. М. и Харьковъ 1852—1859.

ГЛАВА IX.

XIX столѣтіе.

§ 49. Воззрѣнія Александра I на крестьянскій вопросъ; раскрѣпощеніе земли.

Воспитанный въ передовыхъ идеяхъ конца XVIII вѣка императоръ Александръ I (1801—1824) „любилъ поселянъ“ изъ сентиментализма. Его воспитатель Лагарпъ въ историческомъ курсѣ старался воспитать въ Александрѣ добрыя чувства къ низшему классу и желаніе освободить крестьянъ: этимъ объясняется проявившееся въ Александрѣ въ началѣ царствованія стремленіе улучшить участь крестьянъ; но слабость и общіе недостатки характера сдѣлали свое дѣло и вызвали постепенное охлажденіе Александра къ крестьянскому вопросу.

Первымъ проявленіемъ интереса государя къ крестьянскому вопросу было повелѣніе генералъ-прокурору изготовить записку о прекращеніи продажи крестьянъ безъ земли. Записка была читана въ Государственномъ Совѣтѣ 16 мая 1801 года, но предлагаемая мѣра была признана опасной, а государь не настаивалъ на ея выполненіи. Нѣсколько живѣе было обсужденіе крестьянскаго вопроса въ неофиціальномъ комитетѣ друзей императора, начавшееся 23-го Іюля 1801 г.; изъ членовъ комитета наиболѣе горячимъ сторонникомъ улучшенія быта крестьянъ былъ гр. Строгановъ. Какъ это ни странно, но Лагарпъ въ это время оказывалъ на Александра I очень консервативное вліяніе въ крестьянскомъ вопросѣ. При нерѣшительности Александра I понятно, что обсужденіе дѣла въ негласномъ комитетѣ не могло имѣть большого практическаго результата.

Вторая мысль Александра I въ это время заключалась въ опредѣленіи повинностей крестьянъ въ пользу помѣщиковъ,—старинная мысль, блеснувшая впервыя у Бориса Годунова, но оставшаяся невыполненной до 1861 года. Когда, въ 1803 г., этотъ вопросъ обсуждался въ комитетѣ, члены его представили свои возраженія; самъ государь, когда ему предложили собрать по этому поводу депутатовъ изъ губерній,

нашелъ созывъ опаснымъ. По мысли Лагарпа и адмирала Мордвинова первымъ шагомъ, хотя и косвеннымъ, къ улучшенію быта крестьянъ должно было быть дарованіе права некрѣпостнымъ крестьянамъ, разночинцамъ и вообще всѣмъ лицамъ недворянскаго происхожденія владѣть землею. Государь согласился на разрѣшеніе не дворянамъ покупать населенныя имѣнія и 12 декабря 1801 года, былъ изданъ законъ, положившій начало раскрѣпощенію земли послѣ послѣдовательнаго ея закрѣпощенія въ XVII и особенно въ XVIII столѣтіи. „Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности народной“ говорилось въ указѣ, „признали мы нужнымъ право пріобрѣтенія всякихъ подъ разными именами извѣстныхъ земель безъ крестьянъ и владѣнія всѣмъ тѣмъ, что на поверхности и въ нѣдрахъ ихъ находится, распространить на всѣхъ россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ. И вслѣдствіе этого предоставляемъ не только купечеству и мѣщанству и всѣмъ, городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ крестьянамъ, къ какому бы они вѣдомству не принадлежали (т. е. и государственнымъ и удѣльнымъ), равномѣрно и отпущеннымъ на волю, отъ помѣщиковъ пріобрѣтать покупкою земли отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу“. Такимъ образомъ, земля была освобождена отъ преимущественныхъ правъ на нее дворянъ ранѣе, чѣмъ получили свободу крѣпостные крестьяне. Въ этомъ заключается громадное значеніе закона 1801 года. Позднѣе, послѣ изданія закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, законъ 1801 года былъ дополненъ 18 октября 1804 года, дарованіемъ права купцамъ, получившимъ не на службѣ чинъ VIII класса, покупать деревни съ тѣмъ, чтобы крестьяне немедленно переводились на положеніе вольныхъ хлѣбопашцевъ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ рѣшеній, принятыхъ Александромъ I въ первые мѣсяцы его царствованія, было рѣшеніе, имѣвшее и практическое значеніе—не раздавать казенныхъ населенныхъ имѣній въ собственность. Это рѣшеніе, не облеченное однако въ форму закона, тѣмъ не менѣе имѣло огромное значеніе: навсегда кончилась безумная раздача казенныхъ земель, которая началась со смерти царя Алексѣя Михайловича и продолжалась непрерывно до смерти Павла I. Изсякъ одинъ изъ источниковъ роста частнаго дворянскаго землевладѣнія и увеличенія числа крѣпостныхъ.

§ 50. Законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Крестьянскій и земельный вопросъ до конца войнъ съ Наполеономъ.

Наиболѣе важнымъ событіемъ изъ исторіи помѣщичьихъ крестьянъ при Александрѣ I, событіемъ, которое имѣло важное значеніе и для

исторіи владѣнія землей, является законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, изданный 20 февраля 1803 г. Въ то самое время, какъ усердіе къ крестьянскому дѣлу ослабѣвало въ негласномъ комитетѣ, на помощь крестьянскому дѣлу пришла частная иниціатива графа С. П. Румянцова, который въ ноябрѣ 1802 года подалъ государю записку, гдѣ проводилъ мысль, что добровольныя сдѣлки между помѣщиками и крестьянами должны привести къ постепенному паденію рабства. Разсмотрѣнный въ государственномъ совѣтѣ въ январѣ 1803 г. проектъ гр. Румянцова, несмотря на противодѣйствіе части членовъ съ генералъ-прокуроромъ Державинымъ во главѣ, получилъ утвержденіе Александра I и въ окончательномъ видѣ принялъ такія формы:

1) Помѣщикъ, желающій уволить своихъ крестьянъ въ части или въ цѣломъ, представляетъ проектъ условій черезъ губернскаго предводителя и министерство внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе государя. Послѣ этого условія вносятся въ гражданскую палату для записи у крѣпостныхъ дѣлъ. Крестьяне выкупаются сразу или въ разсрочку.

2) Принятыя помѣщикомъ условія сохраняются ненарушимо, какъ обязанности по крѣпостямъ. Они обязательны и для наслѣдниковъ помѣщика.

3) Если крестьяне не исполняютъ взятыхъ на себя обязательствъ, то они по прежнему возвращаются подъ власть помѣщика.

4) Отпущенные такимъ образомъ крестьяне могутъ не вступать въ другія сословія и составляютъ особенное состояніе *„свободныхъ хлѣбопашцевъ“*.

5) Дворовые могутъ вступать въ свободные хлѣбопашцы, если пріобрѣтутъ себѣ землю.

6) Юридическое ихъ положеніе въ общемъ приравнивается къ государственнымъ крестьянамъ съ тою, однако, разницею, что за вольными хлѣбопашцами признается полное право собственности на ихъ землю, тогда какъ земля, занятая государственными крестьянами, считается собственностью государства.

7) Свободные хлѣбопашцы, получивъ землю въ собственность, могутъ продавать ее, закладывать, передавать по наслѣдству и т. д., но съ тѣмъ, чтобы участокъ не дробился мельче 8 десятинъ. Свободные хлѣбопашцы имѣютъ сами право покупать землю и переходить на жительство въ другія губерніи; послѣднее допускалось съ вѣдома казенной палаты, какъ учрежденія, вѣдавшаго податныя сословія.

Указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ вызвалъ очень различныя сужденія въ тогдашнемъ обществѣ; часть ему сочувствовала; крѣпостники, вродѣ напримѣръ знаменитаго Растопчина, негодовали. На практикѣ онъ, однако, имѣлъ мало значенія: до смерти Александра I было 160 случаевъ освобожденія на правахъ вольныхъ хлѣбопашцевъ; всего же до 1861 г. на основаніи закона 1803 г. освободилось 47,153 души.

Проектъ гр. Румянцова былъ встрѣченъ сочувственно государемъ, главнымъ образомъ благодаря еще продолжавшемуся вліянію негласнаго комитета. Съ исчезновеніемъ комитета крестьянскій вопросъ отошелъ на задній планъ. Вслѣдствіе этого слѣдующіе годы очень бѣдны законодательными постановленіями по крестьянскому, а слѣдовательно и по земельному вопросу. Изложимъ нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе важныя; 1808 года, февраля 18, былъ изданъ указъ о бытіи крѣпостнымъ крестьянамъ, женившимся на воспитанницахъ Мѣщанскаго училища, свободными отъ помѣщичьяго владѣнія, только тогда, когда они представятъ на это дозволеніе помѣщиковъ. 1811 года, іюля 5, былъ данъ указъ Новгородскому, Тверскому и Ярославскому генералъ-губернатору принцу Георгію Ольденбургскому, по дѣлу о помѣщицѣ Воробьевой, сославшей на поселеніе двухъ крестьянъ за маловременную отлучку. Суть указа заключается въ томъ, что помѣщики имѣютъ право ссылать крестьянъ на поселеніе только по суду, а не по собственному усмотрѣнію. Такъ въ 10-хъ годахъ XIX вѣка законодательство становится уже совсѣмъ на другую точку зрѣнія, чѣмъ во времена Елизаветы и проявляетъ стремленіе уменьшить произволъ помѣщиковъ. 1814 года, іюня 11, послѣдовало запрещеніе личнымъ дворянамъ владѣть населенными имѣніями: это фактически суживало кругъ рабовладѣльцевъ. Такимъ образомъ въ періодъ до конца освободительныхъ войнъ въ сферѣ крестьянской и земельной политики сдѣлано немного и то, что сдѣлано, имѣло скорѣе принципіальное, нежели практическое значеніе. Въ промежутокъ 1804—1814 г. вопросы внутренней политики оживляются только въ связи съ дѣятельностью Сперанскаго. Интересно поэтому познакомиться съ его воззрѣніями на занимающіе насъ вопросы.

Основная черта идей Сперанскаго—предпочтеніе политическихъ реформъ вопросу крестьянскому. По его мнѣнію освобожденію крестьянъ не должно предшествовать просвѣщеніе: несвободному народу образованіе не нужно. По его мнѣнію крѣпостное право вредно отзывается на нашемъ строѣ: въ Россіи только два класса: рабы государства и рабы землевладѣльцевъ. Крѣпостное право—явленіе временное: это зло должно имѣть свой конецъ. Когда придетъ время поставить на очередь освобожденіе крестьянъ, оно должно обнимать двѣ эпохи: во первыхъ, опредѣленіе повинностей, во вторыхъ, возстановленіе древняго права перехода. Однако, въ другомъ мѣстѣ своего проекта Сперанскій высказывается принципіально противъ безземельнаго освобожденія. Сперанскій, видимо, ясно сознавалъ зло крѣпостного права, но въ пору своего наибольшаго вліянія онъ, увлекаясь идеями политическаго строительства, ровно ничего не сдѣлалъ по крестьянскому вопросу. Большее вліяніе оказалъ Сперанскій въ этой области въ царствованіе Николая I.

§ 51. Проекты освобожденія крестьянъ въ 10-хъ годахъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I крестьянскій вопросъ оживляется вторично.

Самъ Александръ I послѣ Наполеоновскихъ войнъ высказывалъ по крайней мѣрѣ, на словахъ, интересъ къ дѣлу освобожденія; вѣроятно, этимъ надо объяснить то, что между 1816—1820 годами правительству было подано 11 проектовъ освобожденія крестьянъ преимущественно лицами близкими къ государю, или же высоко стоявшими на бюрократической лѣстницѣ. На нѣкоторые изъ нихъ слѣдуетъ обратить вниманіе.

Въ 1816 г. поданъ былъ проектъ флигель-адъютанта Киселева (впослѣдствіи устроителя быта государственныхъ крестьянъ). По мнѣнію Киселева, освобожденіе крестьянъ неминуемо и удобнѣе всего его произвести постепенно; для этого нужно дозволить пріобрѣтать помѣстья всякимъ капиталистамъ съ тѣмъ, чтобы обязанности крестьянъ къ новымъ помѣщикамъ были опредѣлены; переводъ въ дворовые запрещается, излишекъ крѣпостныхъ крестьянъ, не нужныхъ для обработки помѣщичьихъ полей, слѣдуетъ переводить на казенныя земли въ малонаселенныя области.

Къ 1818 г. относятся нижеслѣдующіе три проекта: такъ называемый проектъ Аракчеева, вѣроятно кѣмъ нибудь для него составленный. Этотъ проектъ предлагаетъ правительству скупать помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ въ казну по добровольнымъ условіямъ или же съ обязательной покупкой надѣла въ 2 десятины на душу. Такой маленькій надѣлъ долженъ былъ сдѣлать крестьянъ батраками помѣщиковъ.

Проектъ адмирала Н. С. Мордвинова — наиболѣе непрактичный и несправедливый изъ всѣхъ проектовъ этого времени, осуществленіе котораго могло бы привести къ финансовому разгрому государственнаго казначейства; предлагалось гражданскую свободу сдѣлать „наградой трудолюбію и пріобрѣтенному трудомъ достатку“—освобожденіе есть, слѣдовательно, выкупъ: люди отъ 20 до 60 л. оцѣниваются суммами отъ 100 до 2000 руб. за человѣка (2000 руб. въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ).

Проектъ Е. Ф. Канкрина, впослѣдствіи министра финансовъ при Николаѣ I, былъ лучшимъ изъ поданныхъ въ то время проектовъ: онъ предлагалъ постепенное освобожденіе крестьянъ съ землею.

Отмѣтимъ еще поданный около того же времени Александру I черезъ генерала Милорадовича проектъ освобожденія крестьянъ, составленный извѣстнымъ позднѣе эмигрантомъ Н. И. Тургеневымъ, который

предлагалъ опредѣлить повинности, ограничить право наказаній и въ концѣ концовъ возвратить право перехода.

Представленные проекты не имѣли практическаго значенія. Въ нихъ мы можемъ только уловить, что крестьянскимъ вопросомъ интересовались въ высшихъ слояхъ, что вопросъ объ освобожденіи съ землею былъ уже поставленъ и что вопросъ объ окончательномъ раскрѣпощеніи и землевладѣнія и крестьянства представлялся только вопросомъ времени.

Понятно, что и въ оппозиціонной средѣ крестьянскимъ вопросомъ интересовались не менѣе; я имѣю въ виду проекты освобожденія, вышедшіе изъ среды декабристовъ. Кромѣ уже упомянутаго проекта Тургенева, въ проектѣ конституціи, составленномъ Никитой Муравьевымъ, находимъ предположеніе объ освобожденіемъ крестьянъ съ предоставленіемъ имъ въ даръ 2 десятинъ на дворъ, а въ конституціонномъ проектѣ Пестеля („Русская Правда“), крестьянамъ отдавалась половина помѣщичьей земли. Интересъ декабристовъ къ крестьянскому вопросу виденъ и изъ ихъ записокъ и изъ ихъ показаній на слѣдствіи. Говоря объ идеяхъ декабристовъ, касающихся крестьянскаго вопроса, интересно отмѣтить, какъ медленно въ умахъ этихъ лучшихъ представителей русскаго общества завоевывало себѣ мѣсто убѣжденіе въ необходимости освободить крестьянъ съ землею. Почти всѣ они начинали съ того, что высказывали пожеланіе объ освобожденіи личности крестьянина; земля должна была оставаться за помѣщиками. Освобожденіе съ землею, о которомъ впервые заговорилъ еще Радищевъ въ концѣ XVIII вѣка, у декабристовъ является результатомъ долгой и часто сложной эволюціи; такъ было напримѣръ съ Никитой Муравьевымъ, а Н. И. Тургеневъ допускалъ безземельное освобожденіе еще въ 40-хъ годахъ, издавая за границей свою знаменитую книгу „La Russie et les Russes“.

Въ исторіи русскихъ крестьянъ при Александрѣ I слѣдуетъ еще остановиться на одномъ эпизодѣ, а именно на обсужденіи вопроса о продажѣ крестьянъ безъ земли въ государственномъ совѣтѣ въ 1820 г. Обсужденіе происходило по поводу нѣсколькихъ случаевъ продажи крестьянъ въ розницу, о которыхъ узналъ Александръ I. Государь приказалъ комитету министровъ собрать всѣ законы, сюда относящіеся, и вновь обсудить дѣло; самъ онъ думалъ, что продажа крестьянъ въ розницу уже давно не существуетъ. Комиссія законовъ, которой дѣло было поручено комитетомъ министровъ и государственнымъ совѣтомъ, приготовила проектъ, по которому крестьяне должны были продаваться только цѣлыми селеніями и окончательно запрещалось брать крестьянъ въ дворовые.

Но все ограничилось разговоромъ въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ большинство было противъ проекта, выработаннаго комиссіей. Дѣло

было отложено до того момента, когда члены государственнаго совѣта представятъ свои отзывы, и на этомъ заглохло.

Изъ другихъ законодательныхъ постановленій, касающихся крестьянъ и землевладѣнія и изданныхъ при Александрѣ I, отмѣтимъ слѣдующія: 28 декабря 1818 г., былъ изданъ указъ, распространившій право учреждать фабрики и заводы на всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ и свободныхъ хлѣбопашцевъ; для этого требовалось разрѣшеніе начальства для свободныхъ людей и разрѣшеніе помѣщиковъ для крѣпостныхъ крестьянъ. 8 января 1820 г., было воспрещено „въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ купцамъ и помѣщикамъ и иностранцамъ, въ подданствѣ россійскомъ не утвержденнымъ, покупать недвижимыя имѣнія и владѣть ими“.

Въ 1822 году былъ сдѣланъ шагъ назадъ въ крестьянскомъ вопросѣ: право помѣщиковъ ссылать крестьянъ на поселеніе было облечено въ право „удалять ихъ“; удаляемые ссылались въ Сибирь безъ зачета въ рекруты.

Въ общемъ и эти постановленія даютъ немного. По отношенію къ крестьянскому вопросу дѣло какъ бы стоитъ на мертвой точкѣ. Не видно ни желанія сохранить крѣпостное право, ни твердаго желанія его уничтожить. Царствованіе Александра I въ исторіи собственно владѣнія землею дало больше; законъ 1801 года и нѣкоторыя дополнительныя постановленія, его развивавшія, нужно считать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго землевладѣнія.

§ 52. Общія замѣчанія о внутренней политикѣ Императора Николая I. Комитетъ 6 декабря 1826 г.

Широко распространенъ взглядъ, что внутренняя политика Николая I была чужда какихъ-либо преобразовательныхъ начинаній. Это не вполнѣ вѣрно. Императоръ Николай I, какъ правитель, всю жизнь оставался подъ впечатлѣніемъ эпизода первыхъ дней своего царствованія, участниковъ котораго онъ такъ безжалостно преслѣдовалъ,—возстанія 14 декабря. Съ одной стороны 14 декабря навсегда и окончательно отвратило его отъ общества и вселило полное къ нему недовѣріе. Близкимъ къ императору остался только узкій кругъ придворно-военной бюрократіи. Съ другой стороны, 14 декабря заставило его признать, что не все обстоитъ благополучно въ странѣ. Показанія декабристовъ обнажили передъ его глазами цѣлый рядъ политическихъ недуговъ, которыми страдала тогдашняя Россія. Есть данныя, что Николай I склоненъ былъ признать въ заявленіяхъ декабристовъ голосъ политической мудрости. Дѣлопроизводителю слѣдственной комиссіи Боровкову поручено было составить изъ писемъ и записокъ декабристовъ

сводъ о внутреннемъ положеніи Россіи. Сводъ этотъ Николай I держалъ у себя подъ рукою и по словамъ предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Кочубея, часто его просматривалъ. Сводъ начинался изложеніемъ причинъ всеобщаго недовольства въ послѣдніе годы Александра I. Крестьяне, вынесшіе отечественную войну, недовольны крѣпостной неволей. Господа желаютъ конституціи. Глубокое недовольство тѣхъ и другихъ питается разстройствомъ всей государственной жизни. Далѣе перечисляются важнѣйшіе изъ недуговъ, которыми въ то время страдала страна. Законы противорѣчивы, отчего „сильные и ябедники торжествуютъ, а бѣдность и невинность страдаютъ“. Судопроизводство страдаетъ сложностью, волокитой и лихоимствомъ. Система областного управленія представляетъ полное искаженіе началъ, проводившихся въ учрежденіяхъ Екатерины II, и одностороннее развитіе власти губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ. Жалованье чиновникамъ распредѣляется крайне неравномѣрно: на ряду съ огромными окладами замѣстителей синекуръ, громадная масса чиновниковъ обречена работать за 30—40 руб. ассигнаціями въ годъ. Земскія повинности, изнурительныя для населенія, взимаютъ безъ учета по произволу мѣстныхъ властей, особенно губернаторовъ. Выбиваніе недоимокъ приводитъ населеніе къ полному оскудѣнію. Казенное хозяйство лишено планомѣрности и исполнено хищеній; господство монополій подрываетъ промышленность, разоряетъ и развращаетъ народъ. Торговля разстроена неустойчивостью тарифной политики. Дворяне-помѣщики и крѣпостные крестьяне бѣдствуютъ и тѣ и другіе; помѣщики неистовствуютъ, крестьяне истощаются. Духовенство предается пьянству и разврату. Купечество страдаетъ отъ торгово-промышленнаго кризиса 1812 г. и отъ стѣснительныхъ узаконеній: права, облагораживающія гражданъ, присвоены закономъ не лицу, а капиталу. Казенные крестьяне отданы въ полную власть уѣзднымъ и губернскимъ властямъ и совершенно разоряются набѣгами чиновниковъ.

Сводъ заканчивается указаніемъ очередныхъ задачъ правительства: „Надо даровать ясные и положительные законы, водворить правосудіе, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и разоренное, воскресить торговлю и промышленность, направить просвѣщеніе юношества сообразно народному состоянію, улучшить положеніе землевладѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей и т. д.“,—„словомъ исправить неисчислимые безпорядки и злоупотребленія“.

Такимъ образомъ, здѣсь устанавливается цѣлая программа, правда, проникнутая сословнымъ оттѣнкомъ, но все же обширная и во многомъ вѣрная. Николай I не принадлежалъ къ числу людей, которые отвергали необходимость реформъ, но въ основѣ всей его правительствен-

ной дѣятельности лежали двѣ несбыточныя идеи: мысль о возможности разрѣшенія крупныхъ государственныхъ проблемъ путемъ частныхъ и нечувственныхъ измѣненій въ мелкихъ подробностяхъ стараго порядка, и надежда провести въ жизнь реформу этого порядка при помощи тѣхъ органовъ, которые сами входили необходимымъ элементомъ въ его составъ. Придворные чиновники-бюрократы должны были измѣнять порядокъ вещей, который былъ всецѣло въ ихъ пользу. Результатъ понятенъ; онъ свелся къ усиленію бумажной канцелярской работы, не имѣвшей никакого практическаго результата.

Въ правительственной дѣятельности Николая I проглядываетъ и еще одна черта. Недовѣріе его къ подданнымъ простиралась до того, что онъ даже не довѣрялъ высшей бюрократіи. Государственный совѣтъ de jure остававшійся во главѣ системы учрежденій, на практикѣ претерпѣвалъ при Николаѣ I чувствительные удары. Николай I ограничивалъ его законосовѣщательную роль очень тѣсными предѣлами. Когда въ 1844 году въ особомъ комитетѣ былъ выработанъ проектъ новаго указа о дворовыхъ людяхъ, Николай I, одобривъ его, собирался тотчасъ подписать и распубликовать его, и предсѣдателю государственнаго совѣта, кн. Васильчикову, стоило большого труда убѣдить Государя не отступать отъ общаго порядка, имъ же самимъ санкціонированнаго, и внести проектъ указа въ государственный совѣтъ, Николай I, наконецъ, согласился и положилъ слѣдующую характерную резолюцію: „согласенъ, въ надеждѣ, что не послѣдуетъ въ совѣтѣ невыгода лишнихъ преній“. Такимъ образомъ, государственный совѣтъ для Николая I былъ какимъ то терпимымъ придаткомъ въ государственномъ строѣ, отъ котораго всегда можно было ожидать „невыгоды лишнихъ преній“.

При такомъ недовѣріи къ высшей бюрократіи оставался одинъ путь—дѣлать все самому. Но это было уже и въ то время невозможно. Николай I выходилъ изъ этого тупика устанавливая сверхъ-учрежденіе, возвышавшееся надъ бюрократическими учрежденіями и замѣнявшее ихъ и собирая особыя секретныя совѣщанія изъ людей, которымъ онъ лично довѣрялъ.

Сверхъ-учрежденіемъ была собственная Его Величества канцелярія. Къ основной канцеляріи, въ которой сосредоточивались дѣла, подлежавшія личному разсмотрѣнію Государя, наблюденіе за исполненіемъ Высочайшихъ повелѣній, а съ 1816 г. служба гражданскихъ чиновниковъ, онъ присоединилъ въ 1826 г. II отдѣленіе, кодификаціонное, фактически замѣнявшее государственную канцелярію, въ 1826 г.—III отдѣленіе, вѣдавшее государственную полицію подъ начальствомъ шефа отдѣльнаго корпуса жандармовъ, въ 1828 г., по смерти императрицы Маріи Ѳеодоровны, возникло IV отдѣленіе, вѣдавшее благотворительныя и воспитательныя учрежденія покойной императрицы; въ 1836 году

было открыто V отд. для руководства преобразованіемъ управленія государственными крестьянами. Въ слѣдующемъ году оно было, впрочемъ, преобразовано въ министерство государственныхъ имуществъ. Въ 1843 г. временно было открыто VI отдѣленія для разработки правилъ по устройству закавказскаго края. Характерны особенно V и VI отдѣленія; они показываютъ, что, по мнѣнію Николая I, всякое крупное государственное дѣло должно было проводиться не черезъ общія государственныя учрежденія, но особымъ порядкомъ.

Особыми комитетами, и притомъ секретными, изобилуетъ все царствованіе Николая I. Ниже придется въ связи съ крестьянскимъ вопросомъ сдѣлать обзоръ тѣхъ комитетовъ, которые касались крестьянскаго вопроса. Теперь же остановимся на ихъ внѣшней характеристикѣ,—ихъ составѣ и способѣ работы.

Самымъ замѣчательнымъ изъ комитетовъ былъ комитетъ 6 декабря 1826 г., который, руководясь сводомъ Боровкова и бумагами покойнаго Александра I, долженъ былъ обозрѣть всѣ части управленія и намѣтить мѣры къ лучшему ихъ устройству.

Комитетъ былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя государственнаго совѣта гр. Кочубея. Членами были: гр. Толстой—старый генералъ, бывшій посолъ въ Парижѣ, Васильчиковъ—генералъ, позднѣе предсѣдатель государственнаго совѣта, князь Голицынъ—бывшій министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, баронъ Дибичъ—генералъ нѣмецкаго происхожденія, Сперанскій — какъ человѣкъ съ репутаціей блестящаго ума и пера и, въ качествѣ дѣлопроизводителя,—Блудовъ.

Составъ ясенъ—это все та же придворно-военная бюрократія, не расположенная добровольно лишить себя привиллегированнаго положенія. Таковъ былъ и составъ другихъ комитетовъ.

О способѣ дѣйствій комитетовъ и о положеніи ихъ относительно другихъ государственныхъ учрежденій можно судить по слѣдующему эпизоду изъ исторіи комитета 1826 г. Когда этому комитету явилась надобность выслушать по нѣкоторымъ вопросамъ мнѣніе министра финансовъ Канкрина, не состоявшаго членомъ комитета, государь разрѣшилъ пригласить туда Канкрина на нѣсколько засѣданій, но „отнюдь не открывая ему о существованіи комитета 6 декабря“. И графъ Канкринъ, дѣйствительно, засѣдалъ въ комитетѣ, не зная, или дѣлая видъ, что не знаетъ, гдѣ онъ находится. Такимъ образомъ, это была игра въ прятки даже между членами высшей бюрократіи. При постоянномъ лозунгѣ ограничиваться частностями и по возможности ничего не мѣнять бюрократическіе члены комитетовъ сводили на нѣтъ всякую, даже большую въ теоріи (какъ это было, напримѣръ, въ комитетѣ 1826 года) программу своей дѣятельности.

§ 53. Крестьянскій и земельный вопросъ въ секретныхъ комитетахъ. Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ.

Вопросъ о помѣщичьихъ крестьянахъ затронутъ былъ въ первомъ комитетѣ царствованія Николая I, учрежденномъ 6 декабря 1826 года. Наиболѣе видный членъ его, Сперанскій, подалъ записку съ изложеніемъ мѣръ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для улучшенія состоянія крѣпостныхъ крестьянъ. Этими мѣрами были:

1) Запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли;

2) Запрещеніе продажи одной земли отдѣльно отъ крестьянъ;

3) Уничтоженіе различныхъ формальностей и стѣсненій при отпускѣ на волю;

4) Точное опредѣленіе всѣхъ повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика;

5) Предварительное устройство казенныхъ крестьянъ.

Комитетъ въ особенности ухватился за послѣдній пунктъ и счелъ нужнымъ немедленно же поручить особой комиссіи заняться изысканіемъ способовъ для разработки вопросовъ объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ. Кромѣ того, комитетъ обсуждалъ еще вопросы объ уничтоженіи продажи крестьянъ безъ земли и объ уничтоженіи продажи ихъ за долги помѣщиковъ. Для детальной разработки обоихъ вопросовъ учрежденъ былъ даже второй особый комитетъ. Когда оба комитета окончили свои занятія, ими были представлены въ государственный совѣтъ проекты особаго положенія о дворовыхъ людяхъ, гдѣ преслѣдовалась цѣль сокращенія этого класса людей, и положенія объ ограниченіи раздробленія недвижимыхъ населенныхъ имѣній, гдѣ были проводимы нѣкоторыя очень благопріятныя для крестьянъ постановленія, напримѣръ, запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и на свозъ, переводъ крестьянъ въ дворовые и т. д. Однако, въ этомъ проектѣ былъ и одинъ очень неблагопріятный для крестьянъ пунктъ—право освобождать ихъ безъ земли въ случаѣ ихъ согласія. Нѣсколько разъ обсужденные въ государственномъ совѣтѣ, проекты были поднесены Государю, который переслалъ ихъ на просмотръ къ великому князю Константину Павловичу; послѣдній нашелъ ихъ несвоевременными. Дѣло попало въ долгій ящикъ и затѣмъ, вслѣдствіе польскаго возстанія, вовсе заглохло.

Первый комитетъ Николая I, слѣдовательно, не привелъ ни къ какому результату. Въ 1835 году былъ учрежденъ второй комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, въ составѣ гр. Сперанскаго, министра финансовъ Канкрина, П. Д. Киселева и министра юстиціи Дашкова. Комитетъ полагалъ, что задача его—найти способы постепеннаго и нечувствитель-

наго перехода отъ крѣпостного состоянія къ свободѣ. По мнѣнію комитета опредѣленіе степеней этого перехода требовало величайшей осторожности. Ихъ предположено было три: 1) состояніе крѣпостныхъ съ ограниченіемъ работы на владѣльца тремя днями въ недѣлю; 2) состояніе крѣпостныхъ, обязанныхъ извѣстною, опредѣленною работой, но остающихся крѣпкими землѣ; 3) состояніе крестьянъ, пользующихся правомъ свободнаго перехода и обрабатывающихъ землю дворянъ на основаніи договоровъ.

Такимъ образомъ, этотъ комитетъ, занятія котораго остались, однако, безъ всякаго практическаго результата, предлагалъ дать крестьянамъ устройство, похожее на устройство балтійскихъ крестьянъ. (См. §§ 68—69).

Мысль о безземельномъ освобожденіи крестьянъ выступила еще разъ въ комитетѣ 1839—1843 годовъ. Комитетъ 1839 года, имѣвшій такой же чисто бюрократическій составъ, началъ свои занятія тѣмъ, что констатировалъ неуспѣхъ закона 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ; законъ этотъ не достигалъ цѣли. Съ другой стороны, въ запискѣ, положенной въ основаніе занятій комитета, проглядывала мысль, что переходъ земли въ руки крестьянъ представляетъ опасность для дворянства. Свою цѣль комитетъ формулировалъ такъ: пересмотрѣть законъ 1803 года и установить правила, по которымъ можно впредь увольнять крестьянъ. Кромѣ того, имѣлось въ виду вновь обсудить вѣковѣчный вопросъ объ опредѣленіи повинностей. Представителемъ теченія, которое желало пересмотрѣть законъ 1803 года съ цѣлью дарованія права отпуска безъ земли, былъ правитель дѣлъ комитета Ханыковъ, который представилъ соотвѣтственную записку. Представителемъ противоположнаго мнѣнія былъ Киселевъ, подавшій съ своей стороны записку, въ которой высказывалъ рѣшительное осужденіе идеѣ безземельнаго освобожденія и развертывалъ свой проектъ освобожденія съ землей и при этомъ освобожденія обязательнаго. Проектъ Киселева вызвалъ большое раздраженіе со стороны его противниковъ. Въ январѣ 1841 года предсѣдатель комитета объявилъ слѣдующее повелѣніе государя: „такъ какъ возложенныя на комитетъ занятія проистекаютъ изъ существа указа 1803 года, то Его Величество и прежде не имѣлъ и нынѣ не имѣетъ намѣренія дать предполагаемому дополненію указа 1803 года силу обязательнаго закона; собственное желаніе помѣщиковъ на увольненіе крестьянъ должно быть принято главнымъ основаніемъ означеннаго дополненія“. Весь 1841 годъ и начало 1842 года ушло на обсужденіе вопроса въ комитетѣ. Въ концѣ концовъ проектъ Киселева былъ сведенъ къ очень скромному указу, *по которому помѣщики, въ случаѣ ихъ желанія, могли вступить въ гражданскія сдѣлки со своими крестьянами и давать имъ земельный надѣлъ въ постоянное пользованіе, причемъ за пользованіе надѣломъ взимались точно опре-*

дъленныя повинности. Крестьяне, перешедшіе на такое положеніе, получали названіе *обязанныхъ* крестьянъ. Окончательно этотъ проектъ разсматривался въ засѣданіи государственнаго совѣта 30 марта 1842 года. Государь присутствовалъ въ засѣданіи и въ своей рѣчи высказалъ, что не собирается уничтожать крѣпостного права, рѣшительно осуждалъ безземельное освобожденіе, какъ оно произошло въ Балтійскомъ краѣ, и заявилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ въ настоящее время точно опредѣлить повинности крестьянъ. 2 апрѣля 1842 г. указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ подписанъ. Значеніе этого закона было главнымъ образомъ теоретическое: разъ государственная власть разрѣшала сдѣлки между помѣщикомъ и крестьяниномъ, она, слѣдовательно, смотрѣла на послѣдняго не какъ на раба, но какъ на подданнаго, обладающаго извѣстной правоспособностью. Законъ 1842 года вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалъ идею безвозмезднаго освобожденія личности крестьянина: за переходъ въ обязанные не вносилось платы.

Несмотря на то, что указъ 1842 года не могъ имѣть большого распространенія, онъ все же произвелъ большой переполохъ среди дворянства; а администрація, состоявшая изъ тѣхъ же дворянъ, позаботилась путемъ циркулярныхъ распоряженій, чтобы указъ этотъ надѣлалъ какъ можно менѣе шуму.

Практическое значеніе указа было ничтожно. Вскорѣ послѣ его изданія изъ крупныхъ землевладѣльцевъ имъ воспользовались гр. М. С. Воронцовъ, кн. Витгенштейнъ, кн. Гагаринъ, гр. Потоцкій; всего до 1855 г. было уволено въ обязанные крестьяне около 25.000 ревизскихъ душъ, т. е. поразительно мало, принимая во вниманіе общее число крѣпостныхъ крестьянъ, доходившее до 11 милліоновъ душъ.

Къ первой половинѣ 40-хъ годовъ относится дѣятельность двухъ комитетовъ—1840 и 1844 гг., обсуждавшихъ другой не менѣе наболѣвшій вопросъ, связанный съ крѣпостнымъ правомъ,—вопросъ о дворовыхъ людяхъ. Первый изъ нихъ былъ совершенно безрезультатенъ, второй привелъ къ изданію двухъ распоряженій 12 іюня 1844 года: первымъ предоставлялось помѣщикамъ право отпускать дворовыхъ людей на волю безъ земли, по взаимному договору; вторымъ дворовые люди имѣній, заложенныхъ въ банковыхъ учрежденіяхъ, освобождались безъ предварительнаго разрѣшенія послѣднихъ.

Шестой комитетъ 1846 года не имѣлъ никакого практическаго значенія. Въ 1846 г. крестьяне бывшіе гр. Самойловой подали жалобу на то, что во время продажи имѣнія въ другія руки земли, купленныя ими самими, были присоединены къ имуществу помѣщицы. Министръ юстиціи, гр. Панинъ, далъ заключеніе, по которому крестьянамъ отказали. Вмѣшался Киселевъ, доказывавшій, что необходимо пересмотрѣть законъ о крестьянской собственности. Второе отдѣленіе собственной

Его Императорскаго Величества канцеляріи, а затѣмъ государственный совѣтъ пересматривали тотъ же вопросъ, но дѣло закончилось изданіемъ указа, по которому крестьяне могли пріобрѣтать собственность только съ согласія помѣщиковъ, а относительно крестьянской недвижимости, купленной раньше, было постановлено никакихъ о томъ споровъ не принимать и разъясненій не дѣлать. Такимъ образомъ, былъ узаконенъ порядокъ вещей, очень для крестьянъ невыгодный.

Седьмой комитетъ 1847 г. возникъ по вопросу, не слѣдуетъ ли распространить на всѣхъ русскихъ крестьянъ законъ 1824 г., даровавшій грузинскимъ крестьянамъ право выкупаться на свободу при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга. Несмотря на всѣ колебанія и противодѣйствія, дѣло было доведено до конца потому что императоръ считалъ несомнѣнной пользу этого закона. Именной указъ объ этомъ былъ подписанъ 8 ноября 1847 года, его содержаніе было слѣдующее: когда недвижимое имѣніе назначается въ продажу, то крестьянамъ предоставляется выкупаться посредствомъ взноса состоявшейся на торгахъ цѣны. Если же оцѣнка ниже долга, то крестьяне обязаны принять на себя его уплату. О выкупной цѣнѣ крестьянамъ сообщается черезъ земскую полицію. Выкупившіеся поступаютъ въ число государственныхъ крестьянъ, но оброка не платятъ и называются *„безоброчные государственные крестьяне“*. Плата вносится сполна въ теченіе 30 дней послѣ объявленія о продажѣ. Это былъ еще новый способъ увольненія крестьянъ на свободу, но также не давшій практически большихъ результатовъ: всего этимъ способомъ выкупилось 964 ревизскихъ душъ.

Тѣмъ не менѣе, подобно закону 1842 г., онъ произвелъ большое смятеніе среди дворянства. Смятеніе было настолько велико, что Николай I въ своей рѣчи къ петербургскому дворянству 1 марта 1848 г. счелъ нужнымъ успокоить дворянъ относительно неприкосновенности ихъ правъ на землю. Тѣмъ не менѣе, реакціонеры воспользовались создавшимся настроеніемъ и открыли походъ противъ закона 1847 года. Въ первый разъ пересмотръ его въ восьмомъ комитетѣ 1848 г. окончился, однако, ничѣмъ, но непрекращавшіяся нападки, изъ которыхъ рѣшающей была всеподданнѣйшая записка Тульскаго губернскаго предводителя дворянства Норова, вызвали къ жизни второй комитетъ 1848 г., или по счету съ начала царствованія, девятый.

Въ комитетѣ происходила ожесточенная борьба между сочувствовавшимъ крестьянамъ Киселевымъ и реакціонерами. Несмотря на то, что фактическія данныя убѣждали въ томъ, что законъ 1847 года не вызвалъ волненій и замѣшательствъ (безпорядки были въ 5 губерніяхъ и въ 14 имѣніяхъ изъ 266 продававшихся)—большинство въ комитетѣ высказалось за отмѣну закона. Тѣмъ не менѣе государь не рѣшился вовсе отмѣ-

нить законъ 8 ноября 1847 года и согласился только на его видоизмѣненіе: помѣщикамъ было предоставлено право въ случаѣ продажи имѣнія входить въ условія съ крестьянами, съ цѣлью предоставленія имъ возможности выкупиться. Такимъ образомъ, право выкупа было поставлено въ зависимость отъ помѣщиковъ. На этомъ закончилось обсужденіе общаго вопроса о помѣщичьихъ крестьянахъ въ имперіи. Подъ вліяніемъ политическихъ волненій 1848 года и осложненій во внѣшней политикѣ, Николай I охладѣваетъ къ крестьянскому вопросу. Единственно, что слѣдуетъ еще отмѣтить---это нѣкоторое правительственное вмѣшательство въ жизнь западно-русскаго крестьянства. Въ Великороссіи правительство прислушивалось къ голосу дворянства. Въ юго-западномъ краѣ—въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, въ литовскихъ губерніяхъ,—вообще, во всѣхъ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, отношеніе къ дворянству, польскому по національности, было иное: правительство готово было скорѣе опереться на крестьянъ въ борьбѣ съ полонизмомъ. Исходя изъ этого, кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ сдѣлалъ въ 1847 году шагъ, на который никогда не могло рѣшиться центральное правительство: онъ опредѣлилъ повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, такъ называемыми *„инвентарными правилами“*. Сущность этихъ правилъ сводилась къ слѣдующему:

1) земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ, подробно означенная въ инвентарѣ, должна оставаться за крестьянами безъ всякаго измѣненія; 2) за предоставленные крестьянамъ земельные участки каждое семейство должно отбывать барщину, исчисляемую опредѣленнымъ числомъ рабочихъ дней; 3) вещественные сборы и косвенные налоги въ пользу помѣщика не допускаются; 4) точно распредѣляются всѣ работы, которыя должны исполнять крестьяне на помѣщика; 5) барщина должна быть непремѣнно отбываема еженедѣльно; лишь въ видѣ исключенія одинъ день можетъ быть перенесенъ на слѣдующую недѣлю; 6) за особыя предоставленныя крестьянамъ выгоды они должны исполнять особыя работы на помѣщиковъ.

Въ 1852 году истекалъ шестилѣтній срокъ, назначенный по Высочайшему повелѣнію для дѣйствія инвентарей. Бибиковъ, тогда уже министръ внутреннихъ дѣлъ, распространилъ дѣйствіе инвентарей на Бѣлоруссію и Литовскія губерніи, полагая, что весь западный край находится въ однородныхъ хозяйственныхъ условіяхъ. Однако, помѣщики бѣлорусскихъ и литовскихъ губерній приняли инвентарь очень холодно, жалобы на новый порядокъ вещей доходили до самого Николая I, который въ 1854 году учредилъ секретный комитетъ (десятый) для разсмотрѣнія вопроса объ инвентарѣ.

Подводя итоги тому, что сдѣлано было по крестьянскому вопросу

при Николаѣ I, приходится отмѣтить, что Императоръ Николай I, при всей своей самоувѣренности, въ этомъ вопросѣ обнаруживалъ нѣкоторую слабость. Сознаніе необходимости освободить крестьянъ сдѣлало, однако, несомнѣнные успѣхи сравнительно съ эпохой Александра I. Въ теоретическомъ отношеніи дѣятельность Николая I постояннымъ обсужденіемъ крестьянскаго вопроса доказала неотложность и необходимость его разрѣшенія. Вопросъ чисто земельный совпадаетъ съ крестьянскимъ. Измѣненія въ земельномъ строѣ были тѣ, которыя вносили въ него законы 1842 и 1847 года.

Внѣ сферы крестьянскаго вопроса эпоха Николая I была медленнымъ развитіемъ послѣдствій закона 1801 г., создавшихъ въ Россіи на ряду съ землевладѣніемъ дворянскимъ еще землевладѣніе купцовъ и разночинцевъ. Наконецъ въ земельномъ отношеніи огромную важность имѣетъ устройство государственныхъ крестьянъ, проведенное въ 30-хъ годахъ усиліями уже извѣстнаго намъ П. Д. Киселева.

§ 54. Государственные крестьяне. Реформа 1838 г.

Не сладивъ съ крестьянскимъ вопросомъ въ его цѣломъ, Николай I выдѣлилъ изъ него часть, въ которой онъ не встрѣчалъ крѣпостническаго противодѣйствія. Онъ занялся спеціально устройствомъ той группы крестьянъ, которая принадлежала казнѣ и носила названіе государственныхъ крестьянъ. Первая мысль объ этомъ явилась еще по иниціативѣ Сперанскаго въ комитетѣ 1826 года. Она привлекла къ себѣ вниманіе государя, и онъ занялся ея осуществленіемъ. Дѣло облегчалось тѣмъ, что реформа устройства государственныхъ крестьянъ не задѣвала интересовъ дворянства.

Съ учрежденіемъ министерствъ въ началѣ XIX в. высшимъ органомъ, вѣдавшимъ государственныхъ крестьянъ, сдѣлался департаментъ государственныхъ имуществъ министерства финансовъ. Министерство финансовъ, обязанное отыскивать новые источники государственныхъ доходовъ и совершенствовать старые, получивъ въ свое вѣдѣніе государственныхъ крестьянъ въ трудные годы войнъ съ Наполеономъ I, съ самаго начала стало смотрѣть на нихъ исключительно какъ на источникъ прибыли; чиновники, которые, начиная съ губернатора и кончая исправникомъ, опекали государственныхъ крестьянъ на мѣстахъ, выколачивая изъ нихъ подать, въ свою очередь, смотрѣли на государственныхъ крестьянъ какъ на средство для своего личнаго обогащенія; а выборныя власти, задавленныя возвышавшейся надъ ними бюрократической тяжестью, не могли защитить крестьянъ отъ притѣснителей даже, если бы и хотѣли это сдѣлать. Такъ создалось то печальное, положеніе, изъ котораго государственные крестьяне были выведены реформою 1837—38 годовъ.

1836 и 1837 годы были временемъ подготовленія реформы. Киселевъ, для полнаго ознакомленія съ дѣйствительнымъ положеніемъ государственныхъ крестьянъ, предпринялъ ревизію государственныхъ имуществъ въ 4 губерніяхъ—Псковской, Московской, Тамбовской и Орловской, выбранныхъ для опыта въ различныхъ полосахъ Россіи. Недовольствуясь командировкой ревизоровъ-чиновниковъ, Киселевъ лѣтомъ 1836 года самъ посѣтилъ обревизованныя губерніи, знакомясь по пути и съ такими мѣстностями, которыя ревизіи не подвергались. Плачевную картину открыла ревизія 1836 г. Положеніе, созданное закономъ 1797 года и безъ того мало удовлетворительное, давно было изломано и искажено жизнью. Сельское управленіе было въ полномъ разстройствѣ, это былъ хаосъ, надъ которымъ возвышался одинъ лишь произволъ исправника. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ положеніе государственныхъ крестьянъ было хуже положенія крестьянъ владѣльческихъ; такъ, министерство финансовъ, интересы котораго, узко понимаемые, совпадали съ интересами откупщиковъ, покровительствовало дѣятельности послѣднихъ среди государственныхъ крестьянъ; въ результатѣ, въ казенныхъ селеніяхъ было вчетверо болѣе кабаковъ, чѣмъ въ помѣщичьихъ. Что же касается недоимокъ, то, несмотря на самое жестокое ихъ выколачиваніе, онѣ не уменьшались.

Свою программу преобразованія Киселевъ подробно изложилъ въ докладѣ императору. По мнѣнію Киселева, управленіе государственными имуществами и крестьянами должно быть выдѣлено въ совершенно отдѣльныя и самостоятельныя учрежденія, дѣятельность которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи государственныхъ крестьянъ, должна быть проникнута идеей попечительства надъ ними во имя ихъ блага. Послѣ созданія новыхъ крестьянскихъ учрежденій должны послѣдовать работы для уничтоженія крестьянскаго малоземелья, организація правильнаго пользованія казенными лѣсами, мірскими оброчными статьями, опредѣленіе правильнаго положенія крестьянъ, распространеніе грамотности и просвѣщенія „въ видахъ улучшенія нравственности“, устройство близкаго и доступнаго для крестьянъ суда. Наконецъ, всѣмъ государственнымъ имуществамъ долженъ быть составленъ кадастръ, т. е. ихъ полное измѣреніе, описаніе и оцѣнка.

Познакомимся теперь съ этими учрежденіями и съ ихъ дѣятельностью. Государственные крестьяне и всѣ государственныя имущества состоятъ въ вѣдѣніи особаго министерства государственныхъ имуществъ. Подчиненныя министерству учрежденія составляютъ четыре инстанціи. Высшая изъ нихъ—губернскія палаты государственныхъ имуществъ, организованныя по образцу другихъ губернскихъ палатъ и подчиненныя губернатору. По отношенію къ государственнымъ имуществамъ губернія раздѣлена на округа, подчиненные палатѣ; во главѣ каждаго

изъ нихъ стоитъ окружной начальникъ съ двумя помощниками, для завѣдованія крестьянами и управленія лѣсною частью. И палата и округа—учрежденія чисто бюрократическія, замѣщаемыя коронными чиновниками: подъ ними находятся остальныя двѣ инстанціи, являющіяся, въ противоположность первымъ, чисто-народными организаціями,—это волость и сельское общество.

Волость составляется изъ сельскихъ обществъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ каждой волости состояло до 6000 ревизскихъ душъ, и чтобы составляющія волость селенія отстояли не далѣе 40 верстъ отъ волостного центра. Волостное правленіе состоитъ изъ волостного головы и двухъ засѣдателей по полицейской и по хозяйственной части; всѣ они избираются на три года изъ волостныхъ крестьянъ. Писарь не входитъ въ составъ правленія; въ этомъ заключается существенное отличіе отъ организаціи 1797 года. Волостное правленіе созываетъ волостной сходъ, который собирается каждые три года для избранія волостного правленія и состоитъ изъ выборныхъ по одному отъ каждыхъ пяти дворовъ; волостное правленіе наблюдаетъ за порядками въ волостномъ сходѣ, а также на сельскихъ сходахъ, утверждаетъ приговоры послѣднихъ, наблюдаетъ за дѣятельностью сельскаго управленія, донося о всѣхъ усмотрѣнныхъ непорядкахъ окружному начальнику; что касается волостного головы, то на него возлагается еще цѣлый рядъ дополнительныхъ порученій полицейско-административнаго, хозяйственнаго и попечительнаго характера.

Волость распадается на сельскія общества, составляемыя съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ было до 1500 ревизскихъ душъ и чтобы наиболѣе отдаленныя изъ образующихъ общество селеній не отстояли болѣе, чѣмъ на 15 верстъ одно отъ другого. При этомъ, въ отличіе отъ закона 1797 г., сельское общество учреждается въ каждомъ большомъ селеніи, независимо отъ числа значущихся въ немъ ревизскихъ душъ и какъ бы ни было селеніе велико, оно ни въ какомъ случаѣ не дробится на части. Въ сельскомъ обществѣ дѣйствуетъ сельскій сходъ въ обыкновенномъ и расширенномъ составѣ. Первый составъ состоитъ изъ выборныхъ отъ домохозяевъ по одному на каждые 5 дворовъ; онъ собирается три раза въ годъ: въ январѣ, преимущественно для раскладки податей, въ апрѣлѣ для распредѣленія полей, и въ сентябрѣ для выработки мѣръ къ понужденію недоимщиковъ. Вѣдѣнію его подлежатъ, кромѣ того, и другія дѣла: пріемъ въ сельское общество новыхъ членовъ, раздѣлъ земель общества между его членами, раскладка податей, мѣры ко взысканію недоимокъ, распредѣленіе рекрутской повинности, вопросъ о расчисткѣ лѣса подъ пашни, о пользованіи мірскими оброчными статьями, назначеніе опекуновъ къ малолѣтнимъ и, наконецъ, избраніе сельскихъ должностныхъ лицъ. Въ двухъ случаяхъ

сельскій сходъ собирается въ расширенномъ составѣ, и тогда въ немъ участвуютъ всѣ домохозяева даннаго общества: это случается, во-первыхъ, разъ въ три года, когда производятся выборы самихъ выборныхъ, составляющихъ обыкновенный сельскій сходъ, а также выборныхъ отъ сельскихъ обществъ на волостные сходы; во-вторыхъ, расширенный сельскій сходъ собирается для рѣшенія вопроса о передѣлѣ пахатныхъ полей. Во главѣ сельскаго общества стоитъ сельскій старшина, избираемый на три года. Устройство близкаго и доступнаго для крестьянъ суда было, какъ мы видѣли, одною изъ основныхъ задачъ преобразованія; для осуществленія этой задачи были учреждены двѣ судебныхъ инстанціи подъ именемъ сельской и волостной расправъ.

Программа Киселева, какъ уже сказано выше, далеко не ограничивалась введеніемъ новой бюрократической машины. Въ маѣ 1838 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о надѣленіи безземельныхъ и малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ изъ обильнаго запаса свободныхъ казенныхъ земель; въ 1850 году разрѣшено было отдавать нуждающимся въ землѣ крестьянскимъ обществамъ, безъ торговъ, смежные свободные участки казенной земли; конечно, далеко не всѣ могли быть одѣлены землей на мѣстахъ ихъ прежняго жительства; естественнымъ слѣдствіемъ было переселеніе безземельныхъ крестьянъ. Министерству Киселева принадлежитъ заслуга первой въ Россіи организаціи переселенческаго дѣла; министерство государственныхъ имуществъ старалось содѣйствовать добровольнымъ переселеніямъ, борясь въ то же время со стариннымъ зломъ—самовольнымъ уходомъ на новыя мѣста, которое въ эпоху Киселева вносило большое нестроеніе въ хозяйственную жизнь восточныхъ губерній Россіи, въ особенности Пріуралья и Оренбургскаго края. Министерство выработало рядъ правилъ, отвело для переселенія свободные участки земли въ Самарской, Оренбургской и Таврической губерніяхъ, а также и въ западной Сибири, и за первыя 15 лѣтъ его существованія на переселенческіе участки выбыло 140.000 ревизскихъ душъ безземельныхъ крестьянъ, получившихъ до 3.000.000 десятинъ земли. Очень крупной мѣрой Киселева въ области надѣленія землею безземельныхъ было уничтоженіе особой группы населенія русскаго сѣвера полуарендаторовъ, полубатраковъ, обрабатывавшихъ изъ половинной доли владѣльческія земли и извѣстныхъ подъ именемъ половниковъ (см. § 10). Въ 30-хъ годахъ ихъ количество было немногимъ ниже 3.000 ревизскихъ душъ. Въ 1840 году было предпринято переселеніе половниковъ на казенныя земли, причемъ переселенцамъ предоставлялась нѣкоторая ссуда; постепенно эта группа безземельныхъ крестьянъ была уничтожена.

Мечтою всей жизни Киселева была борьба съ владѣльческимъ крѣпостнымъ правомъ. Борясь по мѣрѣ силъ съ этимъ зломъ русской жизни

въ секретныхъ комитетахъ Николаевскаго царствованія, Киселевъ косвенно велъ съ нимъ борьбу и въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ. Сюда относятся двѣ его мѣры; въ 1841 годы были выкуплены и введены въ составъ государственныхъ крестьянъ 7.886 ревизскихъ душъ однодворческихъ крестьянъ; кромѣ того, было прямо выкуплено въ казну 178 помѣщичьихъ имѣній съ 54.349 душами, которые такимъ путемъ получили свободу.

Едва ли не первый предметъ заботъ гр. Киселева составляло хозяйственное благосостояніе ввѣренныхъ ему государственныхъ крестьянъ. Существовавшая со времени Петра Великаго подушная подать, равно какъ и такъ называемая оброчная подать, которая у государственныхъ крестьянъ соотвѣтствовала частновладѣльческимъ повинностямъ крестьянъ крѣпостныхъ, падала въ одинаковыхъ размѣрахъ на крестьянскую душу по всей странѣ безъ различія климатическихъ и хозяйственныхъ условій отдѣльныхъ мѣстностей. Киселевъ предпринялъ составленіе кадастра земель государственныхъ крестьянъ; въ результатѣ этихъ работъ къ 1855 году оброчная подать была переложена *съ душъ на землю* въ 18 губерніяхъ съ населеніемъ государственныхъ крестьянъ въ 3.843.285 душъ. Строительныя нужды крестьянъ были удовлетворены отведеніемъ имъ казеннаго лѣса по расчету одной десятины на душу. Для развитія сельской торговли и промысловъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ были устроены 515 сельскихъ сберегательныхъ кассъ, а также вспомогательныя кассы,—мелкія крестьянскія учрежденія, откуда выдавались крестьянамъ ссуды, достигавшія въ общей сложности суммы свыше $1^1/_2$ милліона рублей. Въ 1850 году всѣ крестьянскіе капиталы достигали внушительной цифры въ 10.152.330 рублей. Для борьбы съ крестьянскими голодовками и для обезпеченія возможности выдавать крестьянамъ хлѣбныя ссуды было выстроено при Киселевѣ 3.262 сельскихъ запасныхъ магазина и 10 большихъ центральныхъ магазиновъ. За 18 лѣтъ управленія Киселева было выдано пособій хлѣбомъ до 15.000.000 четвертей.

Попечительный принципъ управленія гр. Киселева нигдѣ, быть можетъ, такъ не сказывался, какъ въ области духовной жизни крестьянства. Широкихъ задачъ Киселевъ себѣ не ставилъ: его цѣлью было обезпеченіе населенія церковью при защитѣ крестьянина отъ чрезмѣрныхъ требованій духовенства и распространеніе грамотности посредствомъ основанія школъ. Вступая въ управленіе министерствомъ, онъ нашелъ у государственныхъ крестьянъ всей Россіи 60 училищъ при 1.800 учащихся, а 18 лѣтъ спустя число училищъ дошло до 2.551 съ 110.994 учащихся, среди которыхъ было 18.459 учащихся дѣвочекъ. Другой такой широкой попытки внести просвѣщеніе въ крестьянскій міръ мы не встрѣтимъ въ дореформенной Россіи.

Одною изъ постоянныхъ заботъ министра было описаніе и измѣреніе крестьянскихъ земель и угодій, безъ которыхъ были немыслимы его устроительныя работы и которыя должны были увѣнчать возводимое имъ большое и сложное зданіе. Работы по описанію и измѣренію крестьянскихъ земель, выработка нормальныхъ плановъ построекъ крестьянскихъ зданій, отводъ земель нуждающимся крестьянамъ, реорганизація оброчной подати,—все это выдвинуло необходимость въ сильномъ развитіи межевого дѣла; въ 1856 г. на службѣ министерства состояло уже 1.419 землемѣровъ, межевщиковъ и межевыхъ учениковъ, успѣвшихъ къ этому времени нанести на планы до 53.000.000 десятинъ земли.

Таковъ въ краткихъ чертахъ очеркъ долголѣтней и энергичной дѣятельности Киселева и созданнаго имъ министерства государственныхъ имуществъ. Изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ цифръ можно видѣть и результаты, которыхъ она достигла; прочная и правильная организація вѣдомства, успѣшная борьба съ малоземельемъ, выкупъ населенныхъ имѣній въ казну, попечительныя и успѣшныя заботы о матеріальномъ и духовномъ преуспѣяніи крестьянъ, этого уже достаточно, чтобы исторія съ благодарностью вспомянула единственнаго въ своемъ родѣ дѣятеля Николаевскаго царствованія. Но лучшимъ показателемъ улучшенія быта и состоянія государственныхъ крестьянъ за время управленія Киселева является бо́льшая, чѣмъ прежде, податная ихъ исправность. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, представленномъ въ 1850 г. по поводу 25-лѣтія царствованія императора Николая I, Киселевъ указываетъ, что за время съ 1826 по 1838 г. податей и доходовъ съ государственныхъ имуществъ и крестьянъ поступило 280.546.986 рублей; а за послѣдующіе 12 лѣтъ—356.546.729 рублей, т. е. болѣе на 75 слишкомъ милліоновъ рублей; подати за 20 лѣтъ отъ 1818 до 1837 года поступали съ 7,9% недоимокъ; за слѣдующія 20 лѣтъ—отъ 1838 до 1857 гг. процентъ этотъ понизился до 3,2%.

§ 55. Подготовка крестьянской реформы 1861 года.

Неудачи крымской войны открыли русскому обществу глаза на неустройство русской жизни. Явилось всеобщее сознаніе, что далѣе оставаться при прежнемъ строѣ невозможно, что далѣе такъ жить нельзя. Мысль о необходимости реформъ дѣлается злободневной мыслью на всѣхъ ступеняхъ русскаго общества второй половины 50-хъ годовъ. Очень скоро послѣ заключенія Парижскаго мира эта мысль находитъ выраженіе въ устахъ новаго государя Александра II. Будучи въ Москвѣ вскорѣ послѣ заключенія мира, Александръ II, въ отвѣтъ на просьбу генералъ-губернатора Закревскаго успокоить взволнованное разными

слухами дворянство сказалъ рѣчь, въ которой впервые заявилъ себя сторонникомъ реформъ. „Я не имѣю намѣренія, говорилъ государь, отмѣнить крѣпостное право немедленно, но существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ остаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать объ этомъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте мои слова дворянству для соображенія".

Эти слова знаменовали желаніе правительства приступить къ реформамъ, но планъ дѣйствій и даже основные принципы реформы не были выяснены. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и его товарищъ Левшинъ дѣйствовали ощупью, стараясь найти руководящую нить въ работахъ комитетовъ царствованія Николая I и въ циркулировавшихъ въ обществѣ рукописныхъ запискахъ, изъ коихъ многія представлялись и правительству. Изъ записокъ по крестьянскому дѣлу обращали на себя вниманіе проекты Кавелина, Самарина и Позена; позднѣе къ нимъ присоединились записки Черкасскаго, Кошелева, Унковскаго. Записки Самарина и Черкасскаго исходили изъ закона 2 апрѣля 1842 года; не считая возможнымъ немедленно уничтожить крѣпостное право, оба стремились дать большій просторъ для заключенія добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами: этотъ выходъ подсказывался общимъ состояніемъ черноземныхъ губерній, гдѣ главную цѣнность составляла сама земля. Къ нимъ весьма близко примыкала записка полтавскаго помѣщика Позена, отношеніе котораго къ крестьянскому освобожденію было, впрочемъ, въ отличіе отъ другихъ авторовъ записокъ, очень двусмысленнымъ. Гораздо радикальнѣе были проекты Кавелина и Кошелева (Рязанскаго помѣщика), которые имѣли въ виду черноземныя и нечерноземныя губерніи и понимая, что главный доходъ нечерноземныхъ помѣщиковъ не земля, а трудъ крестьянъ, указывали невозможность отмѣны крѣпостного права въ этихъ губерніяхъ безъ вознагражденія помѣщиковъ. Унковскій (Тверской губернскій предводитель дворянства) шелъ еще далѣе и указывалъ на необходимость полной ликвидаціи крѣпостного права путемъ выкупа.

Неимѣніе твердаго плана дѣйствій заставило правительство обратиться къ зондированію мнѣнія дворянства, съѣхавшагося на коронацію Александра II. Но эти переговоры, порученные Левшину, не имѣли успѣха. Только дворяне литовскихъ губерній, недовольные инвентарями, введенными въ 1852 году, выразили желаніе пойти навстрѣчу правительству. Этимъ рѣшено было воспользоваться, и Виленскому генералъ-губернатору ген.-ад. Назимову поручено было созвать на мѣстѣ предводителей дворянства для того, чтобы они указали способы улучшенія положенія крестьянъ, не стѣсняясь прежними постановленіями.

Нѣсколько позднѣе, вслѣдствіе запроса великой княгини Елены Павловны, какъ ей устроить бытъ принадлежащихъ ей въ полтавской губерніи крестьянъ, рѣшено было составить негласный комитетъ по крестьянскому вопросу, подобный комитетамъ Николая I. Въ комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ Государя, входили слѣдующія лица: предсѣдатель государственнаго совѣта кн. Орловъ, министры Ланской, кн. Долгорукій, гр. Блудовъ, гр. Адлербергъ, Муравьевъ, Чевкинъ, Брокъ; члены государственнаго совѣта кн. Гагаринъ, бр. Корфъ, ген. Ростовцевъ. Комитетъ началъ свою дѣятельность въ 1857 г., но состоя большею частью изъ сторонниковъ крѣпостного права, велъ ее очень вяло. Недовольный медленностью и апатіей комитета, Александръ II въ августѣ 1857 г. ввелъ въ него великаго князя Константина Николаевича, извѣстнаго своимъ просвѣщеннымъ образомъ мыслей. Впрочемъ, въ первое время и его участіе не дало большихъ результатовъ. Комитетъ 18 августа рѣшилъ „улучшеніе быта“ помѣщичьихъ крестьянъ производить осторожно и постепенно. Послѣ этого рѣшенія крѣпостники думали, что дѣло заглохнетъ. Но въ октябрѣ 1857 года въ Петроградъ прибылъ ген.-ад. Назимовъ и объявилъ, что дворянство трехъ литовскихъ губерній, желая избѣгнуть инвентарей, рѣшилось освободить своихъ крестьянъ, но безъ земли. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ извѣстный рескриптъ Назимову 20 ноября 1857 г., въ которомъ литовскимъ дворянамъ предлагалось приступить къ составленію проекта освобожденія крестьянъ на началахъ, изложенныхъ дворянами, т. е. безъ земли, что совпадало въ то время и съ мнѣніемъ правительства, а въ частности—съ мнѣніемъ министра Ланского. Для этой цѣли въ каждой изъ трехъ губерній было разрѣшено образовать комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ выборныхъ дворянъ по одному отъ уѣзда и изъ двухъ мѣстныхъ помѣщиковъ по назначенію отъ правительства. Работы трехъ комитетовъ должны были быть сведены особой комиссіей, которая должна была открыться позднѣе въ Вильнѣ. Въ рескриптѣ говорилось, что реформа должна быть совершена не вдругъ, а постепенно; это было подтверждено въ препроводительномъ письмѣ министра, и, такимъ образомъ, впервые установилось понятіе о переходномъ состояніи, получившемъ позднѣе названіе „*срочно*“ и „*временно-обязанныхъ*“; рекомендовалось для этого назначить опредѣленный срокъ не свыше 12 лѣтъ.

24 ноября и самый рескриптъ и отношеніе Ланского къ Назимову разосланы въ печатномъ видѣ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства „для свѣдѣнія и соображенія, на случай если бы дворянство изъявило подобное же желаніе“. Это было сдѣлано, кажется, по мысли великаго князя Константина. 6 декабря послѣдовалъ подобный же рескриптъ петроградскому генералъ-губернатору Игнатьеву въ

отвѣтъ на ходатайство петроградскаго дворянства, о введеніи въ Петроградской губерніи инвентарныхъ правилъ. 17 декабря рескриптъ и письмо были опубликованы въ газетахъ во всеобщее свѣдѣніе и такимъ образомъ дворянство получило возможность во всѣхъ губерніяхъ приступить къ обсужденію крестьянскаго вопроса въ рамкахъ, указанныхъ дворянству литовскихъ губерній. Комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ вскорѣ былъ переименованъ въ главный комитетъ и пересталъ быть секретнымъ.

Съ опубликованіемъ рескриптовъ крестьянскій вопросъ вступилъ въ періодъ гласнаго всенароднаго обсужденія; рѣшеніе правительства идти впередъ по пути реформъ привѣтствовалось единодушно всею печатью безъ исключенія. Первый адресъ съ заявленіемъ о готовности приступить къ устройству крестьянъ на началахъ, указанныхъ правительствомъ, представленъ былъ нижегородскимъ дворянствомъ 17 декабря 1857 года; въ Нижнемъ-Новгородѣ военному губернатору Александру Николаевичу Муравьеву удалось увлечь дворянство рѣчью. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ адресъ московскаго дворянства, очень неохотно откликнувшагося на призывъ правительства.

Къ іюню 1858 года адреса были получены отъ всѣхъ губерній. Къ декабрю 1858 года губернскіе комитеты были открыты во всѣхъ губерніяхъ. Сначала министерство внутреннихъ дѣлъ не хотѣло стѣснять комитеты въ обсужденіи дѣла. Но главный комитетъ сталъ на иную точку зрѣнія и призналъ необходимость дать въ руководство комитетамъ подробную программу. Программа была выработана Позеномъ и представлена отъ имени Ростовцева. Съ внѣшней стороны она довольно близко и точно придерживалась главныхъ началъ, высказанныхъ въ рескриптахъ, но затаенная цѣль ея составителя Позена, крѣпостника въ душѣ, вовсе не гармонировала съ намѣреніями правительства, которое, предполагая въ то время освободить крестьянъ безъ земли, все же думало, что крестьянскіе надѣлы должны оставаться въ ихъ безсрочномъ пользованіи. Позенъ, имѣя въ виду интересы дворянъ черноземныхъ губерній, гдѣ главную цѣнность составляла земля, искусно, но скрыто, проводилъ мысль о томъ, что по окончаніи періода срочной обязанности вся земля должна возвратиться помѣщикамъ. Какъ можно видѣть въ 1858 г., идея выкупа проглядывала только у отдѣльныхъ лицъ, притомъ не участвовавшихъ въ главномъ комитетѣ, напримѣръ, въ извѣстной запискѣ Унковскаго.

Именно Унковскій и руководимый имъ тверской губернскій комитетъ выступили застрѣльщиками въ борьбѣ съ офиціальной программой правительства. Въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ впервые была формулирована и признана безусловно желательной полная ликвидація крѣпостныхъ отношеній, надѣленіе крестьянъ землею и выдача помѣ-

щикамъ денежнаго выкупа. Послѣ нѣкоторой борьбы комитета съ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ главномъ комитетѣ было разрѣшено тверскому комитету изыскать средство къ предоставленію крестьянамъ по желанію помѣщиковъ земли въ собственность. На ту же точку зрѣнія сталъ и калужскій губернскій комитетъ, и это въ концѣ концовъ заставило правительство измѣнить свою точку зрѣнія; главный комитетъ въ мартѣ 1859 года выразилъ желаніе, чтобы всѣ комитеты руководились началами, принятыми калужскимъ комитетомъ. Это разрѣшеніе пришло, однако, въ то время, когда большинство комитетовъ уже закончили свои занятія. Отмѣтимъ еще точку зрѣнія петербургскаго и псковскаго комитетовъ: здѣсь преобладало направленіе въ пользу безземельнаго освобожденія по примѣру и образцу балтійскаго края. Впрочемъ, самостоятельно, безъ разрѣшенія правительства на тотъ же принципъ выкупа стали и другіе комитеты, напр., харьковскій, пензенскій и московскій.

Въ правящихъ сферахъ идея выкупа начала завоевывать почву съ конца 1858 года. Сильное вліяніе на это имѣло измѣненіе во взглядахъ самаго Ростовцева, перешедшаго отъ идеи безсрочнаго пользованія къ идеѣ выкупа крестьянской земли въ собственность подъ вліяніемъ, вѣроятно, друга юности—декабриста кн. Е. П. Оболенскаго и, быть можетъ, дѣятельности Унковскаго; оказали свое вліяніе и четыре письма Ростовцева къ Александру II, на котораго Ростовцевъ имѣлъ большое вліяніе. Въ свою очередь на Ланского въ томъ же направленіи дѣйствовалъ директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютинъ.

При этомъ, однако, идея выкупа была усвоена и позднѣе проведена правительствомъ въ такомъ видѣ, что личность крестьянина освобождалась безъ выкупа (на выкупѣ личности первоначально настаивали даже такіе либеральные комитеты, какъ тверской); выкупу подлежали только усадьбы и земельныя угодья, которыми пользуется крестьянинъ.

Вопросъ о правовомъ положеніи крестьянъ, какъ менѣе затрогивавшій интересы помѣщиковъ, комитеты были склонны рѣшать въ довольно либеральномъ смыслѣ, ограничивая полную свободу крестьянъ тѣми рамками, которыя были указаны Позеновской программой. Они признавали, что крестьяне, по крайней мѣрѣ въ періодъ срочно обязанный, крѣпки землѣ, сохраняли власть міра надъ личностью крестьянина посредствомъ круговой поруки и удерживали извѣстную вотчинную власть надъ срочно обязанными крестьянами, доходившую, по проектамъ нѣкоторыхъ комитетовъ, не только до вмѣшательства въ крестьянское самоуправленіе, но, какъ напримѣръ въ проектѣ самарскаго комитета, до домашней расправы надъ срочно-обязанными крестьянами въ видѣ

наказанія розгами за провинности и упущенія во время нахожденія на господской работѣ.

Въ іюлѣ 1858 г. въ главномъ комитетѣ была образована комиссія изъ четырехъ членовъ для разсмотрѣнія поступившихъ проектовъ губернскихъ комитетовъ. Комиссіи, въ которой дѣятельнымъ членомъ былъ одинъ Ростовцевъ, оказалось не подъ силу разсмотрѣніе этихъ проектовъ. Поэтому рѣшено было для изученія проектовъ и сводки ихъ образовать въ вѣдѣніи комитета двѣ особыхъ редакціонныхъ комиссіи изъ второстепенныхъ, но хорошо подготовленныхъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ и изъ экспертовъ изъ числа опытныхъ помѣщиковъ подъ предсѣдательствомъ и начальствомъ Ростовцева. Одна должна была составить общее положеніе для всѣхъ губерній; другая,—редактировать мѣстныя положенія для отдѣльныхъ губерній. Изъ членовъ отъ правительства самыми замѣтными дѣятелями комиссій были Милютинъ и Я. А. Соловьевъ; изъ членовъ, назначенныхъ изъ числа „опытныхъ помѣщиковъ“,—членъ тульскаго губернскаго комитета кн. Черкасскій и самарскаго—Ю. Ф. Самаринъ.

Правительственная программа ко времени открытія редакціонныхъ комиссій (4 марта 1859 г.) формулировалась окончательно въ слѣдующемъ видѣ:

1) Крестьяне должны были быть освобождены съ землею; 2) конечною развязкою дѣла долженъ считаться выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ; 3) должно быть оказано содѣйствіе выкупу крестьянъ гарантіей или финансовыми операціями правительства; 4) переходное состояніе подлежитъ возможному сокращенію; 5) освобожденнымъ крестьянамъ должно быть дано самоуправленіе. Для работы Ростовцевъ объединилъ обѣ комиссіи и затѣмъ раздѣлилъ ихъ на три отдѣленія по ряду докладовъ, въ нихъ приготовлявшихся,—юридическое, административное и хозяйственное.

Въ основу работъ редакціонныхъ комиссій были положены проекты губернскихъ комитетовъ, но редакціонныя комиссіи не считали себя связанными проектами дворянства и смотрѣли на нихъ только какъ на полезный матеріалъ; это обстоятельство послужило впослѣдствіи причиной столкновенія между редакціонными комиссіями и дворянствомъ. Въ первый періодъ занятій редакціонныхъ комиссій горячему обсужденію подвергался вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Ростовцевъ, предсѣдатель и самое вліятельное лицо въ комиссіяхъ, согласно волѣ Александра II, предлагалъ провести добровольный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ. Такого мнѣнія держалось и большинство членовъ редакціонныхъ комиссій, и въ этомъ направленіи велось дѣло. *Въ отношеніи земельнаго обезпеченія крестьянъ редакціонныя комиссіи поставили себѣ цѣлью сохранить по возможности суще-*

ствующее землепользованіе крестьянъ. Нормы *высшихъ* и *низшихъ* надѣловъ были составлены съ тѣмъ расчетомъ, чтобы отрѣзки производить только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Низшіе надѣлы были установлены въ одну треть высшихъ, чтобы предотвратить полное обезземеленіе крестьянъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики отобрали крестьянскую пашню еще при крѣпостномъ правѣ. Въ степной полосѣ въ виду обилія земли былъ установленъ одинъ размѣръ надѣла—*указной*, но помѣщику предоставлялось уменьшить его въ томъ случаѣ, если за отводомъ у него оставалось менѣе половины всей земли въ имѣніи. Для опредѣленія размѣровъ надѣловъ всѣ губерніи раздѣлены были комиссіями на полосы нечерноземную, черноземную и степную, причемъ каждая изъ нихъ была подраздѣлена на мѣстности. Такимъ же образомъ былъ опредѣленъ порядокъ выкупа оброчныхъ повинностей и было спроектировано крестьянское самоуправленіе.

Первый періодъ занятій редакціонныхъ комиссій окончился въ началѣ сентября 1859 года; къ этому времени были приглашены въ Петроградъ депутаты отъ тѣхъ 21 комитетовъ, проекты которыхъ уже были разсмотрѣны. Пріѣзда такихъ депутатовъ до извѣстной степени опасались, потому что матеріалы редакціонныхъ комиссій, распространенные въ 3.000 экземпляровъ, могли убѣдить, что редакціонныя комиссіи обошлись очень свободно съ проектами губернскихъ комитетовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ составило поэтому особую инструкцію для депутатовъ, въ которой низводило ихъ до значенія простыхъ экспертовъ. Тѣмъ не менѣе, очень многія изъ предположеній редакціонныхъ комиссій вызвали суровую критику и даже протесты депутатовъ перваго призыва несмотря на то, что въ большинствѣ случаевъ эти депутаты были настроены очень либерально. Въ особенности депутаты нападали на проекты устройства крестьянскаго самоуправленія, предполагавшаго учредить волости только изъ помѣщичьихъ крестьянъ, отдѣленныя отъ другихъ разрядовъ населенія. Убѣдившись изъ пребыванія въ Петроградѣ, что ихъ возраженія не будутъ услышаны, депутаты подали на высочайшее имя ходатайство о томъ, чтобы на окончательные проекты крестьянскаго положенія было представлено дворянству право сдѣлать свои возраженія. Ходатайство было, однако, сочтено за признакъ недовольства дворянъ; это, въ свою очередь, возбудило броженіе въ дворянской средѣ, которое усилилось, когда министерство внутреннихъ дѣлъ циркулярно запретило обсуждать крестьянскій вопросъ на очередныхъ дворянскихъ собраніяхъ. Такая мѣра вызвала бурные протесты на дворянскихъ собраніяхъ, особенно въ тверскомъ, что, повело къ суровой мѣрѣ противъ тверского дворянства: губернскій предводитель дворянства Унковскій и помѣщикъ Европеусъ были высланы въ вятскую и пермскую губерніи.

6 февраля 1860 г. умеръ Ростовцевъ и предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ гр. Панинъ. Хотя Александръ II поставилъ Панину условіе ничего не мѣнять въ ходѣ и направленіи всего дѣла, но назначеніе Панина все таки окрылило надежды крѣпостниковъ. Уже при Панинѣ собрались депутаты второго призыва; это были большею частью помѣщики черноземныхъ и западныхъ губерній, настроенные противъ выкупа и мечтавшіе о сохраненіи вотчинныхъ правъ дворянства. Въ надеждѣ на перемѣны вслѣдствіе смерти Ростовцева и назначенія Панина депутаты второго призыва подали цѣлый рядъ протестующихъ отзывовъ, составленныхъ очень единодушно. Однако, походъ ихъ въ цѣломъ не удался; при дальнѣйшихъ занятіяхъ редакціонныхъ комиссій вліяніе депутатовъ перваго и второго призыва сказалось только въ нѣкоторыхъ частныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ дворянамъ: было сдѣлано пониженіе нормъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и повышены нормы оброка въ черноземныхъ губерніяхъ. 10 октября 1860 г. редакціонныя комиссіи, доведя свое дѣло до конца, закрылись. Несмотря на назначеніе Панина испортить въ конецъ дѣло Ростовцева не удалось.

Редакціонныя комиссіи выработали проекты 16 положеній съ обстоятельными записками и указателями. Изъ редакціонныхъ комиссій проекты поступили въ главный комитетъ. Враги реформы, понимая, что совсѣмъ остановить дѣло не удастся, надѣялись въ главномъ комитетѣ затянуть его. Но Александръ II настоятельно требовалъ, чтобы все дѣло было закончено къ 15 февраля 1861 г. Въ противовѣсъ проекту редакціонныхъ комиссій Валуевъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ) по порученію министра государственныхъ имуществъ Муравьева и шефа жандармовъ кн. Долгорукова спѣшно вырабатывалъ другой проектъ, основанный на лифляндскихъ образцахъ. Но на защиту трудовъ редакціонныхъ комиссій всталъ великій князь Константинъ Николаевичъ, незадолго до этого назначенный предсѣдателемъ главнаго комитета. Проектъ редакціонныхъ комиссій прошелъ черезъ главный комитетъ безъ большихъ измѣненій, но съ нѣкоторыми частичными уступками, особенно въ области крестьянскихъ надѣловъ.

14 января 1861 г. проекты положенія о крестьянахъ были переданы въ государственный совѣтъ. Разсмотрѣніе ихъ тамъ открылось 28 января 1861 года рѣчью Александра II, въ которой онъ требовалъ, чтобы государственный совѣтъ закончилъ дѣло къ половинѣ февраля. Засѣданія государственнаго совѣта были очень бурны; и здѣсь пришлось сдѣлать уступки крѣпостническому направленію; самая существенная заключалась въ предложенномъ кн. П. П. Гагаринымъ и принятомъ единогласно *четвертномъ или даровомъ надѣлѣ:* помѣщикамъ было предоставлено оканчивать всякія обязательныя отношенія

къ крестьянамъ по добровольному съ ними соглашенію съ предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность 1/4 части высшаго или (въ степныхъ губерніяхъ) указного надѣла, опредѣляемаго въ положеніяхъ. 17 февраля закончилось разсмотрѣніе проекта въ государственномъ совѣтѣ, 19 февраля онъ былъ подписанъ, а 5 марта распубликованъ.

§ 56. Основныя начала положенія 19 февраля.

Съ внѣшней стороны положеніе 19 февраля было издано въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было спроектировано редакціонными комиссіями. Основныя начала реформы были изложены во введеніи къ общему положенію; въ „общемъ положеніи“ были опредѣлены: личныя имущественныя права крестьянъ, образованіе сельскихъ и городскихъ обществъ и устройство въ нихъ управленія и суда, а также порядокъ отбыванія крестьянами казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей. Такое же общее для всѣхъ губерній значеніе имѣли положенія о выкупѣ крестьянами усадебъ и поземельныхъ угодій, о дворовыхъ людяхъ, о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, а также правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе положеній. Поземельное устройство крестьянъ и повинности, отбывавшіяся ими въ пользу помѣщиковъ, опредѣлялись „мѣстными положеніями“. Такихъ положеній было издано четыре: 1) для великорусскихъ, бѣлорусскихъ и новороссійскихъ губерній, гдѣ преобладало общинное землевладѣніе; 2) для малороссійскихъ губерній—полтавской, черниговской и части харьковской; 3) для трехъ юго-западныхъ—кіевской, волынской и подольской; 4) для виленской, ковенской, гродненской, минской и части витебской губерній.

Сверхъ того, одновременно были изданы особыя дополнительныя правила: а) о крестьянахъ мелкомѣстныхъ владѣльцевъ, б) о фабричныхъ крестьянахъ, в) о крестьянахъ на частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ, г) о крестьянахъ и дворовыхъ въ области войска донского, д) о крестьянахъ и дворовыхъ въ ставропольской губерніи, е) о бывшихъ крѣпостныхъ людяхъ въ Бессарабіи, ж) о крестьянахъ и дворовыхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Сибири.

Положеніе, уничтоживъ безъ всякихъ оговорокъ крѣпостную зависимость и объявивъ помѣщичьихъ крестьянъ лично-свободными, хотя и признало за помѣщиками право собственности на всѣ земли, находившіяся въ пользованіи крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставило крестьянамъ право постояннаго пользованія усадьбою и отведенными надѣлами за установленныя законодательнымъ путемъ повинности или платежи въ пользу помѣщиковъ. Такимъ образомъ законодатель при-

зналъ за помѣщиками ограниченную собственность на землю. Въ частности, что касается усадебной осѣдлости, право помѣщиковъ на нее было ограничено еще болѣе, такъ какъ крестьянамъ было предоставлено право пріобрѣтать усадьбы въ полную собственность на пріобрѣтеніе же сверхъ усадьбы полевыхъ земель и другихъ угодій въ собственность непремѣнно требовалось согласіе помѣщика. Иной выходъ былъ только одинъ—полученіе дарового или четвертного надѣла.

Крестьяне должны были платить помѣщикамъ за пользованіе надѣлами оброкъ, но размѣръ этого срока сообразовался не только съ различіемъ цѣнности и доходности земель разныхъ мѣстностей, но также и съ тѣми заработками, какіе крестьяне получали съ неземлевладѣльческихъ промысловъ; такимъ образомъ, въ повинностяхъ и платежахъ крестьянъ на землю заключалась въ скрытомъ видѣ и вознагражденіе помѣщиковъ за потерю крѣпостного права.

Это одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ положенія 19 февраля. Независимо отъ этого платежи за постоянное пользованіе крестьянъ землею были очень неравномѣрны по отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи. Размѣръ крестьянскаго надѣла, отводимаго въ постоянное пользованіе, долженъ былъ опредѣляться добровольнымъ соглашеніемъ между помѣщиками и крестьянами съ соблюденіемъ такого правила, чтобы надѣлъ не былъ ниже опредѣленнаго минимума для данной мѣстности. Съ тою же цѣлью, какъ мы знаемъ, всѣ губерніи, на которыя распространялось мѣстное великороссійское положеніе, были раздѣлены на три *полосы*—первую, нечерноземную, подраздѣленную на девять *мѣстностей*, вторую, черноземную, подраздѣленную на восемь мѣстностей, и третью, степную, раздѣленную на двѣнадцать мѣстностей. Какъ проектировали редакціонныя комиссіи, въ первыхъ двухъ полосахъ были установлены два размѣра надѣловъ на душу—высшій и низшій, а для третьей полосы—одинъ, указной, надѣлъ. Низшій надѣлъ равнялся $^1/_3$ высшаго.

О размѣрахъ надѣловъ могутъ дать понятіе слѣдующіе цифры:

Надѣлы.		I полоса:
высшій.	низшій.	
3 дес.	1 дес.	Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской губерній.
7 дес.	2 д. 200 кв. с.	Въ Олонецкой, Новгородской, Вологодской, Вятской губерніяхъ.
		II полоса:
$2^3/_4$ д.	2200 кв. с.	Курская, Тульская, Рязанская, Пензенская губерніи.
6 дес.	2 дес.	Части Оренбургской, Пермской, Самарской губерній.

III полоса (указной надѣлъ)

Отъ 3 дек. до 12 дек.: Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Самарская губ. (Новоузенскій уѣздъ).

Какъ общее правило, въ постоянномъ пользованіи крестьянъ должны были остаться всѣ угодья, ранѣе находившіяся въ ихъ пользованіи, если они не превышали высшаго размѣра надѣла. Въ противномъ случаѣ, помѣщикъ могъ отрѣзать излишнія земли и оставить ихъ за собой. Когда (въ первой и второй полосѣ) крестьянскій надѣлъ былъ менѣе низшаго, то помѣщикъ долженъ былъ прирѣзать недостающее количество земли. Если обоюдное согласіе на прирѣзку не было достигнуто, соотвѣтственно понижались повинности крестьянъ. Если же, за предоставленіемъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе угодій въ прежнемъ ихъ размѣрѣ, у помѣщиковъ оставалось менѣе одной трети всей земли, помѣщикъ могъ оставить у себя земли до одной трети, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобъ крестьянскій надѣлъ не былъ менѣе низшаго размѣра.

Несмотря на то, что выкупъ земли находился въ зависимости отъ полюбовнаго соглашенія помѣщика и крестьянъ, *„положеніе о выкупѣ“* составляетъ неразрывную и въ высшей степени важную часть положенія 19 февраля, опредѣлившую во многомъ будущность поземельнаго строя въ Россіи. Сущность выкупной операціи состояла въ томъ, что посредствомъ ея правительство ссужало подъ пріобрѣтаемыя крестьянами земли опредѣленную сумму съ разсрочкой уплаты ея на продолжительный срокъ. Такимъ образомъ, выкупная операція—это грандіозная кредитная операція, цѣль которой была способствовать переходу надѣльной земли въ собственность крестьянъ. При заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ правительство выдавало стоимость ихъ помѣщикамъ въ видѣ процентныхъ бумагъ; выкупная ссуда имѣла мѣсто только при пріобрѣтеніи крестьянами усадебной осѣдлости вмѣстѣ съ полевыми землями и угодьями. Съ заключеніемъ выкупной сдѣлки, выражавшейся заключеніемъ такъ называемаго *выкупного договора*, обязательныя поземельныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ прекращались и крестьяне превращались изъ временно-обязанныхъ въ крестьянъ собственниковъ. Уплата за выкупные надѣлы была разсрочена крестьянами на 49 лѣтъ.

Въ юридическомъ отношеніи освобождаемые крестьяне составляли самоуправляющіяся сельскія общества, изъ соединеній которыхъ составлялась волость, организованная по образцу волости государственныхъ крестьянъ по положенію 1838 года. Вотчинная власть помѣщика надъ крестьянами временно-обязанными была сохранена въ положеніи, но права помѣщика реальнаго значенія имѣть не могли, тѣмъ болѣе, что власть налагать взысканія не была предоставлена помѣщикамъ. Пра-

вильное отбываніе казенныхъ и земскихъ повинностей обезпечивалась круговой порукой.

Переходъ крестьянъ къ новымъ отношеніямъ съ помѣщиками закрѣплялся въ такъ называемыхъ *уставныхъ грамотахъ*; составленіе этихъ грамотъ предоставлено было помѣщикамъ по добровольному соглашенію съ крестьянами или согласно опредѣленнымъ въ положеніяхъ нормамъ; на составленіе грамотъ давался годичный срокъ, послѣ чего обязанность эта переходила къ *мировымъ посредникамъ*. Окончательное закрѣпленіе земли въ собственность происходило на основаніи *выкупныхъ договоровъ* и выражалось въ такъ называемыхъ *данныхъ крѣпостяхъ*.

Весь процессъ проведенія въ жизнь новаго строя былъ возложенъ на *мировыхъ посредниковъ* вмѣстѣ съ высшими инстанціями—уѣздными мировыми съѣздами и губернскими присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ. Особенное значеніе имѣли мировые посредники: по закону они избирались изъ числа мѣстныхъ дворянъ губернаторами по совѣщаніи съ предводителями дворянства и окончательно утверждались въ должности сенатомъ. Непосредственными обязанностями мировыхъ посредниковъ было устройство матеріальнаго быта крестьянъ, введеніе новыхъ крестьянскихъ учрежденій, разъясненіе крестьянамъ ихъ новыхъ правъ и обязанностей и разборъ многочисленныхъ споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными.

§ 57. Устройство удѣльныхъ крестьянъ.

Съ введеніемъ положенія 19 февраля самъ собою возникъ вопросъ о согласованіи земельнаго, правового и хозяйственнаго состоянія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ состояніемъ другихъ группъ крестьянъ, т. е. главнымъ образомъ, государственныхъ и удѣльныхъ. Первыми получили устройство удѣльные крестьяне.

Заботы о переустройствѣ быта удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ начались еще въ 1858 году, т. е. почти одновременно съ разработкою основаній для освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. Крѣпостныя отношенія удѣльныхъ крестьянъ были отмѣнены указами 20 іюля 1858 года и 26 августа 1859 г., и удѣльнымъ крестьянамъ были дарованы личныя и имущественныя права, предоставленныя прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ.

Къ земельному устройству удѣльныхъ крестьянъ было приступлено сейчасъ же послѣ изданія положенія 19 февраля. Указомъ 5 марта 1861 г. министру двора и удѣловъ было повелѣно подвергнуть пересмотру существующія постановленія объ удѣльныхъ крестьянахъ на слѣдующихъ началахъ. Въ каждомъ имѣніи въ пользованіе крестьянъ

должно быть отведено опредѣленное количество угодій на основаніи правилъ, установленныхъ въ мѣстномъ положеніи о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ. За продолженіе исполненія прежнихъ повинностей удѣльные крестьяне могутъ сохранить на пять лѣтъ всѣ угодья, которыми они въ данное время пользуются. Оброки за постоянные надѣлы остаются неизмѣнными въ теченіе 20 лѣтъ и не должны превышать существующихъ. Крестьянамъ предоставлено право выкупать усадьбы по цѣнѣ не свыше установленной для выкупа усадебъ помѣщичьихъ крестьянъ и выкупать вмѣстѣ съ усадьбами также полевыя угодья по добровольному соглашенію съ удѣльнымъ вѣдомствомъ, опять таки примѣнительно къ цѣнамъ помѣщичьихъ земель. Окончательное положеніе 26 іюня 1863 г. нѣсколько отклонилось отъ этихъ нормъ, но уклоненіе было всецѣло въ пользу крестьянъ.

По этому положенію всѣ находившіяся въ пользованіи крестьянъ земли были предоставлены имъ не въ постоянное пользованіе, какъ при надѣленіи помѣщичьихъ крестьянъ, а въ собственность, съ примѣненіемъ обязательнаго выкупа. При этомъ удѣльное вѣдомство просто предоставило крестьянамъ въ собственность тѣ земли, которыя находились въ ихъ пользованіи, не увеличивая прежнихъ платежей, а обращая ихъ въ выкупные, выплачиваемые въ теченіе 49 лѣтъ. Въ составъ крестьянскаго надѣла были обращены всѣ земли, которыя находились у крестьянъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ излишковъ, превышавшихъ нормы высшаго указнаго размѣра надѣловъ. Съ окончаніемъ платежнаго періода крестьяне обращались въ крестьянъ собственниковъ. Для опредѣленія надѣловъ, для выдачи уставныхъ грамотъ и для введенія ихъ въ дѣйствіе опредѣленъ двухгодичный срокъ отъ утвержденія положенія, т. е. до 26 іюня 1865 г., съ какого времени и начинается теченіе выкупного срока. Въ составъ имущественнаго надѣла, подлежащаго выкупу, включаются однѣ лишь удобныя земли: земли неудобныя не принимаются въ расчетъ при опредѣленіи выкупной суммы. Такъ какъ въ выкупные платежи были обращены очередные платежи, то выкупъ земель бывшими удѣльными крестьянами совершался безъ посредства выкупной операціи, т. е. безъ выдачи удѣламъ капитальной суммы процентными бумагами, какъ это было сдѣлано при выкупѣ земли помѣщичьими крестьянами.

Среднія данныя о землевладѣніи удѣльныхъ крестьянъ до реформы и послѣ нея выражаются слѣдующими цифрами:

	Число селеній.	Число душъ.	У нихъ въ пользованіи земли.	Въ среднемъ на ревизскую душу всей земли.
1) До реформы (данныя по 18 губерніямъ).	8.247	851.334	3.566.628 дес.	4.2 дес.

	Число обществъ			
2) Въ 1878 г. (данныя по 27 губерніямъ).	5.527	900.486	4.333.261 дес.	4.8 дес.

Такимъ образомъ надѣлъ удѣльныхъ крестьянъ не уменьшился, а даже увеличился съ реформой.

§ 58. Устройство государственныхъ крестьянъ.

Указъ 5 марта предписывалъ также и министру государственныхъ имуществъ выработать проектъ примѣненія положенія 19 февраля къ государственнымъ крестьянамъ. Во исполненіе этого указа министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ крѣпостниковъ, смѣнившій Киселева въ 1858 г., внесъ въ октябрѣ 1861 г. въ главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія свои соображенія по этому вопросу. По проекту Муравьева предполагалось предоставить крестьянамъ въ постоянное пользованіе состоявшій въ то время у нихъ надѣлъ земельными угодьями, за который крестьяне обязывались вносить въ казну оброчную плату. Казна предоставляла въ пользованіе крестьянамъ ихъ земельные надѣлы за установленныя повинности, но сохраняла за собой право собственности на эти угодья, впредь до выкупа ихъ крестьянами. Надѣлы ограничивались участками, не превышавшими 8 дес. на душу въ малоземельныхъ мѣстностяхъ и 15 дес. въ многоземельныхъ; излишнее сверхъ этого количество земли предполагалось отрѣзывать въ казенное управленіе съ обращеніемъ въ оброчныя статьи. Крестьянскіе надѣлы впредь не подлежали увеличенію, но крестьянамъ, какъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, такъ и цѣлымъ обществамъ, предоставлялось право выкупа надѣловъ въ собственность. Въ согласіи съ изложеннымъ проектомъ оказались и основныя начала, выработанныя въ государственномъ совѣтѣ для устройства государственныхъ крестьянъ (28 января 1863 г.). Земли, занятыя государственными крестьянами признавались собственностью казны. Оброчная плата опредѣлялась безъ измѣненія на 20 лѣтъ. Разрѣшался выкупъ земли. Предполагалось передать крестьянъ въ административномъ отношеніи въ вѣдѣніе общихъ крестьянскихъ учрежденій. Въ послѣдующее время произошла задержка, такъ что самый указъ о передачѣ государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ учрежденій состоялся только три года спустя, 18 января 1866 года; съ его изданіемъ все русское крестьянство объединялось въ одно цѣлое. Въ связи съ задержкой измѣнились и нѣкоторые взгляды и принципы проведенія реформы. Этому помогли и новыя лица, привлеченные къ разрѣшенію вопроса о государственныхъ крестьянахъ, главнымъ образомъ, Н. А. Милютинъ.

Перемѣна взглядовъ отразилась на законодательномъ памятникѣ, завершившемъ собою дѣло—на положеніи 24 ноября 1866 года. Прежде всего измѣнился самый взглядъ на собственника земли. Положеніе государственнаго совѣта 28 января 1863 г. еще смотритъ на государство какъ на собственника земли, занятой государственными крестьянами; законъ 24 ноября 1866 г. фактически разсматриваетъ крестьянъ почти какъ собственниковъ, хотя прямо и не говоритъ объ этомъ, такъ какъ вслѣдствіе редакціонныхъ недосмотровъ или уступки въ сторону прежняго мнѣнія отводитъ землю крестьянамъ въ *постоянное пользованіе*. Форма землевладѣнія признается общинная и подворная, особенно распространенная въ западной Россіи; переходъ отъ первой ко второй можетъ быть разрѣшенъ при согласіи на то двухъ третей домохозяевъ. Выкупъ земель въ полную собственность долженъ былъ быть установленъ на иныхъ началахъ, нежели выкупъ земель владѣльческихъ и удѣльныхъ крестьянъ. До перехода на выкупъ за сельскими обществами государственныхъ крестьянъ сохраняются всѣ предоставленныя имъ въ надѣлъ и состоящія въ ихъ пользованіи земли и угодья, за что крестьяне вносятъ опредѣленный закономъ на каждыя 20 лѣтъ ежегодный платежъ подъ названіемъ *государственной оброчной подати*. На владѣніе отведенными крестьянамъ землями и угодьями каждому обществу выдается особый актъ, именуемый *владѣнной записью*. На самомъ дѣлѣ вопросъ о выкупѣ государственными крестьянами своихъ надѣловъ возникъ еще до освобожденія; еще въ 1859 году послѣдовало въ видѣ опыта разрѣшеніе на такой выкупъ; эта мѣра сперва была примѣнена въ балтійскихъ губерніяхъ, потомъ распространена на петроградскую, на нѣкоторыя великорусскія и на четыре западныя. Выкупаться могли цѣлыя селенія и каждый домохозяинъ въ отдѣльности. Цѣлому селенію было предоставлено право или выкупать всю землю селенія, или же часть ея; размѣръ, выкупаемой земли опредѣлялся министромъ государственныхъ имуществъ. Каждому домохозяину предоставлялось выкупить не менѣе одного душевого пая и не болѣе того числа паевъ, которыми онъ пользовался въ селеніи. Одна пятая выкупной суммы вносилась въ видѣ задатка, остальныя погашались въ теченіе 20 лѣтъ; сумма выкупа была опредѣлена нѣсколько дешевле, нежели сумма земель владѣльческихъ и удѣльныхъ крестьянъ. На такихъ условіяхъ выкупъ сталъ осуществляться и фактически. Но положеніе 1866 года, возвысивъ требованіе о внесеніи наличныхъ денегъ, задержало развитіе выкупной операціи государственныхъ крестьянъ. Кромѣ того, оброчная подать при введеніи положенія 1866 года была въ большей части мѣстностей повышена.

Фактическое надѣленіе землею государственныхъ крестьянъ оказалось нѣсколько выше, нежели надѣленіе крестьянъ помѣщичьихъ и

удѣльныхъ. Въ 27 великорусскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ средній надѣлъ на душу былъ—5,7 дес., причемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ надѣлъ подымался до 15,7 дес. (архангельская губ.) 10,4 дес. (самарская губ.) 9,6 дес. (таврическая). Ниже 4 дес. земельный надѣлъ государственныхъ крестьянъ былъ—только въ ярославской, рязанской и московской губерніяхъ—3,7, 3,8 и 3,3 десятины. Положеніе государственныхъ крестьянъ въ отношеніи земельнаго обезпеченія оказалось такимъ образомъ наиболѣе выгоднымъ въ средѣ другихъ разрядовъ сельскаго населенія, несмотря на нѣкоторыя невыгодныя стороны въ условіяхъ выкупа по положенію 1866 г.

Распространеніе общихъ началъ выкупной операціи на государственныхъ крестьянъ состоялось значительно позднѣе, въ царствованіе Александра III, и началось съ 1 января 1887 года.

§ 59. Общія причины паденія крѣпостного права.

Съ распространеніемъ началъ 19 февраля на остальныя группы сельскаго населенія и съ объединеніемъ этихъ группъ въ одно крестьянское сословіе закончилась освободительная реформа. Крестьянинъ сталъ свободнымъ и получилъ право владѣть землею. Какія же были общія причины совершавшагося переворота, за которымъ мы слѣдили съ конца XVIII вѣка?

Можно прежде всего указать на отдѣльныя усилія благородныхъ людей, стремившихся къ уничтоженію крѣпостного права; ихъ было не мало и они оставили слѣдъ въ наукѣ и литературѣ. Внѣсословное общественное мнѣніе было за освобожденіе и не мало сдѣлало для этой цѣли. Сила идей въ этомъ вопросѣ совершила много, но едва-ли все же можно ее одну считать причиной переворота, на который экономическія причины должны были оказать свое могучее вліяніе. Въ настоящее время еще нельзя во всѣхъ деталяхъ прослѣдить, какъ экономическія явленія повліяли на положеніе крестьянъ въ Россіи, но мы имѣемъ уже много фактовъ, которые позволяютъ сказать, что экономическіе факторы сказались здѣсь очень сильно. Было бы интереснѣе всего прослѣдить ростъ недворянскаго землевладѣнія со времени изданія закона 12 декабря 1801 г. до 1861 года. Крѣпостное право отчасти вытекало изъ исключительнаго права дворянъ владѣть землею; когда это право перестало быть исключительнымъ, какъ сказалась такая перемѣна на дворянскомъ землевладѣніи и на крѣпостномъ правѣ? У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ прямо; но косвенныя данныя даютъ опредѣленный отвѣтъ: съ 1812 г. абсолютное число крѣпостныхъ крестьянъ не увеличивалось, а относительное ихъ число падало. Въ 1837 г. крѣпостные составляли до 45% населенія Россіи;

передъ реформой ихъ было только 37,5%. Путемъ добровольнаго освобожденія самими дворянами, мы знаемъ, убывало не много крѣпостныхъ. Убыль эта, слѣдовательно, отчасти объясняется дѣйствіемъ закона 1801 г., заставлявшаго купцовъ и разночинцевъ увольнять крестьянъ при покупкѣ имѣнія. Что старое дворянское имѣніе съ крѣпостнымъ хозяйствомъ уже не было на высотѣ экономическихъ требованій вѣка, указываетъ также огромная задолженность дворянскихъ имѣній въ первой половинѣ XIX вѣка: наканунѣ освобожденія крестьянъ въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ числилось въ залогѣ дворянскихъ имѣній на громадную сумму въ 425.500.000 рублей. Особенно это сказывалось на мелкомѣстныхъ дворянахъ, что видно изъ данныхъ о распредѣленіи дворянской земельной собственности по восьмой и десятой ревизіямъ (1833 и 1858 гг.).

Общее число дворянъ землевладѣльцевъ.	Владѣющихъ:				
	Отъ 1 до 20 душъ.	Отъ 21 до 100 душъ.	Отъ 101 до 500 душъ.	Отъ 501 до 1000 душъ.	Свыше 1000 душъ.
109.340	58.457	30.417	16.740	2.273	1.453
	(53,5%)	(27,7%)	(15,3%)	(2%)	(1,5%)
100.247	41.016	35.498	19.930	2.421	1.389
	(40,9%)	(35,4%)	(19,8%)	(2,4%)	(1,4%)

При общемъ уменьшеніи числа дворянъ землевладѣльцевъ раззорялись и исчезали слабыя имѣнія: къ новымъ, болѣе труднымъ условіямъ успѣшнѣе примѣнялись только болѣе сильные помѣщики.

Общее состояніе крѣпостного хозяйства въ царствованіе императора Николая I показываетъ, что прежнія условія крѣпостного труда становились очень невыгодными. Владѣлецъ могъ предоставить для сбыта лишь очень немного хлѣба, котораго ему, большей частью, хватало только для собственнаго потребленія; такимъ образомъ, въ цѣляхъ расширенія барской запашки приходилось думать или объ обезземеленіи крестьянъ, или о расширеніи площади крестьянскаго землепользованія путемъ аренды, или же о поднятіи сельско-хозяйственной техники. Наблюденія показываютъ, что очень часто поступали наихудшимъ образомъ, обезземеливая крестьянъ, заставляя ихъ иногда даже цѣликомъ работать на себя и выдавая крестьянамъ мѣсячину, т. е. содержаніе на мѣсячный срокъ. Расширеніе барской запашки было примѣненіемъ къ новымъ условіямъ рынка. Появленіе новыхъ условій ярко характеризуются обнаружившейся въ первой половинѣ XIX вѣка невыгодностью барщиннаго труда. Въ одномъ имѣніи тульской губ. тягло, т. е. крѣпостные работникъ съ работницей, обходились въ 288 рублей, а трудъ наемный въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ—въ 170 рублей. Въ московской губ. одинъ помѣщикъ обрабатывалъ часть имѣнія

вольнымъ трудомъ, и оказалось, что крѣпостное тягло стоило ему 21 четверти ржи и приносило только 15,5 четвертей, вольнонаемное же обходилось 21,5 четв. ржи, принеся доходу 43 четверти ржи. Въ рязанской губ. крѣпостное помѣщичье хозяйство давало въ годъ 8—10% чистаго дохода, а вольнонаемное купеческое отъ 15% до 20%. Въ воронежской, тамбовской и саратовской губ. наблюдались аналогичныя условія: вездѣ вольнонаемный трудъ былъ болѣе выгоднымъ. Послѣдствіемъ описанныхъ сейчасъ явленій было паденіе барщины и ростъ оброка даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ барщина имѣла преобладаніе надъ оброкомъ, напримѣръ, въ черноземныхъ губерніяхъ. Далѣе, явилась новая форма перехода отъ крѣпостного къ вольнонаемному труду: стали появляться арендаторы барскихъ имѣній, вводившіе новые, усовершенствованные порядки для веденія хозяйства. Формой, еще болѣе близкой къ вольному найму, былъ наемъ барщинными крестьянами постороннихъ рабочихъ для отбытія барщины. Наконецъ, есть указаніе на то, что въ большихъ хозяйствахъ, главнымъ образомъ въ черноземной полосѣ, еще до крестьянской реформы уже приходилось прибѣгать къ дополнительному вольнонаемному труду, безъ котораго невозможно было выполнить полевыя работы. Данныя, которыми мы обладаемъ, показываютъ, что къ вольнонаемному труду прибѣгали и въ нечерноземныхъ губерніяхъ, напримѣръ, во владимірской и калужской губерніяхъ.

Вольнонаемный трудъ примѣнялся въ усиленныхъ, сравнительно съ прежнимъ, размѣрахъ и въ области фабрично-заводской. Фабрика съ вольнонаемнымъ трудомъ работала лучше и успѣшнѣе, чѣмъ старая крѣпостная фабрика. Въ этой области, быть можетъ, еще ярче, чѣмъ въ сельско-хозяйственной, землевладѣльческой, сказывалось правило, что трудъ свободный всегда продуктивнѣе труда рабскаго.

Хозяйственное положеніе всей страны въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ показываетъ, что назрѣвали новыя формы, которыя должны были смѣнить старыя отжившія экономическія рамки. Страна находилась на порогѣ новаго періода экономическаго развитія; общее направленіе всей европейской экономической жизни увлекало Россію по пути къ капитализму, при которомъ старый крѣпостной строй обращался въ нѣчто ненужное и мѣшавшее дѣлу. Само собою разумѣется, что не всѣ дѣятели пятидесятыхъ годовъ ясно сознавали происходившія перемѣны, но измѣненія въ экономической жизни страны тѣмъ не менѣе властно вліяли на жизнь и многіе помѣщики на своемъ собственномъ хозяйствѣ видѣли, что старый хозяйственный строй уже не удовлетворяетъ условіямъ времени.

§ 60. Главнѣйшіе виды землевладѣнія, установившіеся послѣ реформы.

Реформа 60-хъ годовъ составила эпоху въ исторіи землевладѣнія. Земля, бывшая крѣпостною въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, стала свободной. То, что до начала XIX вѣка было достояніемъ только государства, дворянъ и нѣкоторыхъ привиллегированныхъ собственниковъ, теперь стало обращаться совершенно свободно. Реформа 1861 г. окончательно завершила дѣло, начатое въ 1801 году.

Съ этого времени начинается новый періодъ въ исторіи русскаго землевладѣнія, который не закончился и понынѣ. Онъ весь принадлежитъ современности; итоговъ его подвести нельзя. Я только укажу пути, по которымъ стало развиваться русское землевладѣніе, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, сравнивая эти пути съ прошлымъ но не вдаваясь въ детали, ибо детали эти не принадлежатъ исторіи, а являются предметомъ чисто экономическаго изученія русской современности.

Перечислю прежде всего главные виды землевладѣнія, какъ они сформировались послѣ реформы 60-хъ годовъ:

1) Казенныя земли. Это старинныя черныя земли, преимущественно лѣса; въ 1877 г. ихъ числилось 150.000.000 десятинъ; въ 1905 г.—138.000.000 (уменьшеніе объясняется переходомъ государственныхъ крестьянъ на обязательный выкупъ въ 80-хъ годахъ).

2) Удѣльныя земли, доходы съ которыхъ идутъ на содержаніе императорской фамиліи; къ удѣльнымъ землямъ примыкаютъ и такъ называемыя земли кабинета Его Величества (см. § 67), преимущественно находящіяся въ Сибири; въ 1877 году удѣльныхъ земель было 7.400.000 десятинъ; въ 1905 г.—7.800.000.

Какъ государственныя такъ и удѣльныя земли представляютъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, лѣсныя пространства, эксплуатируемыя казною какъ доходная статья, причемъ на рубежѣ XX столѣтія доходъ съ казенныхъ лѣсовъ обозначался въ государственномъ бюджетѣ цифрою въ 50—60 милліоновъ рублей. Остальныя угодія отдавались въ аренду главнымъ образомъ крестьянамъ; эти земли рѣшено было въ 1906 году отчудить изъ казеннаго владѣнія въ пользу крестьянъ землевладѣльцевъ; подобные же небольшіе отрѣзки предположено было совершить и въ составѣ удѣльныхъ и кабинетскихъ земель. Въ общемъ, однако, площадь казенныхъ и удѣльныхъ земель къ настоящему времени мало измѣнилась.

3) Земли церквей и духовныхъ учрежденій. Какъ извѣстно, русская секуляризація отличалась отъ секуляризаціи въ другихъ странахъ тѣмъ, что переходъ церковныхъ земель въ казну не сопровождался изданіемъ

закона, запрещавшаго духовнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать землю на будущее время. Такимъ образомъ, съ 1764 г., когда не были отобраны ненаселенныя земли, принадлежавшія церквамъ, до настоящаго времени землевладѣніе духовныхъ учрежденій успѣло вновь создаться; по размѣрамъ своимъ оно, впрочемъ, не можетъ идти въ сравненіе съ прежнимъ временемъ и среди другихъ видовъ землевладѣнія отличается малыми размѣрами. Въ 1877 году земель духовныхъ учрежденій было 2.100.000 десятинъ, въ 1905—2.600.000.

4) Земли городскія. Въ составѣ ихъ въ 1877 году насчитывалось 1.900.000 десятинъ, къ 1905 году онѣ возросли до 2 милліоновъ. Всѣ перечисленные виды землевладѣнія, будучи свободными, т. е. не стѣсненными въ смыслѣ мобилизаціи какими-нибудь спеціальными узаконеніями, фактически за послѣдніе полвѣка мобилизовались очень мало.

Значительно бо́льшій интересъ представляютъ тѣ виды земельныхъ владѣній, которые, въ своемъ современномъ состояніи, всецѣло исходятъ изъ реформы 1861 года. Это слѣдующіе:

5) Старинное дворянское землевладѣніе.

6) Землевладѣніе не дворянъ, разночинцевъ, созданное закономъ 1801 года и укрѣпленное реформой 1861 года.

7) Землевладѣніе крестьянскихъ обществъ, образованное вслѣдствіе надѣленія крестьянъ владѣльческихъ, удѣльныхъ и казенныхъ.

Землевладѣніе можно классифицировать еще иначе; можно его раздѣлить на индивидуальное и коллективное; къ первому придется причислить первые пять видовъ и частью шестой; ко второму—общинное землевладѣніе крестьянъ и отчасти землевладѣніе крестьянскихъ товариществъ, образовавшихся путемъ покупки земель сверхъ полученныхъ надѣловъ.

§ 61. Судьбы дворянскаго землевладѣнія.

Первый ударъ дворянскому землевладѣнію нанесенъ былъ закономъ 1801 года. Выше мы отмѣчали, что неблагопріятныя экономическія условія дурно дѣйствовали на дворянское землевладѣніе въ первой половинѣ XIX столѣтія; есть основаніе думать, что эти обстоятельства развивали разночинское землевладѣніе по закону 1801 года, хотя мы и лишены возможности сказать въ точности, насколько дворянское землевладѣніе уменьшилось въ 1801—1861 гг. Новый и болѣе сильный ударъ нанесенъ былъ дворянскому землевладѣнію реформой 1861 года. Дворяне помѣщики, въ особенности мелкіе, экономическое положеніе которыхъ было слабымъ до реформы, не перенесли послѣдствій лишенія дарового крестьянскаго труда; послѣ 1861 г. мелкія дворянскія имѣнія стали исчезать еще скорѣе нежели между восьмой и десятой реви-

зіями. Другіе дворяне,—помѣщики болѣе крупные,—хотя, можетъ быть, и могли, но не сумѣли приспособиться къ новымъ условіямъ хозяйства, послѣдствіемъ чего было раззореніе и продажа земель. Съ 1861 года начинается усиленная мобилизація старинной дворянской земельной собственности; дворянское землевладѣніе падаетъ повсемѣстно несмотря на искусственную поддержку, которую правительство оказало ему въ царствованіе императора Александра III учрежденіемъ дворянскаго банка и другими мѣрами.

О судьбахъ дворянскаго землевладѣнія въ полвѣка, послѣдовавшіе послѣ освобожденія крестьянъ, могутъ дать понятіе слѣдующія цифры. До освобожденія крестьянъ дворянамъ принадлежало болѣе 105 милліоновъ десятинъ земли; надѣленіе крестьянъ землею отняло у дворянъ около 29 милліоновъ десятинъ; послѣ освобожденія въ рукахъ дворянъ осталось около 77 милліоновъ десятинъ земли. Дальнѣйшія измѣненія видны изъ приводимой ниже таблицы:

Годъ.	Число десятинъ земли, находившейся во владѣніи дворянъ (въ круглыхъ цифрахъ).
1861	77.000.000
1877	73.000.000
1887	65.000.000
1905	53.000.000

Цифры эти, конечно, слѣдуетъ считать приблизительными, но онѣ ясно показываютъ постоянную убыль дворянскихъ земель. Впрочемъ, можно отмѣтить измѣненія въ самомъ характерѣ убыли. Послѣ 1861 г. особенно уменьшалось землевладѣніе мелкое. Позднѣе падало скорѣе землевладѣніе крупное; на это указываютъ данныя 1877 и 1905 годовъ.

Общее число дворянъ земледѣльцевъ.	Въ томъ числѣ владѣющихъ:				
	1—100 д.	101—500.	501—1000.	1000—10000.	Свыше 10000.
Въ 1877 г.:					
114.716	56.551	33.784	11.043	12.554	784
Въ 1905 г.:					
107.247	60.910	28.235	8.768	8.797	527

§ 62. Землевладѣніе недворянское.

Куда же уходили дворянскія земли. Кто становился ихъ собственникомъ? За счетъ дворянскаго землевладѣнія цѣликомъ питалось землевладѣніе купцовъ, мѣщанъ и другихъ группъ, которыя можно объединить только общимъ терминомъ недворянъ.

Этотъ видъ землевладѣнія чрезвычайно разнообразенъ по составу и происхожденію владѣльцевъ и по размѣрамъ владѣній. Сюда входятъ земли, перешедшія къ недворянамъ до 1861 года, земли дворянъ, пріобрѣтенныя купцами, мѣщанами, разночинцами и крестьянами послѣ освобожденія; собственниками ихъ являются люди, принадлежащіе къ самымъ различнымъ и разнообразнымъ сословнымъ группамъ. Въ составѣ этого вида землевладѣнія мы можемъ встрѣтить и огромныя латифундіи вродѣ имѣній купцовъ хлѣбопромышленниковъ въ Самарской и Уфимской губ., или большихъ лѣсопромышленниковъ въ сѣверной полосѣ и мелкіе крестьянскіе участки въ нѣсколько десятинъ. Въ числѣ лицъ, скупавшихъ дворянскія земли, большое мѣсто занимаютъ крестьяне; съ 1863 до 1897 г. ими было куплено 12,9 милліоновъ десятинъ.

Въ 1878 г. площадь частнаго землевладѣнія сельскихъ обывателей равнялась $8^1/_2$ милліонамъ десятинъ.

Въ 1887 г.—$13^1/_2$ милліонамъ десятинъ.
„ 1897 г.—18 „ „
Къ 1 янв. 1905 г.—$23^1/_2$ „ „

По характеру владѣнія особую группу составляютъ владѣнія крестьянскихъ товариществъ, т. е. бывшія дворянскія по преимуществу имѣнія, купленныя товариществомъ изъ нѣсколькихъ крестьянъ, которые здѣсь, на земляхъ, принадлежащихъ имъ на правѣ полной собственности, воскрешаютъ иногда старинную форму долевого землевладѣнія, столь знакомую русской древности. Во многихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, сѣверной полосы Россіи такія товарищества владѣютъ землею пополосно, безъ размежеванія ея по отдѣльнымъ участкамъ. Въ 1877 г. земель, принадлежавшихъ крестьянскимъ товариществамъ, (сверхъ земель надѣльныхъ) было 765 тысячъ десятинъ, а въ 1905—уже $11^1/_2$ милліоновъ десятинъ.

Объединяющимъ признакомъ разбираемаго вида землевладѣнія, который отдѣляетъ его отъ землевладѣнія дворянскаго, служитъ именно его недворянскій характеръ; зато есть черты, сближающія его съ землевладѣніемъ дворянскимъ,—это его экономическая природа. Уцѣлѣвшія дворянскія имѣнія стали сельскозяйственными предпріятіями; такими же сельскохозяйственными предпріятіями являются въ настоящее время имѣнія купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ. Сословная разница въ составѣ владѣльцевъ сохраняетъ историческое значеніе и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вліяетъ на общественно-правовое положеніе землевладѣльцевъ; въ экономическомъ же и въ гражданско-правовомъ отношеніяхъ ихъ положеніе совершенно одинаково.

Сходство экономической и гражданско-правовой природы дворянскаго и не дворянскаго землевладѣнія опредѣлило ихъ совершенно одинаковую судьбу во время потрясеній начала XX вѣка. Крестьянскія

волненія 1905—1906 гг. не различали дворянской и не дворянской собственности. Не различала ихъ и пропаганда крайнихъ идей въ области вопросовъ владѣнія и пользованія землею. Характерно, при этомъ, то, что наличность мелкой крестьянской собственности оказывала задерживающее вліяніе на погромы и на успѣхъ пропаганды. И тѣ, и другой были меньше тамъ, гдѣ мелкая крестьянская собственность была болѣе развитой, напримѣръ, въ губерніяхъ нечерноземной полосы. Нѣкоторое представленіе о реформахъ недворянскаго землевладѣнія могутъ дать слѣдующія цифры:

Число отдѣльныхъ крестьянъ собственниковъ.	Количество владѣемой земли.
1877 г. 282.810	5.787.570 дес.
1905 г. 490.593	13.214.025 „
Число отдѣльныхъ мѣщанъ собственниковъ.	**Количество земли.**
1877 г. 57.998	1.908.999 дес.
1905 г. 84.901	3.763.822 „
Число купцовъ и почетныхъ гражданъ — земельныхъ собственниковъ.	**Количество земли.**
1877 г. 12.621	9.789.883 дес.
1905 г. 22.897	12.906.795 „

§ 63. Крестьянское надѣльное землевладѣніе.

Мнѣ остается прослѣдить судьбы крестьянскаго надѣльнаго, въ подавляющемъ количествѣ случаевъ коллективнаго, землевладѣнія.

Отмѣчу прежде всего, что этотъ видъ землевладѣнія и до 1906 г. не былъ вполнѣ свободнымъ: сначала ограниченный переходнымъ состояніемъ крестьянства, когда крестьяне платили выкупъ за землю и не считались собственниками своихъ надѣловъ, онъ позднѣе былъ ограниченъ въ смыслѣ права продажи спеціальнымъ законодательствомъ 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Крестьянскій вопросъ не закончился реформой 1861 г.

Положеніе 19 февраля не покончило расчетовъ между крестьянами и помѣщиками, потому что выкупъ крестьянскихъ надѣловъ зависѣлъ отъ добровольнаго соглашенія тѣхъ и другихъ.

Скорѣе всего окончились отношенія къ помѣщикамъ тѣхъ крестьянъ, которые согласились получить даровой надѣлъ. Больше всего подобныхъ сдѣлокъ наблюдалось въ первые годы послѣ реформы. Всего дарственные надѣлы приняло съ небольшимъ 600.000 ревизскихъ душъ изъ числа 10.137.726 ревизскихъ душъ, отпущенныхъ на волю 19 фев-

раля 1861 года. По мѣстностямъ дарственные надѣлы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: болѣе всего ихъ было взято въ Пермской губерніи (высшій надѣлъ 5,5—7 десятинъ), Оренбургской и Уфимской (высшіе надѣлы 4—6 десятинъ) и въ Саратовской губ. (высшіе надѣлы 4—7 десят.), т. е. въ губерніяхъ, гдѣ земли было вдоволь и гдѣ нормы надѣловъ были сравнительно низки; затѣмъ въ черноземныхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Екатеринославской, Симбирской, Воронежской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Нижегородской, Рязанской, гдѣ даровые надѣлы брали, потому что земля была дорога и въ то же время хороша по качеству. Менѣе всего даровыхъ надѣловъ было взято въ нечерноземныхъ губерніяхъ.

Болѣе всего крестьянъ, надѣленныхъ мелкими надѣлами, приходилось на черноземную полосу, именно:

съ надѣломъ отъ 1 до 2 дес.	1.642.624 души
съ надѣломъ менѣе 1 дес.	586.766 душъ.

Въ нечерноземной полосѣ тѣ же группы составляли:

съ надѣломъ отъ 1 до 2 дес.	378.434 души
съ надѣломъ менѣе 1 дес.	172.686 душъ.

Добровольное соглашеніе между помѣщиками и крестьянами, которымъ былъ обусловленъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, достигалось сравнительно успѣшно, и такимъ образомъ бывшіе владѣльческіе крестьяне довольно быстро выходили изъ временнаго состоянія, въ какое ихъ непосредственно поставила реформа 19 февраля. Цѣлый рядъ причинъ способствовалъ тому, что помѣщики дворяне очень охотно пошли на встрѣчу выкупу: выкупныя цѣны были сравнительно высоки; помѣщики при новыхъ условіяхъ труда очень нуждались въ деньгахъ и потому охотно шли на встрѣчу соглашенію; помѣщичья задолженность, значительная, какъ мы видѣли, еще до реформы, оказала очень большое вліяніе при переходѣ крестьянъ на выкупъ. Во всѣхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, а изъ черноземныхъ въ Нижегородской, Рязанской и Тульской большинство выкупныхъ сдѣлокъ было совершено именно по требованію помѣщиковъ; менѣе половины сдѣлокъ совершено было по требованію помѣщиковъ въ черноземныхъ губерніяхъ (44%—26%). Совсѣмъ мало такихъ сдѣлокъ совершалось въ Малороссійскихъ и Новороссійскихъ губерніяхъ 21%—5%).

Сравнительно высокіе выкупные платежи, не только не всегда соотвѣтствовавшіе цѣнности и доходности земли, но часто несоразмѣрные и съ общими платежными силами, разстраивали крестьянское хозяйство и вызывали накопленіе недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, превышавшихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ размѣры годового оклада.

Такимъ образомъ выходило, что казна получала доходъ, а кресть-

яне раззорялись отъ обременительности платежей. Это вызвало къ жизни законоположенія 1881 года, имѣвшія цѣлью понизить бремя выкупныхъ платежей. Высочайшимъ указомъ 28 декабря 1881 года было рѣшено понизить выкупные платежи; пониженіе было установлено двоякое: общее—для всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, какъ состоявшихъ въ то время на выкупѣ, такъ и имѣвшихъ перейти на выкупъ въ силу изданнаго одновременно указа о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ съ 1 января 1883 г., и добавочное или спеціальное для тѣхъ селеній, хозяйство которыхъ пришло въ особенно замѣтный упадокъ. Это было существенное измѣненіе положенія о выкупѣ, но послѣднее подверглось и другому измѣненію, не менѣе важному: къ 1 января 1878 г. успѣло перейти на выкупъ 66% бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а если къ нимъ прибавить 600.000, взявшихъ дарственные надѣлы, и 270.000 ревизскихъ душъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, гдѣ выкупъ подъ вліяніемъ польскаго возстанія сдѣланъ былъ обязательнымъ еще въ 1863 г., то всего процентъ перешедшихъ въ разрядъ крестьянъ собственниковъ опредѣлится въ 81,4. Такимъ образомъ, къ 1 января 1878 г. въ состояніи временно обязанныхъ оставалось 18,6% бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ или около 1.900.000 ревизскихъ душъ. Положеніе этихъ временно обязанныхъ крестьянъ, бывшіе помѣщики которыхъ не соглашались на выкупъ, оказалось по собраннымъ правительствомъ свѣдѣніямъ много тяжелѣе и хуже, чѣмъ положеніе крестьянъ тѣхъ же мѣстностей, которые уже перешли на выкупъ. Надѣяться на добровольный выкупъ было трудно: временно-обязанныя отношенія грозили превратиться въ вѣчно-обязанныя. Въ виду такого положенія дѣлъ вышеупомянутымъ закономъ 1881 года былъ установленъ обязательный выкупъ для всѣхъ крестьянъ, оставшихся до того времени временно-обязанными.

Извѣстно, что въ періодъ 80—90-хъ годовъ хозяйственное положеніе крестьянъ не улучшилось, и къ началу XX вѣка недоимки по выкупнымъ платежамъ вновь возросли до очень замѣтныхъ размѣровъ. Указомъ 1905 г. выкупные платежи были вовсе уничтожены.

Положеніе 19 февраля налагало запрещеніе на крестьянскіе надѣлы только до полной уплаты выкупной ссуды. По окончаніи выкупа общаго или досрочнаго, надѣлъ крестьянина по буквальному смыслу положенія 19 февраля долженъ былъ стать полной собственностью крестьянина, которая можетъ быть закладываема и продаваема владѣльцемъ на основаніи общихъ узаконеній. На основаніи 165 ст. положенія о выкупѣ, крестьянинъ, внесшій авансомъ всю выкупную сумму, получалъ право выдѣлиться изъ общины и такимъ образомъ, ранѣе другихъ сдѣлаться полнымъ собственникомъ своего участка. Сторонники неприкосновенности земельной общины еще съ начала 80-хъ го-

довъ возвышали голосъ противъ 165 ст. положенія о выкупѣ. На практикѣ оказалось, что ст. 165 примѣнялась сравнительно нерѣдко; крестьяне выкупали свои земли для обезпеченія себя отъ прибавки излишней земли, за которую надо было платить больше, чѣмъ можно было извлечь выгоды изъ ея обработки, для избавленія себя отъ круговой поруки, а также стараясь этимъ путемъ закрѣпить за собою то количество земли, которымъ они владѣли въ данное время, и обезпечить себя отъ потери земли при будущихъ передѣлахъ; третья и самая существенная причина примѣненія досрочнаго выкупа заключалась въ продажѣ надѣловъ несостоятельными крестьянами въ постороннія руки, причемъ фактически землю выкупалъ не прежній владѣлецъ, а ея пріобрѣтатель.

Насколько были въ ходу такія сдѣлки видно изъ того, что за $4^1/_2$ года съ 1 января 1877 г. по 1 іюля 1881 г. въ Симбирской губерніи было на основаніи 165 ст. выкуплено 11.733 десятины надѣльной земли. Въ какихъ цѣляхъ это иногда дѣлалось, показываетъ случай въ селѣ Смышляевкѣ Самарской губ., гдѣ самарскими купцами было выкуплено 8 крестьянскихъ надѣловъ и на нихъ было построено 7 кабаковъ и трактировъ. Всего за 28 лѣтъ, съ 1861 г. по 1889 г., указаннымъ путемъ выбыло изъ владѣнія крестьянъ до 200.000 десятинъ. Такое положеніе дѣла вызвало особое вниманіе правительства императора Александра III, стремившагося охранить земельную общину, и вызвало къ жизни законъ 14 декабря 1893 года, по которому продажа общественныхъ земель цѣлыми селеніями была поставлена въ зависимость отъ разрѣшенія губернскихъ присутствій при продажной цѣнѣ не свыше 500 рублей; если же продажная цѣна была выше, то требовалось разрѣшеніе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и министра государственныхъ имуществъ. Для выдѣла и выкупа надѣльныхъ участковъ изъ состава общинныхъ земель установлено было обязательное согласіе сельскихъ сходовъ; отчужденіе подворныхъ надѣльныхъ участковъ дозволено было только тѣмъ покупателямъ, которые принадлежали или приписывались къ сельскимъ обществамъ; залогъ надѣльныхъ земель былъ безусловно воспрещенъ.

Законъ 1893 года сдѣлалъ, такимъ образомъ, крестьянскую надѣльную землю до нѣкоторой степени опять землею несвободной.

Существованіе ст. 165 оказало также вліяніе на судьбу общинныхъ порядковъ послѣ освободительной реформы. Послѣ 1861 г. крестьяне сами, въ силу обычая, установившагося въ это время, перешли отъ пользованія землею по *тягламъ*, какъ это было при крѣпостномъ правѣ, къ пользованію по *душамъ*, по числу душевыхъ надѣловъ, введенныхъ положеніемъ 19 февраля. Многодушевые дворы старались выдѣлиться изъ общины и тѣмъ стѣсняли возможность передѣловъ. От-

сутствіе ревизій, прекратившихся вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, было другимъ серьезнымъ препятствіемъ къ осуществленію земельныхъ передѣловъ, потому что не давало возможности твердо установить число лицъ, имѣющихъ при общинномъ передѣлѣ право на полученіе земли. Наконецъ, задерживающимъ факторомъ при осуществленіи передѣловъ было вліяніе деревенскаго меньшинства на инертное большинство. Какъ бы то ни было, однимъ изъ послѣдствій крестьянской реформы 1861 года было почти полное исчезновеніе земельныхъ передѣловъ въ крестьянскихъ общинахъ; вмѣсто нихъ вошло въ силу распоряженіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ со стороны міра душевыми надѣлами безъ измѣненія ихъ величины. Правительство 80—90-хъ годовъ, ревниво охранявшее общину, издало законъ 8 іюня 1893 года о передѣлахъ мірской земли. По этому закону пользованіе надѣльными землями и передѣлы ихъ подчинялись „попечительному воздѣйствію“ незадолго передъ тѣмъ введенныхъ земскихъ начальниковъ, т.-е. иначе сказать, начальственному надзору. Этотъ законъ, повидимому, не оживилъ стараго обычая передѣловъ, но, наоборотъ, способствовалъ окончательному ихъ исчезновенію. Переводъ на обязательный выкупъ всѣхъ крестьянъ (1881—1883 гг). закрѣпленіе крестьянскихъ надѣловъ, вновь сдѣлавшее надѣльное крестьянское землевладѣніе несвободнымъ, (1893) г. и, наконецъ, исчезновеніе обычая земельныхъ передѣловъ, составлявшаго нервъ русской земельной общины, таковы главнѣйшія явленія въ сферѣ крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, вытекшіе изъ осуществленія на практикѣ положенія 19 февраля 1861 г.

§ 64. Политика правительства по земельному и крестьянскому вопросамъ въ 1861—1905 годахъ.

Въ дальнѣйшемъ послѣ 1861 года движеніи крестьянскаго вопроса можно намѣтить три періода въ исторіи отношеній правительства къ земельно-крестьянскому вопросу.

I. Время пассивнаго отношенія (1860-ые—1870-ые годы, царствованіе Александра II);

II. Время борьбы двухъ теченій по крестьянскому дѣлу, прогрессивнаго и реакціоннаго, изъ которыхъ послѣднее получило окончательный перевѣсъ (80-ые годы);

III. Періодъ попечительныхъ заботъ о внутреннемъ устройствѣ крестьянъ на началахъ, установленныхъ въ предыдущемъ періодѣ (90-ые годы и первые годы новаго столѣтія).

Время послѣ 19 февраля есть уже время реакціи. Самъ Александръ II, выполнивъ реформу, относился къ крестьянскому вопросу безъ большого интереса. Лучшіе дѣятели реформы съ Милютинымъ во главѣ

были холодно отпущены, и руководство внутренней политикой перешло въ руки неискренняго бюрократа Валуева, сочинявшаго по порученію крѣпостника Муравьева контръ-проектъ закона о крестьянской реформѣ для главнаго комитета. Послѣдствія введенія реформы сказывались далеко не сразу и правительство терпѣливо ожидало ихъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Въ крестьянскомъ дѣлѣ настало затишье. По частнымъ вопросамъ правительство, однако, продолжало интересоваться подъ вліяніемъ польскаго возстанія крестьянскими дѣлами, устраивая удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ и выказывая особый интересъ къ крестьянскому вопросу въ западныхъ областяхъ имперіи.

Упомяну еще объ одной важной чертѣ, присущей крестьянскому законодательству какъ освободительной, такъ и послѣдующей эпохи: законодательство, освободивъ крестьянъ, снабдивъ ихъ самоуправленіемъ и слившъ всѣ отдѣльные виды крестьянства въ одно цѣлое, все же всегда разсматривало ихъ какъ отдѣльное сословіе, входъ и выходъ изъ котораго были обставлены различными, иногда сложными формальностями. Стремленіе обособить крестьянство усиливалось во все послѣдующее время до 1905 года. Безцвѣтностью, свойственной вообще всѣмъ мѣрамъ, принятымъ въ первое время послѣ реформы, отмѣчается и положеніе объ измѣненіяхъ въ устройствѣ „мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ“, утвержденное Александромъ II 27 іюня 1874 года, которое смѣнило устройство, введенное въ началѣ 60-хъ годовъ. Мировые посредники были уничтожены и вмѣсто нихъ введены *уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія* подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, въ составѣ исправника, предсѣдателя земской управы, почетнаго мирового судьи и особаго непремѣннаго члена. Обязанности мировыхъ посредниковъ были раздѣлены между уѣздными присутствіями и судебными учрежденіями: ихъ судебныя функціи перешли къ мировымъ судьямъ, введеннымъ судебной реформой 1864 года. Этотъ порядокъ сохранился безъ измѣненій до 1889 г.

Второй періодъ начался съ значительнаго оживленія крестьянскаго вопроса въ началѣ 80-ыхъ годовъ. Новое царствованіе обнаружило несомнѣнно большой интересъ къ крестьянству. Объ этомъ говорятъ законы о введеніи обязательнаго выкупа, о пониженіи выкупныхъ платежей, объ выкупѣ надѣловъ государственныхъ крестьянъ, учрежденіе крестьянскаго земельнаго банка (18 мая 1882 года), имѣвшаго цѣлью содѣйствовать пріобрѣтенію крестьянами земли и бороться такимъ образомъ противъ крестьянскаго малоземелья; кромѣ того, 1 января 1887 года, была отмѣнена подушная подать, чѣмъ снималось съ крестьянства ежегодное платежное бремя въ 55 милліоновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалась его вѣковая обособленность на податной почвѣ: мѣра эта какъ бы откры-

вала дорогу къ дальнѣйшему уничтоженію крестьянской сословной обособленности и къ сліянію крестьянъ съ остальными сословіями въ общемъ строѣ государственной жизни.

Таковы были положительные мѣропріятія второго періода, главнымъ проводникомъ которыхъ былъ министръ финансовъ Н. Х. Бунге (1881—1887 г.). Но отрицательныя черты этого времени сказались гораздо сильнѣе. Перемѣна курса произошла главнымъ образомъ подъ вліяніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстого, и другого государственнаго дѣятеля того времени, оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева. Сторонники новаго курса ставили себѣ задачей сохраненіе полнаго сословнаго обособленія крестьянъ, что по ихъ мнѣнію необходимо вытекало изъ свойствъ Россіи, какъ государства сословнаго, и возстановленіе, хотя бы и въ новыхъ формахъ, опеки дворянъ надъ крестьянами, нарушенной реформами 60-хъ годовъ. Послѣднее привело, какъ извѣстно, къ установленію института земскихъ начальниковъ (12 іюня 1889 года), соединившихъ въ своихъ рукахъ мѣстный судъ и администрацію. Другою особенностью новаго направленія было ревнивое попеченіе о сохраненіи поземельной общины, исходившее изъ старыхъ славянофильскихъ идей о ея патріархальномъ происхожденіи и характерѣ. Плодомъ этого теченія были уже извѣстные намъ законы 8 іюня 1893 года о передѣлахъ мірской земли и 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости надѣльныхъ земель.

Главнымъ предметомъ заботъ правительства въ третій періодъ крестьянской политики, продолжавшійся съ 1894 по 1905 г., было устройство крестьянскаго переселенія въ малонаселенныя мѣста, преимущественно въ Сибирь, и облегченіе податного бремени. И та и другая забота вытекали изъ грознаго экономическаго явленія, всей силой сказавшагося послѣ сильнаго неурожая 1891—1892 годовъ. Я говорю объ оскудѣніи русскаго центра—центральныхъ черноземныхъ губерній. Объ этомъ явленіи нельзя умолчать даже при самомъ краткомъ обзорѣ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ концѣ XIX вѣка. Уже въ комиссіи Валуева въ 70-хъ годахъ указывалось на тяжелое экономическое состояніе крестьянъ преимущественно великорусскихъ губерній. Въ началѣ 80-хъ годовъ это положеніе какъ будто нѣсколько улучшилось вслѣдствіе пониженія выкупныхъ платежей. Начиная съ 1891—1892 годовъ, когда всю южную Великороссію опустошилъ страшный голодъ, положеніе великорусскаго крестьянства стало ухудшаться; результатомъ было накопленіе недоимокъ, усиленіе стремленія къ переселенію на новыя мѣста и броженіе. Все это не могло не обратить вниманія правительства, находившагося въ то время въ разгарѣ попечительной политики. Весною 1899 года при министерствѣ финансовъ было созвано особое совѣщаніе для выясненія общихъ и основныхъ причинъ эконо-

мическаго упадка великорусскихъ губерній. На этомъ совѣщаніи выяснился и районъ наибольшаго упадка и его симптомы. Центральныя черноземныя (Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская) и восточныя (Вятская, Пермская, Оренбургская, Казанская, Самарская, Уфимская) губерніи дали такіе размѣры годовыхъ недоимокъ окладныхъ сборовъ, что недоимки въ два раза и болѣе превысили годовые оклады податей. Въ обѣихъ группахъ губерній ростъ недоимокъ принялъ особенно угрожающіе размѣры какъ разъ въ 1891—1895 годахъ.

Далѣе выяснялось, что крестьянское малоземелье въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, замѣтное со времени реформы, ибо нормы надѣловъ были очень невелики и именно здѣсь было болѣе всего дарственниковъ, не только увеличилось, но значительно понизилось и количество высѣваемаго хлѣба: въ пятилѣтіе 1891—1895 годовъ по пятидесяти губерніямъ Европейской Россіи высѣвалось на каждаго ѣдока 65% того, что высѣвалось въ 1861—1865 годахъ, а въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ только 56%. Урожайность также понизилась по всѣмъ пятидесяти губерніямъ, пониженіе выразилось въ 12%, а въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ оно достигло 27%.

Средній размѣръ надѣла на одну душу мужского пола крестьянъ всѣхъ разрядовъ по пятидесяти губерніямъ Европейской Россіи опредѣлялся въ 1861 году въ 4,8 дес. на ревизскую душу. Въ 1880 г. онъ равнялся уже 3,5 дес., а въ 1900 г. только 2,6 дес. на наличную душу. Въ Саратовской губерніи изъ 100 душъ мужского населенія владѣли надѣльной землей (въ доляхъ нормальнаго надѣла):

	Полный надѣлъ.	$^3/_4$	$^3/_4$—$^1/_2$	меньше $^1/_2$
Послѣ 1861 года	65,3%	10,7%	5%	19%
около 1900 года	28,3%	21,1%	26,3%	24,3%

Паденіе экономическаго благосостоянія задерживало ростъ крестьянскаго землевладѣнія: въ то время, какъ въ сѣверо-западныхъ, центральныхъ промышленныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ шло медленное но поступательное движеніе по покупкѣ земель черезъ крестьянскій банкъ, въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ это движеніе очень колебалось и временами, напримѣръ въ началѣ 90-хъ годовъ, остановилось вовсе.

Такимъ образомъ, выяснилась очень печальная экономическая картина: какъ разъ тѣ области, которыя русскіе заняли въ XVI—XVII столѣтіяхъ и куда во второй половинѣ XVII вѣка перенесенъ былъ сельскохозяйственный центръ страны, оказались быстро истощенными.

Обзоръ крестьянскаго землевладѣнія и крестьянско-поземельной политики правительства послѣ 1861 года приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) реформа 1861 года не разрѣшила вполнѣ крестьянскаго

вопроса; 2) Послѣдующая политика правительства, за исключеніемъ короткаго періода въ началѣ 80-хъ годовъ, была неудачна; опека, попеченіе, обособленіе крестьянства, регламентація его жизни въ мелочахъ не создали патріархальнаго рая и не упрочили сословнаго строя; между тѣмъ за весь этотъ почти полувѣковой періодъ заботы о поднятіи культурнаго уровня крестьянства были недостаточны. Мало думали и о томъ, чтобы дать крестьянству средства для успѣшной и плодотворной борьбы съ малоземельемъ и сельско-хозяйственными неудачами; въ результатѣ экономическое благосостояніе крестьянства къ концу XIX столѣтія понизилось.

§ 65. Заключеніе.

События 1905 и 1906 гг. слѣдуетъ считать новымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго землевладѣнія. Аграрныя движенія этого времени вызвали новую и чрезвычайно сильную мобилизацію земельной собственности. По нѣкоторымъ даннымъ къ 1 января 1907 г. крестьянскому поземельному банку было предложено къ покупкѣ болѣе 8.000.000 десятинъ. Большая часть земель, перешедшихъ во владѣніе крестьянъ послѣ 1905 г., были земли дворянскія; но и изъ недворянъ, собственниковъ крупныхъ имѣній, многіе ликвидировали свои земельныя состоянія. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ продаваемыя земли переходили въ руки крестьянъ. Такимъ образомъ мобилизація земельной собственности, происшедшая послѣ 1905 года, была новымъ шагомъ въ развитіи явленій, наблюдавшихся и въ 1861—1905 гг.: уже тогда русское землевладѣніе обнаруживало тенденцію къ постепенному превращенію въ землевладѣніе крестьянское; въ ближайшее время послѣ 1905 года эта эволюція пошла гораздо быстрѣе.

Хотя новый періодъ въ исторіи русскаго землевладѣнія еще только начался, однако уже и теперь возможно сдѣлать одинъ выводъ. До 1905 года правительственная политика искусственно поддерживала общинное крестьянское землевладѣніе; послѣ событій этого года дѣло рѣзко измѣнилось: возможность противодѣйствія аграрнымъ движеніямъ стали видѣть не въ поддержаніи патріархальной общины, а въ созданіи въ деревнѣ крѣпкой и устойчивой личной крестьянской собственности. Проявленіемъ новаго теченія въ русской поземельной политикѣ былъ законъ 9 ноября 1906 года. Сущность его сводится къ слѣдующему. Общества и имѣющія отдѣльныя владѣнія селенія, въ которыхъ не было общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею, признаются перешедшими къ наслѣдственному участковому или подворному владѣнію. Участки, состоявшіе ко времени обнародованія закона 9 ноября въ указанныхъ обществахъ и селеніяхъ въ безспорномъ постоянномъ, но

не въ арендномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, признаются ихъ личною собственностью. Сельскіе сходы имѣютъ право требовать составленія общихъ на все общество или селеніе актовъ, удостовѣряющихъ права собственности отдѣльныхъ домохозяевъ на указанные выше участки. Такимъ же правомъ пользуются и отдѣльные домохозяева по отношенію къ составляющимъ ихъ собственность участкомъ. Равнымъ образомъ въ обществахъ и селеніяхъ, производящихъ общіе передѣлы, каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою лично или въ общую съ другими членами собственность части означенной земли, причитающейся выходящимъ изъ общины. Домохозяева, за которыми укрѣплены въ личную собственность участки общинной земли, сохраняютъ за собою право пользованія въ неизмѣнной долѣ тѣми сѣнокоснами, лѣсными и другими угодьями, которыя передѣляются на особыхъ основаніяхъ, напримѣръ по произведеніямъ почвы и т. п. Такое же право сохраняется за означенными лицами и въ пользованіи угодьями не передѣляемыми, т. е. мірскою усадебною землею, проѣздами, прогонами, выгономъ, водопоемъ, пастбищами, оброчными статьями и пр.. Выдѣлы производятся по добровольному соглашенію между выдѣляющимися и сельскимъ обществомъ. При недостиженіи подобнаго соглашенія, выдѣлъ производится принудительно. Переходъ цѣлыхъ обществъ и селеній съ наслѣдственнымъ участковымъ или подворнымъ землевладѣніемъ къ владѣнію по отрубнымъ участкамъ совершается по приговору простого большинства всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Но для перехода цѣлыхъ обществъ и селеній съ общиннымъ и смѣшаннымъ землевладѣніемъ ко владѣнію въ отрубныхъ участкахъ требуется не менѣе двухъ третей большинства.

Законъ 9 ноября положилъ, такимъ образомъ, начало разрушенію стариннаго вида коллективнаго землевладѣнія и уничтожилъ препятствія, которыя въ предыдущій періодъ были создаваемы для мобилизаціи надѣльнаго крестьянскаго землевладѣнія. Этимъ онъ сдѣлалъ русское землевладѣніе болѣе свободнымъ чѣмъ ранѣе и далъ толчокъ по пути къ дальнѣйшему развитію въ Россіи землевладѣнія личнаго, индивидуальнаго. Въ этомъ нельзя не видѣть полной аналогіи съ процессомъ исторіи землевладѣнія въ другихъ европейскихъ странахъ и подтвержденія общей схемы развитія землевладѣнія, которая была намѣчена въ началѣ настоящаго очерка.

Литература къ главѣ IX.

Семевскій В. Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в. т. II. Спб. 1888. *Его же.* Политическія и общественныя идеи декабристовъ (гл. XI). Спб. 1909. *Заблоцкій-Десятовскій.* Графъ П. Д.

Киселевъ и его время 4 т. Спб. 1882. Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ 1837—1887 5 т. Спб. 1888. Исторія Удѣловъ за сто лѣтъ ихъ существованія 3 т. Спб. 1901—1902. *Великая Реформа.* Русское общество и крестьянскій вопросъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ, т. II—VI М. 1911. *Струве.* Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи XVIII и XIX в. М. 1913. *Довнаръ-Запольскій.* На зарѣ крестьянской свободы. Кіевъ 1911. *Игнатовичъ.* Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Спб. 1902, М. 1910. *Кизеветтеръ.* Внутренняя политика императора Николая I. *Богословскій.* Государственные крестьяне при Николаѣ I. *Рожковъ.* Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. (Всѣ три статьи напечатаны въ томѣ I Исторіи Россіи въ XIX в. изд. тов. Гранатъ. М. 1905; первая, кромѣ того, въ сборникѣ статей А. А. Кизеветтера „Историческіе очерки“. М. 1912). *Кн. Волконскій.* Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Рязань. 1898. *Повалишинъ.* Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Рязань. 1903. *Кеппенъ.* Девятая ревизія. Изслѣдованіе о числѣ жителей въ Россіи въ 1851 г. Спб. 1857. *Тройницкій.* Крѣпостное населеніе Россіи по 10-й переписи. Спб. 1861. *Скребицкій.* Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II 5 т. Боннъ 1862—1868. *Семеновъ.* Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра II. 4 т. Спб.1889—1892. *Милютинъ Н. А.* Историческая записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ (въ сборникѣ XIX-й Вѣкъ, изд. Бартеневымъ т. II, М. 1872). Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи 2 т. Берлинъ 1860—1862. *Иванюковъ.* Паденіе крѣпостного права. Спб. 1882, 1903. *Ходскій.* Земля и земледѣлецъ 2 т. Спб. 1891. *Джаншіевъ.* Изъ эпохи великихъ реформъ. М. 1892. *Корниловъ.* Крестьянская реформа. Спб. 1905. *Его же.* Курсъ русской исторіи XIX вѣка 3 т. М. 1912—1914. *Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы.* Сборникъ изд. Научнаго Слова. М. 1911. *Великая реформа.* Сборникъ изд. Т-ва „Образованіе“ М. 1911. *Леонтьевъ.* Крестьянское право. Спб. 1910, 1914. *Кн. Трубецкая.* Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго 2 т. М. 1904. *Кречетовичъ.* Крестьянская реформа въ оренбургскомъ краѣ. М. 1911. *Евреиновъ.* Крестьянское дѣло по положенію 19 февр. 1861. 2 т. Спб. 1913. *Попельницкій.* Секретный комитетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. В. Европы. 1911 №№ 1—3. *Его же.* Дѣло освобожденія крестьянъ въ государственномъ совѣтѣ. Р. Мысль. 1911 № 2. *Leroy-Beaulieu.* L'empire des tzars et les Russes. 3. vols Paris. 1881—1889. *Его же.* Un homme d'état russe. N. Milioutine. Paris. 1884.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Изд. деп. Окладныхъ сборовъ. (Въ вып. VIII этого изданія см. также указатель литературы по статистикѣ землевладѣнія). *Ершовъ.* Поземельная собственность Европейской Россіи. Спб. 1886 (Статист. Временникъ Росс. Имперіи; серія III, вып. 10). Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обслѣдованію 1887 г. (Статистика Росс. Имперіи, вып. XXII. Изд. центр. стат. комитета. Спб. 1896). Статистика землевладѣнія 1905 г. Сводъ данныхъ по 50 губерніямъ Евр. Россіи. Изд. центр. стат. Комитета Спб. 1907. Труды Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія о

нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Труды мѣстныхъ комитетовъ Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ Евр. Россіи. Изд. отдѣла сельской экономіи. Спб. 1906. *Фортунатовъ*. Сельскохозяйственная статистика Евр. Россіи. М. 1893. *Тернеръ*. Государство и землевладѣніе. 2 т. Спб. 1896—1901. *Страховскій*. Крестьянскій вопросъ въ законодательствѣ и въ законосовѣщательныхъ комиссіяхъ послѣ 1861 г. (въ сборникѣ „Крестьянской Строй". Спб. 1905). *Мануиловъ*. Поземельный вопросъ въ Россіи М. 1905. Очерки по исторіи крестьянскаго вопроса подъ ред. проф. *Мануилова*. М. 1904. *Масловъ*. Аграрный вопросъ. Спб. 1905—1908. *Риттихъ*. Крестьянское землепользованіе. Спб. 1903. *Рихтеръ*. Цифровыя данныя о поземельной собственности. *Святловскій*. Къ вопросу о судьбахъ землевладѣнія въ Россіи. Спб. 1914. *Хауке*. Крестьянское земельное право. М. 1914. *Фоминъ*. Очерки экономическаго описанія Россіи. Харьковъ. 1914.

ГЛАВА X.

Сибирь.

§ 66. Колонизація Сибири.

Уралъ и его восточные азіатскіе склоны стали извѣстными русскимъ людямъ задолго до того, какъ сѣверная Азія подпала подъ политическую зависимость отъ Московскаго правительства.

Сѣверо-восточное направленіе—мѣсто наименьшаго сопротивленія для разселенія русскаго племени. Еще въ удѣльное время волна славянской колонизаціи медленно захватываетъ двинскій край и подвигается къ Уралу. Подобно тому какъ при колонизаціи юга передъ осѣдлыми поселенцами шло вольное бродячее населеніе, на сѣверѣ передъ земледѣльцами, разчищавшими новь подъ пахоту, проходилъ промышленникъ, добывавшій мѣха у рѣдкаго туземнаго населенія.

Названіе Сибирь впервые упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ въ концѣ XV вѣка. Собственно Сибирью называлась земля по низовью Иртыша, съ главнымъ городомъ Сибирью; здѣсь въ XVI вѣкѣ образовалось довольно сильное ханство; это ханство и до Ивана IV номинально признавало зависимость отъ Московскаго великаго князя, но только тогда, когда это представлялось выгоднымъ.

Дальнѣйшія предпріятія русскихъ въ Азіи тѣсно связаны съ колонизаціонной дѣятельностью Строгановыхъ на Уралѣ. Эта дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ переходъ отъ первой стадіи русскаго движенія на востокъ, т. е. отдѣльныхъ экспедицій для сбора дани съ инородцевъ къ позднѣйшей правительственной дѣятельности, начавшейся послѣ покоренія Сибири. Въ 1558 г. Григорій Аникіевъ Строгановъ получаетъ въ аренду земли по р. Камѣ, отъ устья рѣчки Лосьвы до Чусовой слободы съ льготой на 20 лѣтъ отъ податей, съ правомъ „ставить городки и въ городкахъ пушки и пищали учиняти для береженія отъ Ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ“. Въ короткое время число Строгановскихъ городовъ и поселковъ дошло до 35. Въ 1574 г. вслѣдствіе постоянныхъ нападеній зауральскихъ инородцевъ Строгановы получили

право посылать казаковъ въ Сибирь и ставить городки по р. Тоболу и его притокамъ; знаменитый походъ Ермака былъ предпринятъ въ связи съ этимъ новымъ правомъ, полученнымъ Строгановыми. Походъ Ермака повлекъ за собой подчиненіе русскимъ средняго теченія Оби. Гибель завоевателя только на минуту поколебала русское движеніе на востокъ и уже въ первые дни царствованія Бориса самъ Кучумъ попалъ въ руки русскихъ воеводъ.

Съ момента основанія Тобольска въ 1587 году началось безпримѣрное по быстротѣ и легкости завоеваніе всей Сѣверной Азіи. Характеръ его подсказывался предыдущими отношеніями къ Сибири: впереди шли промышленники, отыскивавшіе инородческіе юрты, звѣриные промыслы, а за ними по пятамъ слѣдовали казаки, ставившіе городки и острожки и промышлявшіе ясачныя „землицы“, т. е. территоріи, населеніе которыхъ соглашалось бы платить государю дань мѣхами. Уже потомъ, наконецъ, являлись воеводы, окончательно приводившіе покоренныя племена и новооткрытыя земли подъ высокую государеву руку. Нельзя себѣ вообразить такого быстраго подчиненія огромнаго края, если бы не было постоянной связи его съ центромъ и постояннаго притока русскихъ людей въ Сибирь. Однако, вольный притокъ колонистовъ уже съ самаго начала оказался недостаточнымъ и поэтому правительство стало прибѣгать къ переведенію служилыхъ людей въ Сибирь „по прибору“ или „по указу“; такъ въ 1631 году въ поморскихъ городахъ и уѣздахъ было прибрано въ сибирскую службу 500 человѣкъ казаковъ и стрѣльцовъ; переводимые служилые люди получали подмогу (1—2 рубля) и подъ начальствомъ головы или сотника двигались походомъ въ Сибирь. Также точно переселяли духовенство и крестьянъ, пользуясь для этой цѣли почти исключительно жителями сѣверныхъ поморскихъ уѣздовъ; имъ давалась на новыхъ мѣстахъ льгота на 2—3 года отъ податей. Жители другихъ уѣздовъ переводились въ Сибирь почти только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ нихъ нужно было избавиться. Такъ получила начало ссылка въ Сибирь, которая обходилась дешевле и была практичнѣе, чѣмъ содержаніе въ тюрьмахъ. До 10-ыхъ годовъ XVII вѣка извѣстны лишь единичные случаи ссылки. Въ 10-ыхъ годахъ въ Сибири было поселено довольно много участниковъ смуты и въ томъ числѣ плѣнные иностранцы. Ссыльные наряду съ приборными людьми зачислялись въ службу, получали подмогу деньгами и натурой и землю для пашни.

Первоначально, когда Сибирь была занята небольшимъ военнымъ гарнизономъ тамъ почти не было пашенныхъ угодій. Для снабженія служилыхъ людей хлѣбомъ былъ устроенъ хлѣбный магазинъ въ Верхотурьѣ, куда жители сѣверныхъ уѣздовъ Московскаго государства должны были поставлять хлѣбъ „на сѣмена и ѣмена“ сибирскимъ слу-

жилымъ людямъ. Однако, еще въ концѣ XVI вѣка, въ 90-хъ годахъ, явилась необходимость замѣнить неудобный и дорогой привозъ хлѣба изъ Европейской Россіи производствомъ хлѣба на мѣстѣ. Эта необходимость была одною изъ причинъ, почему правительство стало само переселять пашенныхъ людей въ Сибирь. Вотъ нѣсколько цифръ, дающихъ свѣдѣнія о хлѣбопашествѣ въ Сибири въ первое столѣтіе ея занятія русскими. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ въ 1624 году русское населеніе состояло изъ 1273 человѣкъ, пахавшихъ своей пашни 2.220 дес. и 166 дес. государевой пашни. Въ Туринскомъ уѣздѣ въ 1624 году было 304 русскихъ, имѣвшихъ около 1300 десятинъ своей пашни и обрабатывавшихъ 155 дес. пашни государевой. Повинностью этого пахатнаго населенія было именно пахать *государеву пашню*, хлѣбъ съ которой шелъ на пропитаніе служилыхъ людей. Естественно, что когда русское населеніе подвинулось на востокъ до бассейна Лены, то вопросъ о снабженіи его хлѣбомъ возникъ вновь. Провозъ изъ западныхъ уѣздовъ былъ невозможенъ. Хлѣбопашество въ бассейнѣ Лены было почти немыслимо. Выходомъ изъ положенія было движеніе русскаго населенія на югъ въ Забайкалье и на Амуръ; первые шаги по направленію къ Амуру также относятся къ XVII вѣку; Забайкалье было занято русскими въ 30-ыхъ годахъ XVII вѣка. Въ 1642 году Якутскіе воеводы отправили письменнаго голову Пояркова на югъ за Яблоновый хребетъ для отысканія мѣстъ, удобныхъ для земледѣлія. Въ 1647 г. торговый человѣкъ Хабаровъ, родомъ изъ Устюга, съ дозволенія якутскихъ воеводъ набиралъ отрядъ въ 200—300 человѣкъ вольницы, плавалъ по Амуру, основалъ городокъ Албазинъ и, такимъ образомъ, довелъ русское владычество до р. Амура.

§ 67. Особенности сибирскаго землевладѣнія.

Съ конца XVII столѣтія ссылка становится главнымъ способомъ заселенія Сибири; не безъ вліянія въ этомъ отношеніи остались извѣстные указы 1760-ыхъ годовъ, дававшіе право помѣщикамъ ссылать въ Сибирь крѣпостныхъ; въ теченіе XIX столѣтія ссылка дала около 900.000 переселенцевъ въ Сибирь. Только съ половины XIX столѣтія ссылка уступила постепенно мѣсто новому порядку заселенія Сибири посредствомъ организованнаго правительствомъ переселенія малоземельныхъ крестьянъ изъ Европейской Россіи. Первые опыты переселенія относятся къ началу 50-хъ годовъ и стоятъ въ связи съ дѣятельностью руководимаго гр. Киселевымъ министерства государственныхъ имуществъ. Постепенно развиваясь, переселеніе распространилось на всю южную, пригодную для земледѣлія, полосу Сибири до Уссурійскаго края и береговъ Тихаго океана; особенно большое зна-

ченіе въ переселенческомъ дѣлѣ получила постройка Сибирской желѣзной дороги, начатая въ 1891 году. За послѣднія 20 лѣтъ XIX вѣка въ Сибири водворено было до 1.500.000 переселенцевъ.

Природныя условія Сибири, географическія особенности страны и историческія условія ея заселенія придали особый характеръ сибирскому землевладѣнію. Необъятный просторъ земель давалъ возможность всякому получить фактически столько земли, сколько ему было нужно, не задумываясь надъ тѣмъ, кто являлся юридически ея хозяиномъ; а такъ какъ при господствѣ всѣхъ трехъ смѣнившихъ другъ друга способовъ заселенія Сибири, т. е. перевода на службу, ссылки и переселенія, водвореніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ происходило подъ наблюденіемъ государственной власти, то это обстоятельство съ самаго начала укрѣпило мысль, что именно государство является исключительнымъ собственникомъ земли въ Сибири; отдѣльнымъ же лицамъ земельные участки отводятся только въ наслѣдственное и безсрочное пользованіе. Такое положеніе вещей господствуетъ и донынѣ: около 93% сибирской территоріи составляютъ казенныя земли, часть которыхъ въ размѣрѣ $4^1/_4$ милліоновъ десятинъ, преимущественно въ Алтайскихъ горахъ, выдѣлены въ особую группу, носящую названіе *кабинетскихъ земель*, управляемыхъ кабинетомъ Его Величества и принадлежащихъ особѣ царствующаго государя. Землевладѣніе частное занимаетъ въ Сибири ничтожное мѣсто; оно распространено съ одной стороны въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ, гдѣ частное землевладѣніе образовалось отчасти еще въ XVII и XVIII столѣтіяхъ путемъ отвода земель служилымъ людямъ и закрѣпленія земельныхъ угодій за отдѣльными крупными и вліятельными инородцами. Въ западной Сибири оно восходитъ къ тому же источнику или же образовалось вслѣдствіе неоднократно повторявшихся попытокъ правительства создать въ этомъ краѣ частное дворянское землевладѣніе. Въ Забайкальѣ и Пріамурьѣ, къ уже указаннымъ источникамъ происхожденія частнаго землевладѣнія надо прибавить еще третій: здѣсь закономъ 26 марта 1861 года было предоставлено переселенцамъ крестьянамъ право выкупать свои надѣлы и были установлены общія правила отчужденія въ частныя руки казенныхъ земель съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы въ однѣ руки отдавалось не болѣе 400 десятинъ.

Съ самаго начала фактическое водвореніе русскихъ земледѣльцевъ колонистовъ въ Сибирѣ основывалось на *вольномъ захватѣ;* неограниченная свобода захвата земель сохранилась до настоящаго времени только въ немногихъ мѣстахъ на сѣверныхъ окраинахъ годныхъ для колонизаціи земель; во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ водвореніе новыхъ колонистовъ совершается по *отводу* земель правительствомъ. Окончательное устройство и урегулированіе правительственнаго отвода послѣ

долгихъ межевыхъ работъ, то возникавшихъ, то прекращавшихся, относится къ концу XIX столѣтія; въ настоящее время за норму принимается надѣлъ въ 15 десятинъ на каждую душу мужского пола. Надѣлы, отведенные ранѣе, оставлены неприкосновенными, если они были больше 15 десятинъ; въ противномъ случаѣ допускается прирѣзка.

Однако и въ этой новѣйшей стадіи сибирскаго крестьянскаго землевладѣнія еще сохраняется много слѣдовъ земельнаго быта, напоминающихъ далекое прошлое какъ Сибири такъ и европейской Россіи. Субъектомъ владѣнія землей, основано ли оно на отводѣ или на свободномъ захватѣ, является всегда общество крестьянъ, т. е. сибирское крестьянское землевладѣніе есть всегда землевладѣніе коллективное, и изучая его мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльными колонистами, а съ поземельной общиной въ самыхъ различныхъ стадіяхъ ея развитія. Община въ Сибири представляется прежде всего въ двоякомъ видѣ, уже извѣстномъ намъ изъ земельной исторіи европейской Россіи: общиной, совмѣстно владѣющей землей, можетъ быть съ одной стороны волость, т. е. группа селеній, съ другой—отдѣльное селеніе. При этомъ, однако, въ большей части колонизуемыхъ мѣстностей замѣчается распаденіе большихъ волостныхъ общинъ, уступающихъ мѣсто общинамъ-селеніямъ. При первоначальномъ земельномъ просторѣ значеніе общины, волостной или сельской сравнительно не велико; подобно тому, какъ это мы видѣли въ сѣверно-русской общинѣ въ XVII—XVIII столѣтіяхъ община въ лицѣ своихъ выборныхъ или своего схода имѣетъ право распоряжаться участками почему либо освобождающимися, можетъ принимать новыхъ членовъ, занимается разверсткой угодій между членами; но вотъ постепенно, вслѣдствіе прироста населенія или же вслѣдствіе стѣсненія, вызваннаго наплывомъ большой массы переселенцевъ и изъятіемъ части общинной земли подъ переселенческіе участки, положеніе дѣлъ мѣняется и вводятся *уравнительные передѣлы*. Во многихъ мѣстностяхъ такой переходъ происходилъ въ очень недавнее время на глазахъ ученыхъ наблюдателей, имѣвшихъ возможность на примѣрѣ Сибири изучить происхожденіе земельныхъ поравненій. Неоднократно при этомъ наблюдалось, что толчкомъ къ возникновенію уравнительныхъ передѣловъ бывали работы по межеванію или иниціатива мѣстныхъ администраторовъ; это даетъ возможность установить новую черту аналогіи между современной сибирской поземельной общиной и русской общиной XVI—XVII столѣтій, въ которой уравнительные передѣлы появились также подъ вліяніемъ правительства или подъ вліяніемъ власти дворянина помѣщика. Такія черты аналогіи и возможность на примѣрѣ сибирскаго землевладѣнія ознакомиться со многими чертами исторіи формъ крестьянскаго землевладѣнія европей-

ской Россіи и придаютъ особый интересъ изученію земельнаго быта Сибири.

При своемъ появленіи въ сѣверной Азіи русскіе застали тамъ извѣстное количество инородцевъ, которыхъ быстро подчинили своей власти. Земельный бытъ инородцевъ долго оставался неустроеннымъ; въ настоящее время можно установить, что для инородцевъ осѣдлыхъ и осѣдающихъ установился порядокъ владѣнія, схожій съ земельнымъ строемъ русскихъ колонистовъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ уже указано, нѣкоторые инородцы получали земельные участки въ полную собственность; но какъ общее правило, всѣ земли, занятыя инородцами, считались и продолжаютъ считаться собственностью государства.

Литература къ главѣ X.

Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири, 2 т. изд. 1, Спб. 1838 г., изд. 2-ое. Спб. 1886. *Щаповъ*. Историко-географическое распредѣленіе русской народности (Соч. т. II, Спб. 1906 г.) *Ядринцевъ*. Сибирь какъ колонія въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ, Спб. 1882, 2-ое изд. Спб. 1892 г. *Буцинскій*. Заселеніе Сибири. Харьковъ 1889 г. *Кауфманъ*. Крестьянская община въ Сибири. Спб. 1897 г. *Вернадскій*. Противъ солнца. М. 1914 г. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона: статьи Кауфмана, Латкина, Лучинскаго подъ словомъ Сибирь; тамъ же подробный указатель литературы.

ГЛАВА XI.

Балтійскій край.

§ 68. Земельный строй Балтійскаго края до реформы 1816—1819 гг.

Земельная исторія Прибалтійскаго края развивалась по направленію, которое можно назвать противоположнымъ направленію земельной исторіи Сибири: въ Сибири государство является преимущественнымъ собственникомъ земли; владѣльцами же ея состоятъ почти одни крестьяне; Прибалтійскій край—страна, гдѣ совершенно исключительное развитіе получило частное привиллегированное землевладѣніе.

Въ XIII столѣтіи нѣмецкіе пришельцы покорили туземныя племена литовскаго и финскаго происхожденія и очень быстро установили феодально-крѣпостническія отношенія, причемъ разница сословная совпала въ этомъ краѣ съ національнымъ различіемъ; привиллегированный слой былъ исключительно нѣмецкимъ; подчиненнымъ слоемъ было все туземное населеніе; съ теченіемъ вѣковъ такое положеніе не только не сгладилось, но скорѣе еще обострилось. Въ XVI столѣтіи историческія судьбы отдѣльныхъ частей края раздѣлились: Лифляндія и Эстляндія входили въ составъ то Рѣчи Посполитой, то Швеціи, а въ началѣ XVIII столѣтія при Петрѣ Великомъ стали достояніемъ Россіи; Курляндія сдѣлалась особымъ герцогствомъ; она оставалась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ вплоть до паденія послѣдней и только въ 1795 г. была присоединена къ имперіи. Переходъ Балтійскаго края подъ русское владычество не повлекъ за собою измѣненій въ бытѣ сельскаго населенія и въ земельномъ строѣ, скорѣе наоборотъ: XVIII столѣтіе было временемъ наибольшаго развитія крѣпостного права въ Россіи; а кромѣ того, балтійское дворянство заняло очень вліятельное положеніе и сумѣло не только упрочить, но даже еще усилить свое привиллегированное положеніе: какъ разъ въ XVIII вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ, подобно всей имперіи, недворяне были лишены права пріобрѣтать земли.

Въ рубежѣ XVIII и XIX столѣтій земли Балтійскаго края распадались на слѣдующія категоріи: *дворянскія вотчины*, занимавшія боль-

шую часть территоріи; 2) *городскія земли* и примыкавшія къ нимъ *патримоніальныя имѣнія*, подаренныя правительствомъ городамъ для расширенія площади городского землевладѣнія и хозяйства; 3) *казенныя имѣнія*, не очень многочисленныя, и 4) *земли церковныя*. Громадное большинство сельскаго крѣпостного населенія было сосредоточено въ дворянскихъ имѣніяхъ. Мѣриломъ обложенія повинностями земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ былъ лифляндскій *гакенъ* или *гакъ*, первоначально—пространство земли, которое можно было обработать одному человѣку въ одинъ день при одной сохѣ; въ XVII—XVIII столѣтіи гакенъ былъ опредѣленъ точнѣе, составивъ сложную и очень искусственную единицу исчисленія повинностей, лежавшихъ на крестьянинѣ въ соотвѣтствіи съ занятой имъ землею. За пользованіе землею крестьянинъ долженъ былъ отбывать въ пользу дворянина землевладѣльца рядъ повинностей, исчислявшихся рабочими днями пѣшими и конными т. е. работой крестьянина пѣшаго и съ лошадью; обычно крѣпостному крестьянину дворохозяину приходилось работать на помѣщика болѣе 900 рабочихъ дней въ годъ. Кромѣ того, помѣщикъ имѣлъ право *вотчинной полиціи*, т. е. право суда и расправы по мелкимъ дѣламъ надъ крестьянами, жившими въ его имѣніи. Положеніе балтійскаго крестьянства въ концѣ XVIII столѣтія было настолько тяжелымъ, что вызвало значительное недовольство и броженіе, приведшее правительство къ сознанію въ необходимости нѣкоторыхъ реформъ, которыя и были проведены въ первые годы царствованія императора Александра I, хотя мѣстное дворянство шло на нихъ очень неохотно. Реформы начала столѣтія коснулись только Лифляндіи и Эстляндіи. Положеніе о крестьянахъ, изданное для первой изъ этихъ областей въ 1804 году, признавало за крестьянами право владѣнія землею, стремилось точнѣе опредѣлить повинности крѣпостныхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ослабляло вотчинную полицію. Крестьянамъ было предоставлено право пріобрѣтать отведенные имъ участки земли въ полную собственность; однако, въ этомъ же положеніи была допущена оговорка, дававшая возможность помѣщику въ случаѣ, если у него было недостаточно земли, отчуждать крестьянскіе участки. Крестьяне дворохозяева были изъяты изъ вотчинной полиціи. Для урегулированія крѣпостныхъ повинностей были вновь подтверждены точныя правила, установленныя при шведскомъ владычествѣ въ XVII столѣтіи. Одновременно проведенная крестьянская реформа въ Эстляндіи отличалась еще меньшей степенью энергіи нежели Лифляндская; Курляндіи она, мы уже знаемъ, не коснулась вовсе. Жизнь быстро показала, что законоположенія, проведенныя въ началѣ XIX вѣка, были не удовлетворительными и выдвинула вновь вопросъ объ аграрной реформѣ въ Балтійскомъ краѣ.

§ 69. Освобожденіе крестьянъ. Главнѣйшія явленія въ исторіи землевладѣнія въ XIX вѣкѣ.

Какъ и преобразованія 1804 г. новая реформа была проведена въ разное время и отдѣльно для каждой изъ трехъ губерній; она заняла цѣлыхъ три года отъ 1816 до 1819 г. Въ 1816 г. былъ изданъ законъ объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ. Онъ содержалъ слѣдующія основныя постановленія: 1) крестьяне освобождаются отъ наслѣдственной крѣпостной зависимости; 2) помѣщикамъ воспрещается продавать и дарить крестьянъ съ землею и безъ нея; 3) крестьяне имѣютъ право пріобрѣтать землю въ собственность; 4) по гражданскимъ дѣламъ крестьяне подсудны своему суду; 5) крестьяне имѣютъ право аренды и свободнаго договора при наймѣ; 6) основывается мірское крестьянское общество; 7) крестьянину предоставляется право свободной перемѣны мѣста, если онъ удовлетворяетъ требованіямъ, какія къ нему предъявляетъ мірское общество и его прежній помѣщикъ; 8) *полная собственность на землю сохраняется за помѣщикомъ;* за нимъ же остается и надзоръ за благочиніемъ крестьянъ, живущихъ на его землѣ.

Въ 1817 году состоялось освобожденіе Курляндскихъ крестьянъ на тѣхъ же приблизительно условіяхъ, но помѣщикамъ была оставлена еще „домашняя расправа“, т. е. право помѣщика налагать тѣлесное наказаніе въ административномъ порядкѣ. Въ 1819 г. на тѣхъ же основаніяхъ освобождены Лифляндскіе крестьяне.

Новые законы далеко нельзя признать за шагъ къ улучшенію участи крестьянъ. Ихъ основная особенность заключалась въ томъ, что земля, на которой сидѣлъ крестьянинъ, оставалась неотъемлемой собственностью землевладѣльца, который могъ и не продать ея крестьянину. На практикѣ такое явленіе и наблюдалось въ послѣдующее время: право крестьянъ владѣть недвижимымъ имуществомъ было мертвой буквой, а самъ крестьянинъ, принужденный снимать земельные участки у помѣщика, по прежнему платилъ ему аренду деньгами и повинностями и на самомъ дѣлѣ оставался его крѣпостнымъ. Тяжелыя послѣдствія реформы 1816—1819 г.г. усугублялись тѣмъ, во первыхъ, что арендныя условія съ этого времени сдѣлались еще суровѣе чѣмъ ранѣе, во вторыхъ, частичнымъ перемежеваніемъ угодій, вслѣдствіе котораго во многихъ мѣстахъ подъ поселеніе крестьянъ были отведены пустоши, которыя имъ приходилось вновь разрабатывать. Если тяжелѣе стало положеніе крестьянъ дворохозяевъ, то положеніе безземельныхъ крестьянъ, которымъ не оставалось иного выхода, какъ быть сельскохозяйственными батраками, ничѣмъ не отличалось отъ положенія крѣ-

постныхъ тѣмъ болѣе, что надъ ними полностью тяготѣла вотчинная полиція.

Тяжелыя условія, созданныя реформой 1816—1819 г.г., выразились въ новыхъ аграрныхъ волненіяхъ, особенно сильныхъ въ началѣ 40-хъ годовъ; слѣдствіемъ ихъ были законы 1845 г. Оставивъ въ силѣ основныя положенія предшествовавшей реформы они нѣсколько облегчали крестьянскія повинности: ими воспрещалось заставлять крестьянъ работать на помѣщика въ уплату накопившихся долговъ болѣе чѣмъ одинъ годъ. Рабочее время женатаго крестьянина ограничивалось 4-мя днями въ недѣлю. Воспрещалось брать на помѣщичьи работы болѣе половины всего числа рабочихъ крестьянской усадьбы. Въ болѣе широкомъ объемѣ была проведена аграрная реформа въ 1849 году, когда было издано „крестьянское и поземельное уложеніе“. Уложеніе 1849 г. устанавливало новыя формы аренды, болѣе льготныя и болѣе прочныя (до 50 лѣтъ и больше), оно давало разрѣшеніе пріобрѣтать арендную землю въ собственность; въ томъ же 1849 году установленъ былъ и крестьянскій кредитъ въ видѣ первыхъ крестьянскихъ банковъ. Такимъ образомъ, уложеніе 1849 года положило начало мелкому крестьянскому землевладѣнію въ Балтійскомъ краѣ. Тѣмъ не менѣе оно не было въ силахъ измѣнить общаго уклада землевладѣнія въ этой области: крупное помѣщичье землевладѣніе осталось тамъ безусловно господствующимъ и до настоящаго времени; уложеніе 1849 г. дѣлало даже шагъ назадъ, такъ какъ возстанавливало косвенно барщину, разрѣшая крестьянамъ арендаторамъ взамѣнъ арендной платы отбывать натуральныя повинности.

Балтійская крестьянская реформа 1816—1819 г.г., какъ было указано въ свое время (§ 55), оказала нѣкоторое вліяніе на подготовку общерусской реформы 1861 года: многочисленные сторонники безземельнаго освобожденія крестьянъ вдохновлялись примѣромъ Балтійскаго края и долго боролись съ тѣми, кто стремился обезпечить крестьянъ земельною собственностью. Когда это послѣднее теченіе побѣдило и реформа 1861 года была проведена съ надѣленіемъ крестьянъ землею, она въ свою очередь не осталась безъ вліянія на Балтійскій край, для котораго въ 1861—66 годахъ было издано нѣсколько дополнительныхъ узаконеній въ развитіе и дополненіе законовъ 10-ыхъ и 40-ыхъ годовъ.

Такъ расширена была возможность для крестьянъ пріобрѣтать обрабатываемые ими участки въ собственность, уничтожена полицейская власть помѣщиковъ надъ населеніемъ; условія аренды были установлены болѣе льготныя, причемъ арендная плата стала вноситься исключительно деньгами: замѣна денегъ барщиной была безусловно запрещена. Однако, и законы 60-ыхъ годовъ, смягчивъ нѣсколько суровый аграрный строй Балтійскаго края, все же не измѣнили его

по существу: вопросъ о покупкѣ земли крестьянами былъ по прежнему поставленъ въ зависимость отъ согласія помѣщиковъ и фактически крестьянское землевладѣніе сдѣлало мало успѣховъ до конца XIX столѣтія; Балтійскій край такъ и остался преимущественно краемъ крупнаго землевладѣнія.

Литература къ главѣ XI.

Тобинъ. Аграрное законодательство Лифляндіи въ XIX столѣтіи, т. I, Рига 1900. *Аксаковъ*. Прибалтійскій вопросъ, сочиненія т. VII, Москва 1887. *Самаринъ Ю. Ѳ.* Сочиненія т. I—VIII. *Ландеръ*. Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX столѣтія. *Его же:* Крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ во второй половинѣ XIX столѣтія. (Ист. Россіи въ XIX вѣкѣ. Изданіе тов. „Гранатъ и К°“. М. 1905—9 г.г., т. II и V; тамъ же см. подробный указатель нѣмецкой литературы вопроса). *Кассо*. Обзоръ остзейскаго гражданскаго права. Юрьевъ 1896.

Во время печатанія книги появились слѣдующія двѣ работы, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при ознакомленіи съ литературой предмета: 1. *Веселовскій*. Сошное письмо. М. 1915. 2. *Кованько*. Реформа 19-го февраля 1861 г. съ финансовой точки зрѣнія. К. 1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. § 1. Общія понятія о землевладѣніи въ его историческомъ развитіи. 3

Глава II. Земельный строй Кіевской Руси.

§ 2. Происхожденіе Кіевскаго государства. 8
§ 3. Земельный строй Кіевскаго государства X—XIII в.в. 9

Глава III. Земельный строй западной Руси въ XIII—XIV в.в.

§ 4. Политическія судьбы западной Руси до ея соединенія съ Московскимъ государствомъ и имперіей. 14
§ 5. Землевладѣніе привиллегированныхъ классовъ. 16
§ 6. Крестьянство и крестьянское землевладѣніе. 19
§ 7. Земельная реформа XVI вѣка и ея послѣдствія. 22

Глава IV. Земельный строй Новгорода и Пскова до начала XVI вѣка.

§ 8. Особенности исторіи Новгорода и Пскова. 27
§ 9. Своеземцы. 28
§ 10. Съемщики земель. 30
§ 11. Формы владѣнія землею. 31

Глава V. Земельный строй удѣльной Руси до конца XV вѣка.

§ 12. Колонизація Суздальской земли. 34
§ 13. Крестьянское землевладѣніе. 37
§ 14. Землевладѣніе привиллегированныхъ классовъ. 38
§ 15. Землевладѣніе духовныхъ учрежденій 41

Глава VI. Московское государство XVI—XVII в.в.

§ 16. Образованіе Московскаго государства 44
§ 17. Образованіе служилаго сословія и его составъ. 47
§ 18. Помѣстная система. 50
§ 19. Вотчинное землевладѣніе въ XVI вѣкѣ и опричнина. 53
§ 20. Смута и ея послѣдствія. Поземельная политика при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. 58
§ 21. Вотчины и помѣстья по уложенію; сближеніе помѣстья съ вотчиной. 61
§ 22. Общій ростъ частнаго землевладѣнія, его распредѣленіе по государственной территоріи; его государственное и общественное значеніе. 65

Стр.

§ 23. Закрѣпленіе владѣнія землею. 68
§ 24. Управленіе служилымъ сословіемъ и помѣстной системой. . . 70
§ 25. Образованіе крѣпостного права. 71
§ 26. Черныя земли; крестьянское землевладѣніе на сѣверѣ. . . . 78
§ 27. Происхожденіе современной поземельной общины. 81
§ 28. Дворцовое землевладѣніе. 84
§ 29. Землевладѣніе духовенства. 86
§ 30. Однодворцы. 89
§ 31. Ямское землевладѣніе. 93
§ 32. Землевладѣніе городскихъ жителей. 94
§ 33. Образованіе вольнаго казачества. 97

Глава VII. Имперія въ XVIII столѣтіи.

§ 34. Общія замѣчанія о соціальной и земельной политикѣ Петра. . 102
§ 35. Указъ о единонаслѣдіи и его отмѣна. 104
§ 36. Земли при заводахъ и фабрикахъ и посессіонные крестьяне. . 105
§ 37. Закрѣпощеніе земли въ исключительное владѣніе дворянъ. . . 107
§ 38. Развитіе крѣпостного права и ростъ дворянскаго землевладѣнія. 109
§ 39. Численность крестьянъ и ихъ распредѣленіе въ XVIII вѣкѣ. . 111
§ 40. Генеральное межеваніе; его значеніе въ исторіи землевладѣнія. 114
§ 41. Монастырское землевладѣніе. Секуляризація 1764 года. . . . 117
§ 42. Колонизаціонная политика. 121
§ 43. Происхожденіе государственныхъ крестьянъ. 125
§ 44. Удѣлы. 128

Глава VIII. Малороссія въ XVI—XVIII в.в.

§ 45. Заселеніе Малороссіи въ XVI столѣтіи. 130
§ 46. Вліяніе возстаній XVII столѣтія на землевладѣніе. Заселеніе Слободской Украйны. 132
§ 47. Формы крестьянскаго землевладѣнія. Происхожденіе подворнаго владѣнія. 133
§ 48. Образованіе и ростъ дворянскаго землевладѣнія. Закрѣпощеніе крестьянъ. 135

Глава IX. XIX столѣтіе.

§ 49. Воззрѣнія Александра I на крестьянскій вопросъ; раскрѣпощеніе земли. 139
§ 50. Законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ; крестьянскій и земельный вопросъ до конца войнъ съ Наполеономъ. 140
§ 51. Проекты освобожденія крестьянъ въ 10-хъ годахъ. 143
§ 52. Общія замѣчанія о внутренней политикѣ императора Николая I. Комитетъ 6 дек. 1826 г. 145
§ 53. Крестьянскій и земельный вопросъ въ секретныхъ комитетахъ. Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ. 149
§ 54. Государственные крестьяне. Реформа 1838 года. 154
§ 55. Подготовка крестьянской реформы 1861 г. 159
§ 56. Основныя начала положенія 19 февраля. 167
§ 57. Устройство удѣльныхъ крестьянъ. 170
§ 58. Устройство государственныхъ крестьянъ. 172
§ 59. Общія причины паденія крѣпостного права. 174

Стр.

§ 60. Главнѣйшіе виды землевладѣнія, установившіеся послѣ реформы. 177
§ 61. Судьбы дворянскаго землевладѣнія. 178
§ 62. Землевладѣніе разночинцевъ. 179
§ 63. Крестьянское надѣльное землевладѣніе. 181
§ 64. Политика правительства по земельному и крестьянскому вопросамъ въ 1861—1905 г.г. 185
§ 65. Заключеніе. 189

Глава X. Сибирь.

§ 66. Колонизація Сибири. 193
§ 67. Особенности сибирскаго землевладѣнія. 195

Глава XI. Балтійскій край.

§ 68. Земельный строй Балтійскаго края до реформы 1816—1819 г.г. . 199
§ 69. Освобожденіе крестьянъ. Главнѣйшія явленія въ исторіи землевладѣнія въ XIX в. 201

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ.

стр.	36	11	строка	снизу,	напечатано:	„Кубанскаго“,	слѣдуетъ:	Кубенскаго
—	100	12	—	сверху	—	Bauerlichen	—	Bäuerlichen
—	108	15	—	—	—	общины	—	земли
—	136	9	—	снизу	—	нисшаго	—	низшаго
—	139	4	—	—	—	впервыя	—	впервые
—	140	6	—	сверху	—	населенныя	—	ненаселенныя

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00038836000